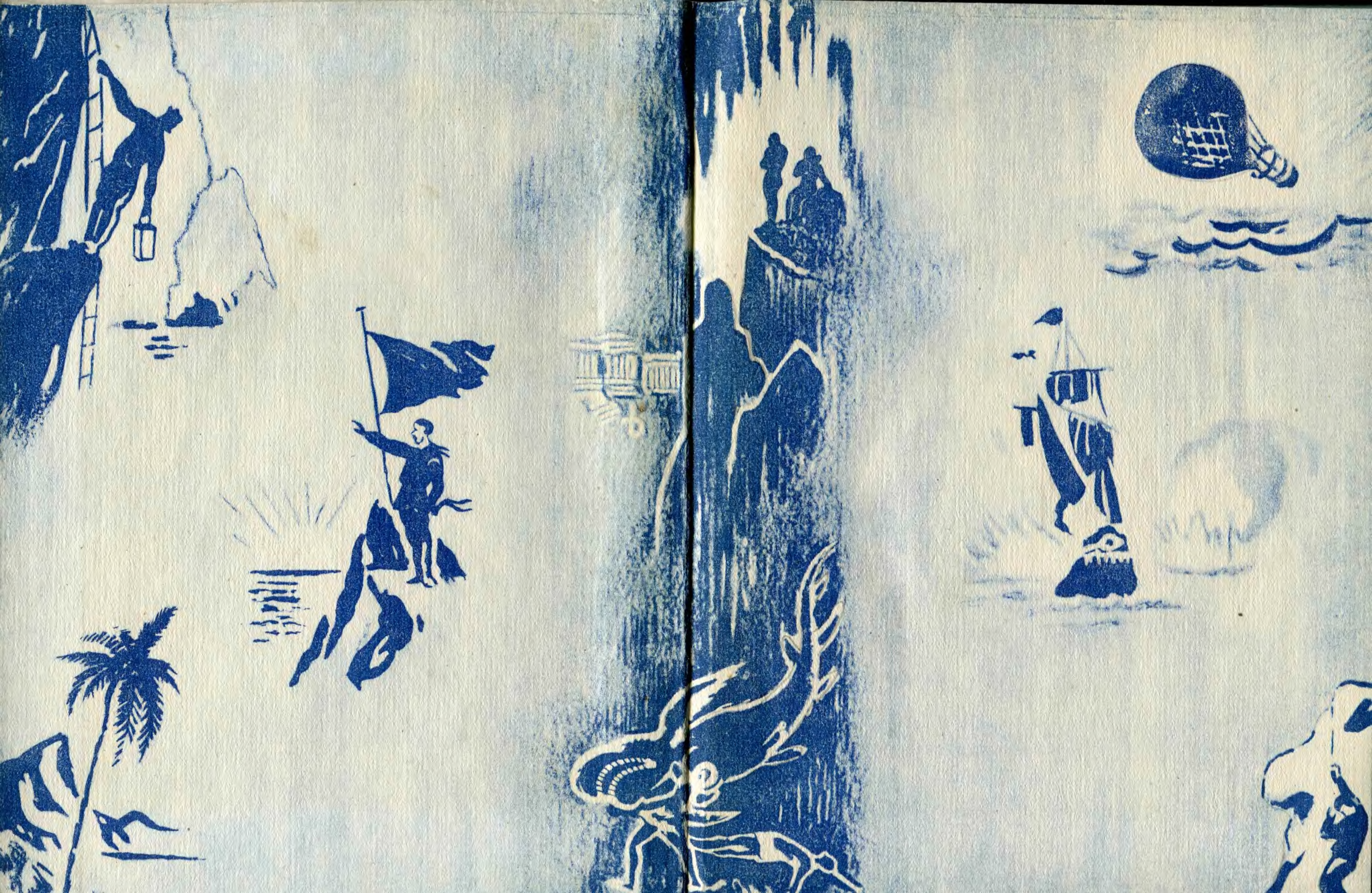

ЖЮЛЬ ВЕРН
ВВЕРХ ДНОМ

ДЕТГИЗ 1952

БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА

1962

ЛЕНИНГРАД

ЖЮЛЬ ВЕРН

В В Е Р Х Д Н О М

*Перевод Марко Вовчка,
литературно отредактированный
и сверенный с французским текстом
Е. Лопыревой*

Рисунки Н. Муратова

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

Г Л А В А I

*в которой рассказывается, с каким извещением обратилась
„Северная полярная компания“ ко всему свету*

— Итак, мистер Мэстон, вы полагаете, что женщина не способна содействовать прогрессу точных и опытных наук?

— К моему великому сожалению, миссис Скорбит, я должен признаться в этом, — ответил Мэстон. — Среди женщин, в особенности русских, было несколько выдающихся математиков¹ — это я признаю охотно;

¹ Среди русских женщин-математиков более всего прославилась своими выдающимися трудами Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891).

но считаю, что у женщины такое строение мозга, при котором ей почти невозможно сделаться Архимедом¹ или — что еще меньше возможно — Ньютоном.²

— О, мистер Мастон! Позвольте мне протестовать от имени нашего пола...

— Именно потому и полного прелести, что он лишен склонности к отвлеченным наукам...

— Следовательно, по-вашему, мистер Мастон, падающее яблоко ни одну женщину не навело бы на открытие закона всемирного тяготения?

— При виде падающего яблока, миссис Скорбит, женщине никогда не пришло бы на ум иной мысли, как только съесть его!!

— Ну для меня теперь ясно, что вы отрицаете в нас всякую способность к умственной деятельности!

— Всякую способность?.. Нет, не скажу этого; но не могу не обратить вашего внимания на то, что мы не знаем случая в истории чтобы женский ум сделал бы в науке что-либо аналогичное открытиям Евклида³ и Лапласа.⁴

— Разве это доказательство? Разве прошлое всегда определяет будущее?

— Гм!.. Во всяком случае того, чего не случалось в течение тысячелетий, без сомнения, незачем ждать и в будущем!..

— И потому нам остается сложить оружие и признать, что мы способны быть лишь...

¹ Архимед — древнегреческий математик и механик.

² Ньютон Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик.

³ Евклид или Эвклид — один из величайших математиков древней Греции.

⁴ Лаплас Пьер Симон (1749—1827) — французский математик, физик и астроном.

— Нашими добрыми гениями! — подхватил Мастон со всею любезностью, на какую был способен ученый, начиненный всякими иксами. Впрочем, это вполне удовлетворило миссис Скорбит.

— Ну что ж, — продолжала она, — каждому свое. Оставайтесь великим математиком и отдайтесь всецело задачам того великого предприятия, которому вы и друзья ваши собираетесь посвятить свою жизнь. А я займу скромное место доброго гения, придя на помощь вашему делу деньгами. . .

— Чем заслужите вечную нашу благодарность, — ответил Мастон.

Щеки миссис Скорбит покрылись восхитительным румянцем; объяснялось это тем, что она питала — если не ко всем ученым, то, во всяком случае, к своему собеседнику — глубокую симпатию.

Великое предприятие, на которое эта богатая американская вдова решила пожертвовать изрядную долю своих капиталов, действительно можно было назвать великим. Вот в чем оно состояло и вот каковы были цели его учредителей.

В 189... году у правительства Соединенных Штатов возник неожиданный план — пустить с торгов еще никем не открытую область, лежащую вокруг Северного полюса. Эту арктическую горбушку земного шара хотела купить одна американская компания, специально для того и образовавшаяся. Предполагалось, что затем компания получит у правительства концессию на эксплуатацию этой области.

Правда, за несколько лет до этого на некой конференции в Берлине¹ был установлен специальный поря-

¹ Жюль Верн имеет в виду Берлинскую конференцию 1884 года, на которой великие державы договорились о разделе еще не захваченных районов Африки.

док для великих держав, которые захотели бы захватить чужие земли под предлогом колонизации или открытия новых рынков. Однако эти правила не были применимы в данном случае, так как полярные области были необитаемы. И всё же, поскольку то, что не принадлежит никому, в равной степени принадлежит всем, новая компания решила овладеть ими; но, чтобы избежать в будущем каких-либо посягательств на эти земли, было предположено не «захватывать», а «купить» их.

В Соединенных Штатах ни одно предприятие, даже самое дерзкое, почти невыполнимое, не останется без сторонников, готовых взять на себя практическую сторону дела и вложить в него свои средства. Так случилось и тогда, когда несколько лет тому назад балтиморский Пушечный клуб решил отправить на Луну снаряд, в надежде установить прямое сообщение с нашим спутником. Разве не нашлось тогда среди предпринимчивых янки людей, которые предоставили огромные суммы, необходимые для этой соблазнительной затеи? И она была осуществлена потому, что двое членов вышеназванного клуба не побоялись сами участвовать в выполнении этого безумного опыта.

Если какой-нибудь новый Лессепс¹ затеял бы прорыть канал глубокого профиля через Европу и Азию, от волн Атлантического океана до китайских морей, или какой-нибудь изобретательный инженер предложил бы буравить землю до самых глубинных слоев, чтобы воспользоваться даровым подземным теплом, или какой-нибудь смелый электротехник захотел бы соединить воедино все рассеянные по земному шару электрические токи для того, чтобы иметь постоянный, неиссякаемый

¹ Лессепс — французский инженер, строитель Суэцкого канала.

источник света и тепла, или какой-нибудь строитель задался бы идеей соорудить вместилище необъятных размеров для хранения излишков летнего тепла, чтобы передавать его зимой в холодные зоны, — сколько бы возникло «обществ» и «компаний»! В таких случаях американцы всегда окажутся первыми среди вкладчиков, и доллары польются в кассы акционерных обществ, как вливаются воды американских рек в лоно океанов.

Понятно поэтому, что слух о странном намерении сделать полярную область собственностью того, кто предложит за нее на торгах наибольшую цену, — возбудил живейший интерес.

Использовать полярные страны! Поистине эта мысль могла зародиться только в голове безумца!

А между тем проект был совершенно серьезный. В газетах всего мира — в европейских, африканских, азиатских, в газетах Океании и, прежде всего, в газетах американских — 7 ноября было опубликовано волнующее сообщение. Оно обошло весь мир, но ученые и коммерсанты отнеслись к нему весьма различно. Оно гласило:

«К сведению жителей земного шара.

Области вокруг Северного полюса, находящиеся по ту сторону восемьдесят четвертого градуса северной широты, до сих пор не эксплуатируются по той простой причине, что они еще никем не открыты. Это пространство между восемьдесят четвертой параллелью и полюсом, измеряемое в шесть градусов, можно рассматривать как владение, нераздельно принадлежащее государствам земного шара. Его можно сделать частной собственностью, продав с публичных торгов.

Принципы справедливости не допускают,

чтобы что-нибудь оставалось нераздельным. Следуя этим принципам, Соединенные Штаты Северной Америки решили заняться отчуждением Полярной области.

В Балтиморе уже образовалась компания под названием «Северная полярная компания», официально представляющая интересы Северо-Американских Штатов. Общество это задалось целью приобрести на правах собственности указанную область со всеми ее островами, материками, скалами, морями, озерами, реками и ручьями и притом независимо от того, будут ли они покрыты льдом вечно или будут в летнее время освобождаться от него.

Приобретенное право собственности ни в каком случае не может быть отменено в силу давности и останется неотъемлемым даже и в том случае, если бы с земным шаром произошли какие-либо изменения в географическом или метеорологическом отношениях.

О всем изложенном извещаются жители обоих полушарий для того, чтобы все государства могли принять участие во всемирном аукционе, причем право собственности останется за тем, кто предложит высшую цену.

День аукциона назначен на 3 декабря текущего года в городском аукционном зале, город Балтимора, штат Мэриленд, Соединенные Штаты Америки.

За справками просят обращаться к Вильяму С. Форстеру — временному агенту «Северной полярной компании» — Хай-стрит, 93, Балтимора».

Конечно, такое объявление можно было считать чистейшим безумием. Но по ясности и точности оно не оставляло желать ничего лучшего, — это тоже несомненно. Серьезная сторона сообщения доказывалась тем, что правительство С.-Американских Штатов, еще не дождавшись прав собственности, уже заявило концессию на земли Полярной области.

Общественное мнение разделилось: одни считали, что это очередное дутое предприятие, которые так часты в американском коммерческом мире. Но другие отнеслись к делу серьезнее, полагая, что оно заслуживает большего внимания уже потому, что новосозданная компания, не покушаясь на общественный кошелек, рассчитывает исключительно на собственные капиталы. Людям скуповатым казалось, что вышеупомянутая компания должна была просто «открыть» эту область вместо того, чтобы ее покупать. Но в этом-то как раз и была трудность: ни один человек до сих пор не мог добраться до полюса. Поэтому в случае, если бы Соединенные Штаты приобрели эту область, концессионеры и хотели совершить на нее купчую по всем правилам, чтобы никто уже не оспаривал их владения. Несправедливо было бы их бранить. Они действовали осторожно, и поскольку в делах такого рода полагается иметь договор, то предосторожности не могли казаться излишними.

В объявлении была, между прочим, одна довольно загадочная оговорка, видимо имевшая целью устранить недоразумения, могущие возникнуть впоследствии. Этот пункт гласил следующее: «Приобретенное право собственности ни в коем случае не может быть отменено в силу давности и останется неотъемлемым даже и в том случае, если бы с земным шаром произошли какие-либо изменения в географическом или метеорологическом отношениях».

Что означала эта оговорка? На какую случайность она намекала? Какие изменения могли произойти на земном шаре, с которыми пришлось бы считаться и географии и метеорологии? Смысл ее давал повод ко многим толкованиям, чем газеты тотчас же воспользовались. Так, одна газета, издающаяся в Филадельфии, поместила следующую заметку, не лишенную юмора:

«Делая подобного рода оговорку, будущие собственники северной Полярной области тем самым доказали, что им известно о предстоящем в недалеком будущем столкновении земного шара с какою-нибудь кометой, обладающей твердым ядром, а это столкновение вызовет географические и климатические изменения». Фраза была достаточно длинна, но всё же не объяснила ничего. Кроме того, возможность столкновения с кометой людям благоразумным казалась невероятной.

Во всяком случае, невозможно было допустить, чтобы концессионеры всерьез стали бы считаться с таким предположением.

Другая, ново-орлеанская, газета задала вопрос: «Да почему же, наконец, новая компания так уверена в том, что если такое столкновение действительно произойдет, то оно должно непременно повлиять благоприятно на эксплуатацию ее владений?»

«Действительно, — писало парижское «Научное обозрение», — Адемар¹ в своем сочинении «Возмущения океана» допускает, что предварение равноденствий² в соединении с вековым перемещением большой оси земной орбиты, естественно, может иметь влияние на постепенное изменение температуры в различных пунк-

¹ Адемар (1797—1862) — французский математик, автор теории периодичности ледниковых эпох и последовательного их перемещения с одного полушария Земли на другое.

² Предварение равноденствий — название одного из

тах Земли, а тем самым повлиять на льды, нагроможденные у полюсов».

«Это далеко еще не доказано, — возразило «Эдинбургское обозрение». — Но, даже допустив возможность подобного явления, необходимо принять во внимание, что потребуется целых двенадцать тысяч лет для того, чтобы звезда Вега сделалась нашей Полярной звездой».

«Ну, что же! Подождем двенадцать тысяч лет, тогда, пожалуй, и рискнем купить одну-две акции, а

движений Земли, состоящего в том, что земная ось медленно в течение 26 000 лет описывает конус, вследствие чего «полярными звездами» последовательно являются различные звезды северного неба.

пока — ни кроны», — вставил свое словечко и копенгагенский «День».

Во всяком случае, прав был Адемар или нет, можно было вполне ручаться, что члены «Северной полярной компании» никогда не возлагали надежд на предварение равноденствий.

Казалось бы, для получения самых верных сведений проще всего было обратиться к председателю, секретарю или вообще к кому-либо из членов названного общества. Но в том-то и дело, что никого из них никто никогда не видел. Они были таинственными невидимками. Неизвестно было даже, от чьего имени исходило объявление. Знали только, что в редакцию «Нью-Йоркского Герольда» оно было доставлено жителем Балтимора неким Вильямом Форстером, агентом фирмы Ардринель и К° в Нью-Фаундленде, торгующим треской, — лицом, очевидно, подставным. К тому же Форстер был нем, как треска, которой он торговал, и ни одному, даже самому ловкому, репортеру не удалось выудить у него ни звука. Словом, «Северная полярная компания», устранив всякую возможность связать с собой хоть одно имя, прекрасно сохранила свою анонимность.

И всё же, хотя учредители нового коммерческого предприятия старательно хранили свое имя в тайне, цель их компании была вполне обстоятельно изложена в объявлении, которое было сообщено населению обоих полушарий. Дело заключалось в том, чтобы приобрести в полную собственность часть Полярной области, центр которой составлял Северный полюс. Область эта, как уже говорилось, не была еще исследована и являлась, так сказать, совершенно девственной территорией. Но она занимала площадь почти вдвое больше площади Франции и представляла довольно лакомый кусочек. Конечно, смежные с ней государства взглянут на эти

арктические страны как на продолжение своих владений к северу и предъявят свои требования.

Государств, по причинам близкого соседства, имевших право на указанную территорию, было шесть: Америка, Англия, Дания, Швеция с Норвегией,¹ Голландия и Россия. Это, впрочем, не исключало вмешательства и других держав, смелые исследователи которых делали неоднократно попытки проникнуть в таинственную Полярную область. Некоторые другие государства — в их числе Франция и Германия — могли бы притязать на полярные области, потому что их отважные путешественники сделали на Севере немало открытий, но они всё же отказались от полярного пирожного, боясь обломать себе на нем зубы, вероятно. Италия, не имевшая никаких прав на вмешательство в это дело, тоже не стала вмешиваться, хоть это и было вовсе странно!

Наконец, остаются якуты и другие сибирские народы, эскимосы, занимающие обширные территории Северной Америки, туземцы Гренландии, Лабрадора, Берингова Архипелага, Алеутских островов и островов, находящихся между Азией и Америкой; наконец — те, которые под именем чукчей населяют старинную русскую Аляску (она стала американской с 1867 года).² Но эти племена, хотя они-то и есть подлинные жители этих мест, бесспорно владеющие Севером, не могут иметь права голоса в этом деле.

Да и как, чем бы расплачивались эти бедняки на аукционе, объявленном полярной компанией? Раковинами, моржовыми клыками или тюленьим жиром?

¹ Они тогда составляли одно государство.

² В 1867 году правительство царской России, не считаясь с интересами государства, продало Соединенным Штатам русскую землю — полуостров Аляску за ничтожную сумму в 7 миллионов долларов.

Правда, она им принадлежала отчасти, ведь они первые ее «открыли», они по праву владели ею, этой областью, которую сейчас американцы собирались продать с публичных торгов! Но ведь это якуты, чукчи, эскимосы, — их даже никто и не спрашивал...

Г Л А В А II

*в которой читатель познакомится с делегатами
Голландии, Дании, Швеции, России и Англии*

Опубликованное сообщение не могло остаться без отклика. Ведь если бы новой компании удалось приобрести полярные земли, то они стали бы полной собственностью Соединенных Штатов, проявляющих в последнее время бешеное стремление к непрерывным захватам. Совсем недавно они получили от России порядочный кусок — от Северных Кордильер до Берингова пролива, что очень округлило площадь Нового света. Другие державы едва ли будут смотреть спокойно, как Соединенные Штаты станут теперь расширяться за счет полярных областей.

Но, как уже было сказано, большинство стран отказалось от участия в этих удивительных торгах, настолько результаты их казались им проблематическими. Только государства, берега которых достигали восьмидесяти четвертой параллели, решили воспользоваться своим правом и послать своих официальных представителей.

Однако, далеко не доверяя сомнительным выгодам этого предприятия, державы оказались не особенно щедрыми на покупку недоступных земель, рыночная

стоимость которых была по меньшей мере спорной; и только ненасытная Англия решила предоставить своему делегату широкие полномочия. Следует оговориться, что приобретение области, о которой в данном случае идет речь, никоим образом не грозило нарушением «европейского равновесия».

Вот каковы были основания каждого из государств, претендовавших на участие в торгах.

Швеция и Норвегия основывали свои требования на подвигах норвежца Кейльхау и известного мореплавателя шведа Норденшельда, так много сделавших на поприще географических исследований, и заявляли свои права на всё пространство, начиная от Шпицбергена до Северного полюса.

Дания напоминала об открытиях Иенса Мунка, впервые исследовавшего на 1619 году восточный берег Гренландии. В настоящее время она владеет побережьем Гренландии, а также Исландией и Ферерскими островами, и это утверждает ее неоспоримое право выступать покупателем.

Голландия ссыалась на то, что ее моряки Баренц и Хэмскерк еще в конце XVI столетия посетили Шпицберген и Новую Землю, а несколько позже, в 1611 году, голландец Мэйен присоединил к своему отечеству остров, названный его именем.

Россия указывала на ряд имен и сделанных русскими мореплавателями открытий, начиная с первой половины XVIII столетия. Таковы: Алексей Чириков под командой Беринга с Павлуцким, капитан Мартын Шпанберг и лейтенант Вальтон, которые приняли участие в исследованиях пролива, отделяющего Азию от Америки.¹

¹ Перечень русских исследователей Северо-Западной Америки должен быть открыт именем замечательного русского землепроходца середины XVII века Семена Дежнева, впервые доказавшего,

Больше того, по самому положению сибирских территорий, протянувшихся на сто двадцать градусов до самой Камчатки, этих бесконечных берегов, где обитают якуты, чукчи и другие племена русского государства, не господствуют ли русские над половиной Северного Ледовитого океана? Далее, на семьдесят пятой параллели, едва в девятистах милях от полюса, разве не владеют они островами и островками Новой Сибири и Ляховскими островами, открытыми ими в XVIII веке? Наконец, в 1764 году, раньше англичан, раньше американцев, раньше шведов Чичагов сделал попытку найти новый проход, чтобы сократить путь, отделяющий два континента.

Америка тоже говорила о своих правах. Разве не из этой страны происходили такие путешественники, как Джон Франклин, Кэн, Гриннель, Гейс, Грили, де Лонг? Разве не ей принадлежат целые группы таких островов, как принца Альберта, Виктории, короля Вильгельма, Мельвил, Кокберн и многие другие архипелаги и острова меньших размеров? Поэтому совершенно естественно, что предложение пустить в продажу околополярные земли исходило от правительства Соединенных Штатов и притом в интересах некой американской компании.

Претензии Великобритании обосновывались тем, что она владеет Канадой и Британской Колумбией и что многочисленные мореплаватели участвовали в арктических экспедициях и даже пробирались на 15° дальше американцев. Этим подкреплялось ее желание присоединить эту часть земного шара к своей обширной колониальной империи. Подумайте только, какой удар бу-

что Америка составляет отдельный материк. Тогда же было основано первое русское поселение на Аляске. (Об открытии русскими путешественниками Северо-Западной Америки см. в книге академика Л. С. Берга «Великие русские путешественники», М. — Л. Детгиз, 1950.)

дет нанесен самолюбию Англии, если эта область от нее ускользнет!

Следовало предполагать, что самая упорная борьба разыграется между Англией и Америкой, между долларом и фунтом стерлингов.

Все-таки европейские государства созвали совещание промышленников и ученых. В результате долгих споров было решено участвовать в торгах, открытие которых было назначено на 3 декабря в Балтиморе. Делегатам были определены кредиты, которых они должны были строго придерживаться. Что касается суммы, которая будет выручена от продажи, то она будет разделена между пятью менее удачливыми покупателями; это будет возмещением за их убытки, с тем чтобы они отказались на будущее от всяких прав на продаваемую область.

Наконец все вопросы были решены, делегаты, снабженные соответствующими полномочиями, покинули свои страны, отправились в Америку и приехали в Балтимору за три недели до назначенного срока.

Делегатом С.-Американских Штатов оказался опять всё тот же Вильям Форстер, представитель «Северной полярной компании», имя которого появилось 7 ноября под объявлением «Нью-Йоркского Герольда».

От Голландии явился Яков Янсен, коренастый, краснощекий, небольшого роста мужчина, прослуживший немало лет в голландской Индии, человек положительный, не особенно доверяющий предприятиям, лишенным близкой практической цели.

Со стороны Дании — Эрик Бальденак, бывший вице-губернатор в Гренландии, среднего роста, с необыкновенно большой головой, толстяк, настолько близорукий, что читал всякую бумагу, буквально уткнувшись в нее носом; он не признавал ничьих прав на Полярную об-

ласть, кроме прав своего государства.

Швеция и Норвегия прислали Яна Гаральда — профессора астрономии в Христиании, бывшего одним из самых горячих сторонников экспедиции Норденшельда, со здоровым, свежим цветом лица и русой бородой, типичного северянина. Он упорно держался того мнения, что скрытая от человеческого взора, таинственная Полярная область представляет сплошное нагромождение льдин, а потому и относился к данному вопросу более чем равнодушно.

От России выступил Борис Карков — полувойенный, полудипломат, высокий, представительный, усатый, бородатый. Его очень интересовал вопрос, нет ли в задуманном «Северной полярной компанией» предприятии какой-либо скрытой цели, могущей впоследствии послужить поводом к международным конфликтам.

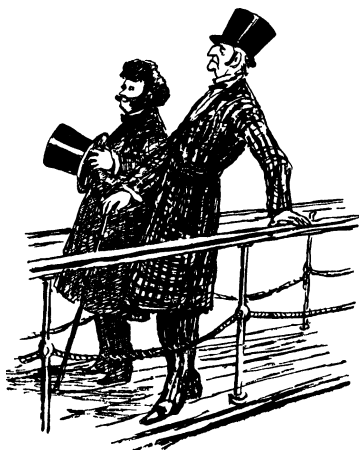
Наконец, со стороны Англии выступили майор Джон Донеллан и его секретарь Дэн Тудринк¹ — два делегата, воплотившие в себе все аппетиты, стремления, инстинкты коммерческих и промышленных деятелей своего отечества, с присущей этой нации привычкой счи-

¹ По-английски to drink — значит: пить, напиваться.

тать, по какому-то специально для них существующему закону природы, все северные, южные, экваториальные и прочие области, не принадлежащие еще никому, — своими.

Майор был высокий, худой, костлявый, нервный, но еще вполне крепкий для своих шестидесяти лет старик, энергичный и неутомимый в работе, что он и доказал, прослужив много лет в Индии. Сомнительно, улыбался ли он когда-нибудь в своей жизни. Разве машина или паровоз когда-нибудь смеются? В этом отношении его секретарь Дэн Тудринк представлял резкую противоположность. Шотландец по происхождению, веселый, экспансивный малый, с пышной волнистой шевелюрой и быстрыми, живыми маленькими глазками, он из-за своих острот и шуток был хорошо известен в ресторанах и кафе. При этом он отличался той же односторонностью и непримиримостью, как и майор Донеллан, когда дело доходило до захвата Англией чужих земель.

Повидимому, оба делегата собирались выступить рьяными противниками представителя «Северной полярной компании»: Полярная область с основания мира принадлежит англичанам и никому более, и они сумеют отстоять ее от притязаний янки, несмотря на то, что с долларом, конечно, бороться будет нелегко!

Не мешает заметить, что хотя Франция отказалась от активного вмешательства, все-таки в Балтиморе приехал один французский инженер. Якобы из любви к искусству, он хотел следить за общим ходом дела.

Все делегаты приехали отдельно, на разных пароходах. В данную минуту это были только соперники. Все они были снабжены известными средствами, но не в равной степени: один мог располагать миллионом, другой — меньшей суммой, третий — большей и т. д. Впрочем, за такой кусок нашей планеты, до которого, повидимому, нельзя добраться, никому не хотелось платить втридорога.

С прибытием делегатов в Балтиморе газеты опять забили тревогу, стараясь пережегоять одна другую в догадках по поводу пущенной в продажу Полярной области. Какую прибыль можно из нее извлечь? Что там можно делать? Ремонтировать ледники?

Между тем сами уполномоченные, избегавшие даже случайных встреч до приезда в Балтимору, водворившись в городе, быстро познакомились друг с другом. Дело было в том, что каждый надеялся, спустившись с парохода, отыскать представителя таинственной «Северной полярной компании» и осторожно выведать у него подробности затеянного предприятия. Каковы были тайные цели компании? Какие выгоды могло принести это дело? Но оказалось, что Форстер нем, как треска; может быть, он и сам ровно ничего не знал. Поэтому, когда делегаты окончательно убедились в несбыточности своих надежд, они отказались от взаимного недоверия и началось сближение. Делегаты прощупывали стремления и намерения каждого из своих коллег не без задней мысли составить нечто вроде союза против общего, невидимого, но страшного соперника.

С этой целью 22 ноября, в гостинице «Уолсли», в помещении, занимаемом майором Донелланом и его секретарем, состоялось нечто вроде совещания делегатов, инициатором которого явился русский уполномоченный Борис Карков, бывший, как уже сказано, очень тонким дипломатом.

Разговор начался с вопроса профессора Гаральда: не удалось ли кому-нибудь из собравшихся коллег раздобыть хоть какие-нибудь сведения о коммерческих и промышленных целях нового предприятия? Вот тут-то и обнаружилось, что все делали попытку что-нибудь разузнать у Форстера, но потерпели полную неудачу.

— Мне совсем не повезло, — признался Эрик Бальденак.

— Да и я не имел успеха, — прибавил Янсен.

— Что касается меня, — сказал Дэн Тудринк, — дело было так: явившись в магазин на Хай-стрите, я застал там какого-то толстого господина в цилиндре, черном сюртуке и длинном белом переднике, закрывавшем его от подбородка до пяток. Отрекомендовавшись, я сказал ему, что пришел от имени майора Донеллана получить кое-какие сведения; на это последовал ответ, что сейчас только пришел из Нью-Фаундленда пароход «Южная звезда» с большим грузом свежей трески и что он может уступить мне большую партию в счет фирмы Ардринель и К°.

— Ну, что ж, — заметил голландский делегат, относившийся очень недоверчиво ко всему делу, — по-моему, лучше купить партию трески, чем бросать деньги на покупку каких-то неведомых ледников.

— Речь идет вовсе не о треске, — резким и высокомерным тоном прервал его майор Донеллан, — а о Полярной области, которую...

— Америка собирается проглотить! — шутливым тоном закончил за него Дэн Тудринк.

— Не поперхнется ли она ею? — заметил Борис Карков.

— Повторяю, — тем же тоном продолжал свое Донеллан, — речь идет не о треске, а о том, что Америка, в лице «Северной полярной компании», собирается купить площадь в 400 000 квадратных миль за 84° северной широты...

— Всё это нам уже давно хорошо известно, майор Донеллан, — перебил его на этот раз профессор Гаральд. — Теперь нас больше всего интересует, как именно Америка собирается эксплуатировать эти моря, территории и...

Майор Донеллан начал в третий раз:

— Речь идет не о треске. Некое государство хочет купить часть земного шара, которая по своему географическому положению должна принадлежать исключительно Англии...

— России, — сказал полковник Карков.

— А почему бы не Голландии? — спросил Янсен.

— Скорее всего Швеции и Норвегии, — вставил профессор Гаральд.

— А по-моему, Дании, — сказал Эрик Бальденак.

Делегаты ошетинились, и мирное совещание грозило перейти в горячий спор, но тут на помощь явился Дэн Тудринк.

— Мой коллега, — сказал он самым примиряющим тоном, — коснулся вопроса, который уже давно решен: Полярная область пущена с публичных торгов и делается собственностью того, кто за нее предложит больше всех. Ввиду того, что каждый из присутствующих здесь уполномочен своим государством распоряжаться известной суммой, не лучше ли будет составить синди-

кат,¹ что даст нам возможность сообща отразить притязания «Северной полярной компании»?

Делегаты переглянулись. Синдикат! Что ж, не глупо придумано! Теперь в промышленности и в политике это слово в большой моде. Хочешь дышать, пить, есть, спать — всем распоряжается какой-нибудь синдикат!

Однако еще не всё было ясно.

— Ну, а что дальше? — спросил Янсен.

— Да, в самом деле... Положим, синдикат купит. Что же ему затем делать со своим приобретением?..

— Мне кажется, что Англия... — начал было майор сухим тоном.

— И Россия, — прибавил полковник Карков, нахмурив брови.

— И Голландия, — поспешил вставить Янсен.

— С тех пор, как существует Дания... — начал Эрик Бальденак.

— Позвольте, позвольте, — вмешался опять Дэн Тудринк. — Из-за чего нам ссориться?.. Вернемся лучше к нашему синдикату...

— Ну-с, а что же из этого будет дальше? — повторил свой вопрос Гаральд.

— Дальше? — ответил Дэн Тудринк, — а вот что: когда вы купите Полярную область, она останется или в общем владении, или четыре державы уступят ее — понятно, за известное вознаграждение — в полную собственность пятой. Во всяком случае этим будет достигнута наша главная цель: окончательное исключение Америки из числа претендентов.

¹ Синдикат — объединение капиталистических предприятий для получения сверхприбылей. Синдикат устанавливает низкие цены на сырье и высокие цены на готовую продукцию.

Предложение английского секретаря показалось всем благоразумным; на первое время, конечно, потому что в недалеком будущем, когда дело дошло бы до выбора того пятого счастливца, которому все остальные четыре собственника уступят свои доли, все делегаты не преминули бы вцепиться друг другу в волосы. Во всяком случае хорошо было уже и то, что, как справедливо заметил Тудринк, Америка окончательно исключалась из числа совладельцев.

— Что умно так умно, — одобрил Эрик Бальденак.

— Да, ловко, — согласился полковник Карков.

— Хитро, — подтвердил Янсен.

— Находчиво, — сказал Гаральд.

— Чисто по-английски, — изрек и сам майор Донеллан.

Каждый вставил свое словцо, тая в душе надежду в удобное время провести своих товарищей.

— Итак, — сказал Карков, — решено: если мы составим синдикат, каждому из государств будет представлено в будущем действовать вполне самостоятельно. Правильно?

Все подтвердили.

Предстояло только выяснить, какими кредитами располагал каждый делегат. Деньги предстояло сложить вместе, и сумма, без сомнения, превысит денежные возможности «Северной полярной компании».

Вопрос о кредитах предложил всё тот же Тудринк. Но тут произошло нечто неожиданное.

Воцарилось полное молчание.

Никто не хотел отвечать. Вывернуть свои карманы? Заранее открыть карты и назвать соперникам ту предельную сумму, которой каждый из них может располагать? Нет, благодарим покорно! Ну, а если между членами синдиката возникнут раздоры? Да и вообще,

разве обстоятельства не могут измениться? Нет, нет, ни за что! Предстоящая игра требует большой осторожности. Показать содержимое своих кошельков — равносильно верному проигрышу.

Очевидно, что ответить Тудринку можно было только двояким образом: или преувеличить свой кредит, что, впрочем, могло создать самое неловкое положение в ту минуту, когда потребовалось бы внести наличные деньги, или, наоборот, настолько уменьшить его, что вся затея синдиката обратилась бы в шутку.

Последняя мысль возникла прежде всего у голландского делегата, который и без того не придавал серьезного значения предложению английского секретаря: остальные, понягну, ухватились за нее.

— К моему крайнему сожалению, — сказала Голландия, — для покупки Полярной области я располагаю суммой всего в пятьдесят риксдалеров.

— А я — всего тридцатью пятью рублями, — сказала Россия.

— А я — двадцатью кронами, — сказала Швеция и Норвегия.

— А я — и того меньше: всего пятнадцатью кронами, — объявила Дания.

— Что же, тем лучше для вас, — произнес майор Донеллан обычным своим презрительным тоном. — Очевидно, Полярная область останется за вами, так как Англия собирается предложить за нее полтора шиллинга.

И на этом закончилось совещание делегатов Старого света.

Г Л А В А III

в которой производится продажа арктической области

Почему продажа Северного полюса, назначенная на 3 декабря, должна была состояться в обыкновенном аукционном зале, где продавалась мебель, посуда, утварь, инструменты, — одним словом, всякое движимое имущество? Почему, раз дело шло об имуществе недвижимом, аукцион не назначили, как принято в подобных случаях, в конторе нотариуса или в гражданском отделении суда? И, наконец, к чему понадобилось участие оценщика, если вопрос шел о продаже целой части земного шара? Разве можно было Северный полюс — нечто, являющееся самым неподвижным в целом свете, — приравнять к обыкновенному движимому имуществу?

Это казалось нелепым, но всё же было так. Поляр-

ная область продавалась как простая движимость, и купчая крепость нимало не теряла от этого своей силы. Но, с другой стороны, не указывало ли это условие продажи на то, что «Северная полярная компания» смотрит на свою недвижимость, как на нечто такое, что можно переместить? Эти странности очень удивляли проницательных людей; правда, их не так много в Соединенных Штатах.

Необычайность дела привлекла в день аукциона огромную толпу, если и не серьезных покупателей, то во всяком случае любопытных, которым не терпелось узнать, чем всё это кончится. Да и в самом деле, состязание обещало много интересного.

К тому же надо заметить, что со времени приезда в Балтимору европейских делегатов за ними очень ухаживали, их окружали большим вниманием, причем, само собой разумеется, газетные репортеры не оставляли их в покое. Немудрено поэтому, что общественное мнение, как случается всегда в Америке, было чрезвычайно возбуждено. Составились безумные пари — обычная форма, в какую выливается в Соединенных Штатах общественное возбуждение. Хотя граждане всех частей страны разделились на группы, придерживавшиеся каждая своего мнения, но в общем всё были, конечно, на стороне соотечественников. Американцы надеялись, что Северный полюс укроется под голубым звездным флагом. Однако эта надежда не мешала им испытывать некоторого рода тревогу. Им не страшны были ни Россия, ни Дания, ни Швеция с Норвегией, ни Голландия, но тут была Англия с ее захватническими претензиями, с упорным стремлением всё присвоить, с ее деньгами, на которые она не скупилась. Одни держали пари за Англию, другие за Америку, как делается на скачках и на бегах, и число стоявших за оба эти государства было почти

одинаково. На остальные четыре державы никто не ставил. Хотя аукцион назначен был в двенадцать часов, но скопление любопытных на Болтон-стрит уже с раннего утра мешало уличному движению. Возбуждение достигло крайней степени. Еще накануне телеграф сообщил всем европейским газетам, что большая часть пари, предложенных американцами, была принята англичанами, о чем немедленно, по распоряжению Тудринка, были вывешены объявления на стенах аукционного зала. Среди публики разнесся слух, что английское правительство предоставило в распоряжение майора Донеллана значительные суммы и что арктические области уже внесены лордами Адмиралтейства в список колоний.

Сколько во всем этом было правды, никто не знал, но в этот день даже самые осторожные и рассудительные из жителей Балтимора решили, что если «Северная полярная компания» будет предоставлена только собственным силам, то в борьбе с Англией она потерпит поражение. Одна возможность чего-нибудь подобного навела такой страх, что некоторые из наиболее горячих янки немедленно же сделали попытку произвести давление на вашингтонское правительство. А сама компания, в лице своего скромного агента Форстера, казалась, вовсе и не замечала охватившего всех волнения и оставалась попрежнему невозмутимой, как бы заранее уверенная в победе.

По мере того как приближался назначенный час, толпа всё прибывала, и за три часа до открытия аукциона Болтон-стрит был уже настолько запружен публикой, что, казалось, не было никакой возможности пробраться к зданию аукционного зала. А когда двери его распахнулись, то вмиг всё пространство, отведенное для публики, переполнилось до такой степени, что негде

было упасть яблоку. Осталось незанятым только одно небольшое отгороженное место для делегатов.

Туда прошли пятеро представителей европейских держав. Они стали тесной кучкой, плечо к плечу, точно солдаты, готовые итти на приступ.

Они ведь и в самом деле собирались броситься на штурм Северного полюса!

Со стороны Америки и на этот раз не явилось никого, если не считать агента рыбной фирмы, грубое лицо которого выражало полное равнодушие ко всему, что творилось вокруг него. Казалось, он думал лишь о новых партиях трески, которые должны были прибыть к нему из Нью-Фаундленда. Глядя на него, публика недоумевала, ломая себе голову над вопросом: кто же, наконец, те таинственные капиталисты, представителем которых является этот толстяк, быть может, ворочавший миллионами долларов? Никому и в голову не приходило заподозрить, что Мастон и миссис Скорбит имеют отношение к этому делу. Да и как можно было об этом догадаться? Затерянные в толпе, они сидели среди не принимавшей участия в аукционе публики. С ними были некоторые выдающиеся члены Пушечного клуба, товарищи Масто́на. С виду они были просто зрителями, как и все присутствующие в этом зале. Казалось, Форстер даже не знаком с ними.

Само собою разумеется, что, вопреки установившемуся при публичных аукционах обычаю выставлять продаваемый предмет перед публикой, объект продажи выставлен на этот раз быть не мог. Нельзя же было передавать Северный полюс как какую-нибудь безделушку или старинную вещь из рук в руки, разглядывать в лупу и тереть пальцем, пробуя, не поддельная ли на ней позолота.

Однако если налицо и не было самого полюса, зато

на стене за оценщиком висела — предоставленная взглядом присутствующей публики и всех заинтересованных в этом предприятии лиц — огромных размеров географическая карта приполярных стран. На этой карте, на семнадцать градусов выше Полярного круга, была проведена яркая черта, шедшая вдоль всей восьмьдесят четвертой параллели, обозначавшая именно ту часть земного шара, которая по инициативе «Северной полярной компании» была пущена в продажу. Область эта, следовало предполагать, представляла собой море, сплошь покрытое толстой ледяной корой. Но это уж, конечно, касалось только тех, кто желал ее приобрести. Во всяком случае обмана не было: всякий видел, что покупает.

Ровно в двенадцать часов из маленькой двери в глубине зала вышел главный распорядитель аукциона Эндрю Джилмор и занял место у стола. Флинт — аукционист, на котором лежит обязанность выкликать цену, отличавшийся необыкновенно могучим голосом, — уже давно расхаживал своей тяжелой походкой вдоль решетки, отделяющей стол аукциониста от публики. Оба заранее предвкушали удовольствие положить в свои карманы солидный процент от предстоявшей продажи. Само собою разумеется, что покупка, согласно американским правилам, должна была состояться на наличные деньги, выплаченные немедленно. Вся сумма, вырученная от продажи, как бы велика она ни была, должна быть сполна передана прямо в руки тем делегатам, которым область не достанется.

В зале раздался звонок, оповестивший открытие аукциона.

Настала самая торжественная минута. Во всем квартале, во всем городе дрогнули сердца и по всему Болтон-стрит и прилегающим улицам пронесся гул, нашедший себе отклик и в стенах зала.

Эндрю Джилмору пришлось подождать, чтобы шум и волнение немного утихли.

Наконец он встал и обвел глазами присутствующих; затем, сбросив монокль, начал взволнованным голосом:

— По предложению нашего правительства, а также с согласия государств Нового и Старого света, назначена в продажу недвижимость, расположенная вокруг Северного полюса, ограниченная восемьдесят четвертою параллелью и состоящая из материков, морей, островов, островков, ледяных полей, со всем, что там есть твердого или жидкого. Обращаю ваше внимание на карту, — продолжал он, указывая пальцем на географическую карту, составленную на основании новейших исследований. — Площадь этого участка равняется приблизительно четыреста семи тысячам квадратных миль. Для удобства продажи решено отнести оценку к каждой квадратной миле отдельно. Поэтому каждый цент будет считаться за четыреста семь тысяч центов, а целый доллар — равным четыреста семи тысячам долларов... Потише!..

Последняя просьба была далеко не лишней, так как в зале поднялся такой шум, что решительно ничего нельзя было слышать. Когда, наконец, благодаря вмешательству Флинта, голос которого звучал, как корабельная сирена во время тумана, спокойствие отчасти восстановилось, Джилмор продолжал свою речь:

— Прежде чем приступить к аукциону, считаю своим долгом напомнить одно из условий этой продажи, а именно: полярная недвижимость делается полною собственностью того, кто ее купит, и какие бы географические или метеорологические перемены ни последовали в будущем, право собственника навсегда останется за ним неприкосновенным и неотъемлемым.

Опять упоминалась эта загадочная оговорка, которая если у одних возбуждала смех, то у других невольно будила подозрение.

— Аукцион открыт! — объявил дрогнувшим голосом Джилмор и взялся за молоточек из слоновой кости.

Подняв его привычным жестом аукциониста, он выкрикнул гнусавым голосом:

— Торг начался с оценки: десять центов за квадратную милю.

Десять центов, или одна десятая часть доллара, что в общем

составляло сумму в сорок тысяч семьсот долларов за всю Полярную область.

Делегат Дании сделал первую надбавку.

— Двадцать центов! — сказал он.

— Тридцать центов! — крикнул Янсен от имени Голландии.

— Тридцать пять! — сказал Гаральд от имени Швеции и Норвегии.

— Сорок! — провозгласил Борис Карков от имени России.

Это подняло первоначальную сумму уже до ста шестидесяти тысяч восьмисот долларов, а между тем аукцион только начался.

Не мешает заметить, что представитель Англии до сих пор не раскрыл еще рта, и его плотно сжатые губы не издали ни единого звука.

Молчал и Форстер, представитель фирмы, торговавший треской. Он держал в руках газету и, казалось, был углублен в чтение коммерческих известий.

— Сорок центов за милю, — повторил, растягивая слова, громогласный Флинт, — сорок центов!

Четыре товарища майора Донеллана переглянулись. Неужели они уже так быстро дошли до предельной суммы своего кредита? Неужели им с этой минуты придется устранить себя от участия в аукционе?

— Итак, сорок центов, — повторил Джилмор. — Кто

больше? Сорок центов!.. Ведь, надо полагать, Северный полюс стоит подороже...

Датский делегат не устоял и крикнул:

— Пятьдесят центов!

Голландский делегат надбавил еще десять.

— Шестьдесят центов за милю... — снова раздался голос Флинта. — Шестьдесят центов!.. Кто больше?..

Образовалась уже очень порядочная сумма в двести сорок четыре тысячи долларов.

Надбавка голландского делегата, видимо, произвела благоприятное впечатление на присутствующих, и в зале раздался одобрителный шум. Странная и, тем не менее, обычная вещь: бывшие в зале бедняки без копейки за душой, казалось, были больше, чем настоящие участники, заинтересованы этой схваткой долларов.

Последняя надбавка Янсена возымела некоторое действие и на майора Донеллана: он поднял голову и посмотрел на Тудринка, но тот сделал едва уловимый отрицательный жест, и майор промолчал.

Форстер же попрежнему был углублен в чтение газеты и изредка делал на ее полях какие-то пометки карандашом.

Стоявший в толпе Мэстон переглядывался с миссис Скорбит и одобрително кивал головой, отвечая на ее улыбки.

— Ну, что же все вдруг замолчали? — продолжал Джилмор. — Нельзя ли поживее?.. Аукцион тянется как никогда!.. Итак, никто не дает больше?.. Можно кончать?..

И, говоря это, он то поднимал, то опускал свой молоточек из слоновой кости, приготовляясь стукнуть им в последний раз.

— Семьдесят центов! — сказал Гаральд уже не вполне уверенным тоном.

— Восемьдесят! — выкрикнул Борис Карков, едва дав окончить своему сопернику.

— Ну-с!.. Восемьдесят центов! — подхватил Джилмор, большие круглые глаза которого разгорались всё больше и больше по мере того как надбавляли цену.

Дэн Тудринк сделал жест, так подействовавший на

майора Донеллана, что тот вскочил, как бы поднятый пружиной.

— Сто центов! — коротко, точно отчеканивая, произнес представитель Великобритании.

Этими двумя словами Англия брала на себя обязательство внести четыреста семь тысяч долларов. Державшие пари за англичан громко крикнули «ура», подхваченное многими из публики; зато другие — державшие пари за Америку — переглянулись и видимо приуныли, разочарованные таким печальным оборотом дела. Шутка ли сказать: четыреста семь тысяч долларов! И добро бы за что-нибудь действительно стоящее такой суммы, а то чуть не полмиллиона долларов за айсберги и ледяные поля! Но представитель таинственной «Северной полярной компании» не издал еще ни звука, не поднял ни разу головы. Неужели он так и просидит всё время молча, не сделав ни одной надбавки?! Если допустить даже, что ему хотелось выждать момента, когда делегаты Дании, Голландии, Швеции и России исчерпают свои средства, то ведь эта минута уже, повидимому, настала. По крайней мере, судя по тому, как все отнеслись к почтенной цифре майора Донеллана — «сто центов», — ясно было, что они уже готовились к отступлению.

— Сто центов за квадратную милю! — два раза повторил оценщик.

— Сто центов!.. Сто центов!.. Сто центов!.. — громко повторял аукционист.

— Кто больше? — спросил Джилмор. — Итак, решено?.. Жалеть никто не будет?

И, говоря это, он поднял молоточек и обвел глазами всех присутствующих, затаивших дыхание от сильного волнения.

— Раз!.. — стукнул он молоточком, — два!..

— Сто двадцать центов!.. — спокойно произнёс Вильям Форстер, перевертывая газету и даже не поднимая головы.

— Гип! Гип! — подхватили державшие крупные пари за Америку.

Майор Донеллан, в свою очередь, гордо выпрямился; его длинная шея механически поворачивалась над угловатыми плечами, а тонкие губы сложились и стали похожи на клюв. Он кинул молниеносный взгляд на представителя американской компании, но безуспешно. Тот даже не шевельнулся.

— Сто сорок! — произнес майор Донеллан.

— Сто шестьдесят! — сказал Форстер.

— Сто восемьдесят! — прогремел майор.

— Сто девяносто! — пробормотал Форстер.

— Сто девяносто пять центов! — завопил делегат Англии и скрестил на груди руки, как будто бросая вызов всем американским штатам.

В зале наступила такая тишина, что слышен был бы полет бабочки, шорох ползущего червячка, движение микроба. Казалось, в данную минуту жизнь каждого из присутствующих была в руках майора Донеллана. Его подвижная голова теперь не двигалась. Дэн Тудринк, наоборот, ожесточенно скреб себе затылок. Джилмор приостановился на несколько секунд, показавшихся всем вечностью. Агент рыбной фирмы продолжал читать газету и попрежнему делал карандашом какие-то пометки, очевидно, не имевшие ничего общего с продажей Северной области.

Неужели и он дошел до той предельной суммы, превысить которую уже не мог? Неужели он откажется сделать хоть малейшую надбавку? Неужели сам он понял, что зашел слишком далеко и что предложенная сумма за ледяную пустыню — верх безумия?

— Сто девяносто пять центов! — повторил аукционист. — Стучу!..

И он взмахнул молоточком, собираясь ударить им по столу.

— Раз!.. два!..

— Кончайте!.. Кончайте!.. — слышались нетерпеливые голоса многих из публики, крайне недовольных нерешительностью главного распорядителя аукциона.

— Раз!.. два!!.. — повторил он опять.

Взоры всех были устремлены на представителя «Северной полярной компании».

А этот удивительный человек вынул из кармана большой клетчатый фуляровый платок и начал не спеша громко сморкаться. Глаза Мастона и миссис Скорбит тоже были устремлены на толстяка, и по тому, как лица их то бледнели, то краснели, можно было догадаться, каких усилий стоило им скрыть свое волнение. Чем объяснить, что Вильям Форстер так медлил и колебался сделать надбавку к цене, предложенной майором?

Между тем Форстер высморкался раз, другой, даже третий и только тогда скромно пробормотал:

— Двести центов!

Весь зал содрогнулся; еще мгновение — и в воздухе раздались такие неистовые крики: «Гип!.. Гип!..», что стекла зазвенели в окнах. Майор Донеллан был ошеломлен: точно подкошенный, он тяжело опустился на стул, рядом с не менее смущенным, чем он сам, Тудринком. Цена за всю область доведена была до восьмисот тысяч долларов; очевидно, превышать эту сумму уполномоченный Великобритании не имел права.

— Двести центов! — сказал Джилмор.

— Двести центов! — возгласил за ним Флинт.

— Раз!.. Два!.. Кто больше?..

Майор Донеллан, движимый невольным побужде-

нием, опять встал и окинул взором всех делегатов, которые, видимо, только на него и возлагали надежду отстоять Северный полюс от американцев. Но это было последним усилием английского делегата. Он открыл было рот, но не проронил ни слова и снова сел. Англия уступила своему сопернику.

— Три! — прокричал Джилмор, и по залу пронесся стук молоточка.

— Гип!.. Гип!.. Гип!.. — орали державшие пари за Соединенные Штаты.

Известие о том, как кончился аукцион, мигом разнеслось по Балтиморе, а телеграфная проволока передала его во все уголки Старого и Нового света.

С этой минуты Полярная область сделалась собственностью «Северной полярной компании». На следующий день Форстер, согласно американским правилам, отправился объявить, на чье имя приобретена вышеупомянутая покупка. На предложенный ему вопрос последовал ответ: Барбикен и К°.

Г Л А В А IV

*в которой появляются старые знакомые
наших юных читателей*

Барбикен и К°!.. Председатель Пушечного клуба! Действительно есть чему подивиться! Что делать артиллеристам в подобном предприятии? А вот мы сейчас это увидим.

Нужно ли официально представлять читателям Импи Барбикена, председателя Пушечного клуба в Балтиморе, капитана Николя, Мастопа, Тома Гентера с его деревян-

ными ногами, неустоимого Билсби, полковника Блемс-бери и многих других их товарищей, которых читатели уже знают? Конечно, нет! Эти чудачки, правда, постарели на двадцать лет с тех пор, как своей попыткой отправиться на Луну заставили говорить о себе весь мир, но в остальном они остались всё те же. Им всем не хватало кому руки, кому ноги, но это были всё те же отчаянные люди, готовые очертя голову броситься в любое самое необыкновенное приключение. Время не одолело этот легион отставных артиллеристов — оно их щадило, как оно щадит пушки, вышедшие из употребления и украшающие музеи старых арсеналов.

Если Пушечный клуб еще двадцать лет назад, то есть в первый год своего основания, насчитывал уже восемьсот тридцать три члена (понятно, мы подразумеваем под последним словом людей, а никак не члены их тела, не их руки и ноги, в чем у многих из этих оригиналов и тогда уже ощущался большой недостаток), то в описываемое нами время их было, конечно, неизмеримо больше. Число их особенно возросло со времени последней, получившей всемирную известность, попытки членов этого клуба завязать сношения с Луной. Нелишне будет в нескольких словах напомнить читателям эту знаменитую историю, наделавшую в свое время немало шума.

Несколько лет спустя, после войны между Севером и Югом, некоторые из членов Пушечного клуба, тяготясь полным бездействием, задумали с помощью колоссального орудия пустить ядро на Луну. С этой целью на полуострове Флорида была отлита и установлена исполинская пушка. Выпущенный из этой пушки цилиндро-конической формы алюминиевый снаряд, правда, не долетел до места назначения, а возвратился на Землю.

В снаряде находились председатель клуба Импи Барбикен и капитан Николь. Третьим пассажиром был француз, один из самых рьяных любителей сильных ощущений. Все трое вернулись из этой поездки целыми и невредимыми. И всё же впечатление этого полета было настолько сильно, что если американцы и остались при своей готовности принять участие в любом новом предприятии, то у француза оно отбило навсегда охоту к такого рода путешествиям; он уехал в Европу, видимо, разбогател и зажил припеваючи, сажая капусту в своем огороде.

Вернувшись во-свойси, Барбикен и Николь, окруженные славой, некоторое время предавались отдыху и покою, но покою относительному.

Эти беспокойные люди не переставали мечтать о новых подвигах и великих предприятиях. В деньгах у них недостатка не было: у них осталось от собранного по подписке в Новом и Старом свете капитала около двухсот тысяч долларов. Кроме того, если бы они только захотели ездить по городам Америки и показываться в своем алюминиевом снаряде, они собрали бы денег достаточно, не говоря о том, что подновили бы и свою славу.

Барбикену и членам клуба, очевидно, нечего было бояться за будущность, но их одолевала тоска, и, чтобы избавиться от нее, они и задумали приобрести Северный полюс. Однако предприятие это требовало таких денег, что без щедрой поддержки миссис Скорбит Америке не удалось бы победить Европу.

Объяснялась же эта щедрость вот чем:

Со времени возвращения председателя Барбикена и капитана Николя окружал ореол славы, но слава коснулась и еще одного человека.

Читатели, конечно, догадываются, что вопрос идет

о секретаре клуба, пылком и энергичном Масто́не. Не его ли изумительным вычислениям и математическим выкладкам главным образом обязана успехом эта смелая попытка? И если он не принял лично участия в полете ядра, то уж, конечно, не потому, что устранился рискованного путешествия, а исключительно по той причине, что у почтенного артиллериста была всего одна левая рука (вместо правой у него был железный крючок), да и череп был не совсем в порядке, так как его покрывала гуттаперчевая заплата. Показать его жителям Луны — значило бы дать жителям Луны дурное представление об обитателях Земли, а ведь Луна всего-навсего скромный спутник нашей Земли. Оттого-то Масто́н, к своему глубокому сожалению, должен был остаться; но он не сидел сложа руки. Он принял самое деятельное участие в сооружении телескопа колоссальных размеров.

Телескоп поместили на пике Лонга, одной из высочайших вершин Скалистых гор, и Масто́н тоже переселился туда.

С момента выстрела Масто́н уже не отходил от гигантского инструмента и неотступно следил за своими друзьями в их величественном полете по небу.

Многие думали, что отважные путешественники навсегда потеряны для Земли. Однако непредвиденное отклонение изменило направление полета. Снаряд не упал на Луну, но только описал кривую вокруг нее. Развив страшную скорость, он вернулся к Земле и упал в воды Тихого океана.

Известие об этом было немедленно сообщено Масто́ну.

Секретарь Пушечного клуба поспешно покинул обсерваторию в Скалистых горах и бросился на выручку. В районе погружения снаряда были предприня-

ты спасательные работы, и преданный Масто́н сам не задумался облечься в водолазный костюм, чтобы спасти своих друзей.

Но оказалось, что в таких мерах не было необходимости. Алюминиевый снаряд, нырнув столь великолепно, всплыл затем на поверхность Тихого океана. Когда моряки американского фрегата подобрали его, то Барбикен, капитан Николь и Мишель Ардан спокойно играли в домино в своей пловучей тюрьме.

Возвращаясь к Масто́ну, надо сказать, что участие в этих удивительных приключениях принесло ему широкую известность. С металлическим крючком вместо правой руки и со своей гуттаперчевой заплаткой на черепе, он, конечно, не был красив. Он не был и молод — в пору нашего рассказа ему уже стукнуло пятьдесят восемь лет. Но оригинальность характера, живой ум, огонь в глазах и тот горячий интерес, с которым он относился ко всему, — не говоря уже о его славе замечательного математика, — сделали его идеальным человеком в глазах миссис Скорбит.

Надо прибавить, что богатая вдова, лишенная сама способности к математическим вычислениям (простое сложение вызывало у нее головную боль), по необъяснимой странности чувствовала особенную склонность если не к математике, то к математикам. Люди, справлявшиеся со всякими «иксами» так же просто и легко, как фокусник со стаканами и бутылками, умы, понимав-

шие формулы вроде

$$\iiint \varphi(x, y, z) \, dx dy dz,$$

всегда возбуждали в ней большое уважение.

Горячая симпатия, которую миссис Скорбит почувствовала к Мастоу, была скоро замечена им; однако она не только не обрадовала, но даже встревожила его. Он никогда не мечтал о семейных узах. Начать с того, что богатая вдова была уже не первой и даже не второй молодости (ей уже минуло сорок пять лет), а длинные зубы, тощая фигура и прилизанные на висках волосы совсем не красили ее. Состояние американской вдовы было очень велико. Правда, она далеко не была так богата, как Вандербильт, Гульд, Гордон Беннет и другие заатлантические миллиардеры, но все-таки смело могла участвовать в празднестве, устроенном в отеле на Пятой авеню¹ в Нью-Йорке, где присутствовали исключительно гости, обладавшие не менее чем пятью миллионами каждый. У миссис Скорбит и было именно около пяти миллионов долларов, оставленных ей покойным мужем, Джоном Скорбитом, который сколотил такую почтенную сумму торговлей модным платьем и соленой свининой.

Разумеется, вдова покойного Джона Скорбита не задумалась бы расстаться со своим состоянием, если бы жертва эта могла послужить к славе Мастоу. И по просьбе Мастоу миссис Скорбит охотно согласилась вложить несколько сот тысяч долларов в предприятие, затеянное «Северной полярной компанией». Она была уверена, что дело, в котором участвовал Мастоу, не могло не быть грандиозным, необыкновенным. А когда

¹ Пятая авеню — улица, где живут самые известные богатые Нью-Йорка.

стало известно, что во главе его стоит Барбикен и К°, то ее доверие еще укрепилось.

Итак, миссис Скорбит сделалась владелицей если не всей, то во всяком случае значительной части Полярной области. Отлично! Но как сделать прибыльной эту недосыгаемую область? Этот вопрос с денежной стороны очень интересовал миссис Еванжелину Скорбит, а весь остальной мир интересовался этим вопросом вообще из любопытства.

Миссис Скорбит уже не раз еще до аукциона начала свои расспросы, но Масто́н, оставаясь верным своей сдержанности, уклонялся от ответа, говоря, что нужно немножко терпения и тогда она узнает то, чему суждено удивить весь мир! Если же она настаивала, то Масто́ну достаточно было сказать:

— Побольше, побольше доверия ко мне, милая миссис Скорбит! — и миссис Скорбит тотчас же умолкала.

Можно себе представить, какую радость испытала Еванжелина Скорбит, когда секретарь Пушечного клуба сказал, что если Америка одержала верх над своими соперниками, то этим триумфом страна всецело обязана ей одной.

— Не могу ли я узнать что-нибудь хоть теперь? — спросила вдова.

— Скоро, скоро узнаете всё, — сказал математик, крепко, чисто по-американски, тряся руку своей обожательницы.

Несколько дней спустя Старый и Новый свет были потрясены еще больше новым известием об изумительном — можно сказать, дошедшим до последних пределов фантазии — проекте «Северной полярной компании». Купив Северную область, она собиралась эксплуатировать... как бы вы думали — что? Ни более, ни менее, как угольные залежи Полярной области.

Г Л А В А V

*а можно ли допустить, что около Северного полюса
имеются залежи каменного угля?*

Этот вопрос являлся прежде всего у каждого логически мыслящего человека.

— Откуда могли бы взяться пласты угля на Северном полюсе? — говорили одни.

— Да почему бы им и не быть там? — возражали другие.

Как известно, каменноугольные месторождения встречаются в очень и очень многих пунктах земного шара: ими щедро наделена Европа и обе части Америки. Имеются они и в Африке, и в Азии, и даже в Океании. По мере исследования земного шара залежи эти открывают во всех его геологических пластах; антрацит встречается в наиболее древних, другие сорта — в позднейших наслоениях.

Наряду с развитием промышленности пропорционально увеличивается и потребление угля. Брюхо промышленности только и живет углем: ничего другого оно не потребляет.¹ Промышленность представляет собою углеядное животное, очень и очень прожорливое. Притом уголь является не только топливом, а вместе с тем и веществом, из которого современная техника извлекает всевозможные продукты. Сообразно изменениям, которым он подвергается в тиглях лабораторий, уголь может служить для окраски, для обсахаривания, для придания аромата всевозможным духам, для образования пара, для отопления, освещения. Каменный уголь полезен не менее, чем железо.

¹ Написано до того как начали широко пользоваться для промышленных целей энергией падающей воды.

Но если железо неистоимо, то говорить то же про каменный уголь нельзя. Допуская даже, что кризис наступит не ранее, чем через несколько сот лет, люди, заглядывающие в будущее, озабочены уже и теперь приисканием новых залежей всюду, где они могли сохраниться.

— Всё это отлично, — возражали завистники и злопыхатели, каких немало в Америке, — но где же данные, что ископаемый уголь находится и около Северного полюса?

— Где данные? — повторяли сторонники Барбикена. — Они налицо. Начать с того, что некогда разница температуры у экватора и полюсов была почти незаметна. Значит, в ту эпоху, когда наша планета находилась под непрерывным действием высокой температуры и влажности, еще задолго до появления на Земле человека, северные области земного шара были покрыты густыми лесами!

Как бы то ни было, но с этой минуты угольные залежи Полярной ледяной области, приобретенной новой акционерной компанией, сделались положительно злобой дня. О них толковали на все лады газеты и журналы. Одни отнеслись к вопросу шутливо, другие взглянули на дело серьезнее и с научной точки зрения. Раз в Полярной области были леса, почему бы не допустить, что там действительно образовались угольные залежи?

Во всяком случае при ближайшем знакомстве это предположение не казалось уже неправдоподобным. Возможно, что полярные страны обогатят тех, кто займется их эксплуатацией.

Об этом говорили однажды майор Донеллан и его секретарь, усаживаясь за отдельный столик в ресторане «Два друга».

— Неужели Барбикен, — чтоб его чорт побрал! — сказал Тудринк, — прав в своем предположении?

— Возможно!

— Но в таком случае они наживут огромные деньги на эксплуатации полярных областей?

— Само собой разумеется! Северная Америка вообще очень богата каменноугольными залежами. А Полярная область составляет, повидимому, продолжение американского материка: на это указывает тождественность геологического строения и положения. Гренландию, например, можно положительно считать за продолжение Америки.

— Как лошадиная голова, на которую она похожа, служит продолжением туловища лошади, — заметил Дэн Тудринк.

Донеллана очень интересовало геологическое строение Севера — ведь дело касалось угольных месторождений, а эта тема приводит в раздражение каждого англичанина. Они долго говорили бы об этом, но во-время спохватились, заметив, что к их разговору прислушиваются остальные посетители ресторана. Опасаясь сказать что-нибудь лишнее, они сочли более благоразумным удалиться.

— Не удивляет ли вас только одно, майор Донеллан? — сказал Тудринк, уже вставая из-за столика.

— Именно что? — спросил майор.

— А то, что в этом предприятии, где вопрос идет о Северном полюсе и где первое место должно бы принадлежать инженерам или уж во всяком случае морякам, фигурируют только одни артиллеристы.

— Да, пожалуй, вы правы: это странно!

Не дремали тем временем и газеты. Вопрос об угольных копях, видимо, пришелся им по вкусу и обсуждался на всякие лады.

«Залежи, залежи! Спрашивается, какие такие залежи?» — задавала вопрос в одной яростной статье солидная газета, служившая интересам английских коммерсантов высшего полета.

«Какие? — последовал немедленно ответ американской «Дейли-Ньюс», сторонницы Барбикена. — Да хоть бы те, что открыл в 1875 г. на границе 82-го градуса широты капитан Нейрз».

«Или, наконец, — поспешила вставить и свое словцо еще одна газета, тоже очень сочувственно относившаяся к Барбикену и его товарищам, — залежи, открытые в 1881 и 1884 гг. во время экспедиции лейтенанта Грилли в бухте Франклин!»

Такие точные и серьезные ссылки на авторитет ученых исследователей производили свое действие и заставляли умолкнуть противников председателя Пушечного клуба. Однако, потерпев поражение относительно угольных залежей, наличность которых была теперь доказана, враги новой акционерной компании всё еще не могли успокоиться и сделали попытку подойти к вопросу с другой стороны.

— Будь по-вашему! — сказал майор Донеллан на одном из публичных диспутов, состоявшемся в зале Пушечного клуба. — В этой области залежи существуют, — я не только допускаю, но утверждаю это. Однако дело в том, чтобы их разработать...

— Что мы и намереваемся сделать! — спокойно ответил Барбикен.

— Вы перейдете за 84-й градус, что не удалось еще ни одному из самых отважных исследователей?..¹

— Да, перейдем.

— И проберетесь к самому Северному полюсу?..

¹ Это было верно для 1889 года, когда появился роман.

— К самому Северному полюсу!

Понятно, что такие ответы, высказанные притом уверенным тоном, невольно производили впечатление даже на упорных скептиков и заставляли их колебаться. Все чувствовали, что перед ними стоит неизменный Импи Барбикен, каким знали его уже много лет: спокойный, холодный человек, не любящий бросать слов на ветер, точный, как хронометр, предприимчивый и не упускающий практической цели даже в самых рискованных своих предприятиях. Майор Донеллан испытывал неистовое желание задушить своего противника.

Всё это, однако, нимало не помешало журналам с ожесточением наброситься на уважаемого председателя Пушечного клуба и наполнить карикатурами на него столбцы своих листков. Больше всего изошрялись английские журналы. Англичане никак не могли переварить победы доллара над фунтом.

В витринах больших книжных магазинов главных городов Европы и Америки появились карикатуры на Барбикена и его товарищей, изыскивающих всевозможные курьезные способы для достижения полюса.

На одной из таких карикатур отважный американец, стараясь достигнуть конечной точки земной оси, окруженный членами Пушечного клуба, заступом рыл в сплошных глыбах льда огромный тоннель.

На другой — Барбикен был изображен с двумя товарищами, Мастоном и Николем, поразительное сходство с которыми не допускало ни малейшего сомнения. Все трое, видимо, достигли обетованной земли на воздушном шаре, употребив невероятные усилия... и отыскали лишь один кусок каменного угля весом в полфунта! Только всего и нашлось в знаменитых околополярных залежах.

Английский «Пэнч» поместил карикатуру, изобра-

жавшую секретаря Пушечного клуба Масто́на, влекомого к магнитному полюсу; который притягивал к себе железный крючок его руки.

Будучи человеком горячего темперамента и не обладая хладнокровием своего друга Барбикена, почтенный Масто́н отнесся к этой шутке с яростным негодованием. Нечего и говорить, что Еванжели́на Ско́рбит разделяла его возмущение.

Карикатура брюссельского журнала «Фонарь» изображала, как Импи Барбикен и члены правления компании, решив растопить полярный океан, поливают лед спиртом и поджигают его. Они трудились среди моря пламени, но сами оставались невредимыми, как мифические саламандры.

Всех остроумнее оказалась карикатура одного французского журнала. В чреве кита, комфортабельно и уютно устроенном, сидели за столиком Барбикен и Масто́н в ожидании прибытия к назначенной цели и спокойно играли в шахматы. Самоотверженные президент и его друг без колебания дали проглотить себя морскому млекопитающему, который, пробравшись под льдами, доставил бы их к полюсу.

Но журнальные насмешки и карикатуры, повидимому, нисколько не тревожили и не задевали хладнокровного директора компании. Он только улыбался и спокойно продолжал свою работу. Подписка на акции, по сто долларов каждая, притом за наличные деньги, не оставляла желать ничего лучшего. Она шла так бойко, что в самое короткое время с избытком покрыла требуемую сумму и 16 декабря была закрыта, составив колоссальный капитал в пятнадцать миллионов долларов. Это почти в три раза превысило сумму, собранную двадцать лет назад Пушечным клубом, когда члены его задумали установить сообщение Земли с Луной.

ГЛАВА VI

*в которой внезапно прерывается телефонный разговор
между миссис Скорбит и Мастоном*

Барбикен не только утверждал, что верит в достижение своей цели; он действительно был уверен в полном успехе и только потому решил открыть подписку на акции.

Итак, в самом недалеком будущем Северному полюсу предстояло сделаться достоянием человека.

Очевидно, Барбикен и его товарищи нашли средство сделать то, что не удавалось до сих пор никому. Они задались целью перешагнуть восемьдесят четвертую параллель, вступить во владение обширной областью, приобретенную с аукциона, и, водрузив на ней американское знамя, прибавить к его голубому полю еще одну звезду в честь нового штата союза.

— Фантазеры! — продолжали повторять европейские делегаты и их сторонники в Старом свете.

А между тем ничего не могло быть проще, практичнее и разумнее того средства, которое «Северная полярная компания» готовилась применить для того, чтобы овладеть Северным полюсом. Это средство было уже изобретено Мастоном, знаменитым математиком. Его мозг, прикрытый гуттаперчевой заплатой, был очагом фантастических и смелых планов.

Секретарь Пушечного клуба, как не раз было сказано, отличался необыкновенной способностью к математическим вычислениям, выкладкам и т. п. Для Мастоно не существовало затруднений в математике.

Ах, эти коэффициенты, показатели степени, радикалы и другие знаки алгебраического языка! С какой легкостью они выпархивали из-под его пера или, вернее, из-

под мелка, укрепленного в его железном крючке, так как он предпочитал работать на черной доске. Здесь, на пространстве десяти квадратных метров — меньше ему бы нехватало — он с жаром предавался алгебраическим вычислениям. На его доске не было обыкновенных мелких цифр: это были цифры огромные, фантастические, начертанные рукою пылкого гения. Цифры 2 и 3 выступали важно, как бумажные петушки; цифра 7 возвышалась, как виселица, не хватало только повешенного; 8 — смотрела на вас, как большие очки, а 6 и 9 — далеко расчеркивались своими длинными хвостами.

А буквы в его формулах, первые буквы алфавита — *a, в, с*, которыми он обозначал величины, известные или данные, и самые последние буквы — *х, у, з*, которые применялись у него для величин неизвестных, — какая жирная определенная линия, без теней и недомолвок! Особенно замечательная была буква *з*: она судорожно извивалась, как молния в небе. А какое изящество в греческих буквах π , λ , ω — им позавидовали бы Архимед и Евклид!

Чисто и безупречно начертанные мелом знаки действия были просто чудесны: $+$ определенно указывал, что он означает сложение двух количеств; $-$ был скромнее, но выглядел всё же вполне прилично; $=$ эти две черточки, неоспоримо одинаковые, говорили о том, что Мاستон — гражданин страны, где равенство не является пустым звуком, по крайней мере в отношении белокожих. С тем же размахом и также внушительно были выполнены знак $<$, знак $>$ и знак \approx .

Но что было его настоящим триумфом, так это знак $\sqrt{\quad}$, который обозначает корень числа или количества. Когда Мастон заканчивал его длинной горизонтальной чертой, вот так:

$\sqrt{\quad}$

казалось, что эта протянутая рука выходит за пределы черной доски и угрожает всему миру, грозит всё подчинить себе.

Не подумайте только, что математические познания Масто́на ограничивались пределами элементарной алгебры. Нет! Ни дифференциальное, ни интегральное исчисления не были ему чужды; твердой рукой выводил он знаменитый знак интеграции, которым обозначают сумму бесконечного числа бесконечно малых элементов, букву простую и всё же страшную:

\int

Словом, для Масто́на в этой науке не было преград и пределов.¹

Таков был уважаемый секретарь Пушечного клуба. И вот почему его друзья, возлагая на Масто́на решение какого-нибудь вопроса, требующего математических познаний, вполне доверялись ему. Вот почему Масто́ну

¹ Жюль Верн придает здесь математическим знакам сатирический смысл.

Знак $=$ в математике, обозначающий равенство, применен к равенству граждан в Америке, существующему лишь формально: на словах, на бумаге, а не на деле.

Знак радикала $\sqrt{\quad}$ делается изображением американского империализма. Под горизонтальную черту радикала в математике подводятся величины, из которых извлекается корень. Эта черта сравнивается с длинной рукой, жадной до захватов.

Буква \int — интеграл, знак, употребляемый только в высшей математике. Жюль Верн называет ее «знаменитой», намекая на ту же букву, которая служит обозначением доллара. Знак $\$$ действительно стал общеизвестным символом сделок, спекуляций и торгашества.

Жюль Верн сближает здесь математические знаки, то есть нечто очень отвлеченное, теоретическое с теми вполне реальными сторонами американской действительности, для обозначения которых и написан этот роман.

было поручено членами Пушечного клуба решить задачу о полете пушечного ядра на Луну! И вот почему украшенный ореолом славы он пленил сердце Евангелины Скорбит.

Впрочем, в данном случае, то есть в решении проблемы овладения Северным полюсом, Масто́н не предвидел для себя особых трудностей. Предстоящая задача, очень сложная для всякого другого, для него была сущим пустяком.

Да, Масто́ну можно было довериться! Даже в таком деле, где ошибка могла обойтись в миллионы долларов! Никогда еще во всю свою жизнь, начиная с детского возраста, когда его юная голова работала над решением какой-нибудь несложной арифметической задачи, не сделал он ни единой ошибки даже на тысячную долю микро́на.¹ И если бы когда-либо в жизни с ним случилась подобная беда, он, не колеблясь, пустил бы пулю в свой гуттаперчевый череп.

Нам важно было остановить внимание читателей именно на этой особенности Масто́на. Прежде чем продолжать рассказ, необходимо вернуться к событиям, которые произошли несколько недель назад.

Почти за месяц до опубликования известного читателям объявления о продаже Северного полюса, обошедшего Старый и Новый свет, Масто́н получил поручение сделать все нужные для своего проекта вычисления.

Секретарь Пушечного клуба уже много лет жил в доме № 179, на Франклин-стрите — одной из самых тихих, спокойных улиц Балтиморы, вдали от беспокойных деловых кварталов города. Здесь к нему не достигал шум толпы, столь ему ненавистный.

¹ Микро́н — тысячная доля миллиметра.

Не имея никаких средств, кроме небольшой пенсии артиллерийского офицера в отставке и жалованья секретаря Пушечного клуба, Мастон занимал очень скромное жилище, известное под названием Баллистик-коттеджа. Он жил один, с слугой, которого он иначе не звал, как Пли-Пли — прозвище, достойное старого артиллериста. В сущности, это был не слуга, а скорее друг. Старый служака-бомбардир ухаживал за своим хозяином, как ухаживал он когда-то за своей пушкой.

Мастон причислял себя, и не без основания, к закоренелым холостякам, давно усвоившим убеждение, что если на свете и можно еще существовать, то исключительно человеку, не связавшему себя брачными узами.

Если он жил так одиноко в своем Баллистик-коттедже, то по доброй воле. Ему стоило только выразить малейшее желание, и одиночество его мгновенно сменилось бы на жизнь вдвоем, а его скудные средства — на миллионное состояние. Он не мог сомневаться в том, что миссис Скорбит сочла бы за счастье... Но в том-то и дело, что сам Мастон, по крайней мере до сей поры, не мог счесть за счастье...

Баллистик-коттедж был простым домиком в два этажа: нижний этаж состоял из гостиной с верандой, из столовой и пристройки, прилегающей к дому, в которой помещались кухня и кладовая. Во втором этаже была спальня, окнами на улицу, и кабинет почтенного математика, выходивший окнами в сад; это было тихое убежище, в стенах которого было сделано столько вычислений, что им позавидовали бы Ньютон, Лаплас и Коши,¹ взятые вместе.

Великолепный дом, занимаемый вдовой Скорбит,

¹ Коши Огюстин Луи (1789—1857) — французский математик XIX века.

представлял совершенную противоположность скромному коттеджу ее друга. Он находился в одном из самых богатых кварталов Нью-парка и затейливой своей архитектурой, с резными балкончиками и колоннами, не то в готическом стиле, не то в стиле ренессанс, своими роскошно меблированными гостинными, высокой залой, картинной галереей, в которой преобладала французская живопись, лестницей на две стороны, наконец всей обстановкой богатого дома — невольно привлекал к себе внимание. Позади дома тянулся прекрасный сад, с лужайками, с большими деревьями и фонтанами. А над ним возвышалась башня, на которой развевался голубой с золотом флаг миссис Скорбит.

Целых пять километров, если не больше, отделяли особняк в Нью-парке от Баллистик-коттеджа. Чувствовать себя на столь далеком расстоянии от друга было слишком тяжело для Еванжелины Скорбит, и, по ее настоянию, оба дома были соединены прямым телефонным проводом. Это позволяло их обитателям разговаривать друг с другом в любой час дня и ночи. Разговаривающие, правда, не могли видеть одного, но слушать — сколько угодно. Никто, вероятно, не удивится, если мы скажем, что миссис Скорбит чаще вызывала к телефону Мастона, чем Мاستон — миссис Скорбит. Когда в кабинете математика раздавался телефонный звонок, он нехотя оставлял свою работу, не спеша подходил к телефону и, проворчав что-то на дружеское приветствие миссис Скорбит, спешил вернуться к своим расчетам. Телефонная проволока, надо полагать, несколько смягчала резкий тон Мастона, так как богатая вдова отходила от аппарата вполне удовлетворенной.

3 октября, после окончательного, довольно продол-

жительного совещания, секретарь Пушечного клуба простился с товарищами и удалился в свой домик с целью приняться за работу. Важное дело, порученное ему, состояло в том, чтобы сделать вычисления по механике, относящиеся к предполагаемой эксплуатации каменноугольных копей в области полярных льдов.

На эти вычисления Мэстон предполагал употребить не меньше семи-восьми дней. Чтобы избежать помехи в занятиях, было заранее условлено, что в это время никто не будет беспокоить математика в его домике. Такого рода решение было большим горем для Еванжелины Скорбит, но... она вынуждена была покориться. Накануне добровольного затворничества Мэстона к нему зашли, в последний раз, Барбикен, Николь, Билсби и еще несколько членов Пушечного клуба, чем воспользовалась миссис Скорбит и тоже присоединилась к друзьям математика.

— Нет сомнения, дорогой Мэстон, что успех за вами! — сказала она ему прощаясь.

— А главное, Мэстон, смотрите, не сделайте ошибки! — улыбаясь, шутливым тоном прибавил Барбикен.

— Разве можно допустить, что Мэстон ошибется!.. Да что вы!.. — воскликнула вдова, оскорбленная за своего друга.

После обмена дружескими рукопожатиями, нескольких сдержанных вздохов вдовы, пожеланий полного успеха и просьб не изнурять себя чрезмерной работой, все простились и ушли. Дверь Баллистик-коттеджа была заперта на двойной замок, и Пли-Пли получил приказание до нового распоряжения не принимать ни единой души, хотя бы явился сам президент Соединенных Штатов.

Первые два дня своего затворничества Мэстон по-

святил обдумыванию данной ему задачи и не брал в руки мела. Он пробежал несколько известных сочинений, содержащих сведения об элементах Земли, ее массе, плотности, объеме, форме, движении вокруг оси и вокруг Солнца, — словом, всё то, что должно было лечь в основание его вычислений. Вот те данные, с которыми нелишне будет познакомить и читателей.¹

Форма Земли: эллипсоид, большая полуось которого равна 6 378 388 метрам, а малая — 6 356 909 метрам. Таким образом, разница полуосей, вследствие сплюснутости эллипсоида, равняется 21 479 метрам.

Окружность Земли по экватору составляет 40 000 километров.

Поверхность Земли равна приблизительно 510 миллионов квадратных километров. Объем же — около 1 083 миллиардов кубических километров.

Плотность Земли приблизительно в пять с половиной раз больше плотности воды.

Время обращения Земли вокруг Солнца совершается в 365 суток с четвертью, что составляет сидерический (астрономический) год, или, точнее, 365 суток 6 часов 9 минут 10 секунд. Скорость составляет 30 километров в секунду.

Каждая точка земной поверхности на экваторе при обращении Земли вокруг оси пробегает 465 метров в секунду.

За единицы длины, силы, времени и угла Мэстон принял метр, килограмм, секунду и центральный угол, соответствующий дуге круга, равной радиусу.

5 октября, около пяти часов пополудни, — дело идет о важных событиях и необходимо быть точным, — почтенный математик, обдумав всё зрело, приступил, на-

¹ Числа исправлены.

конец, и к письменным выкладкам. Начал он с числа, выражающего окружность большого круга Земли, иначе сказать, — с экватора.

Черная доска, на полированной дубовой подставке, стояла в углу кабинета, и свет падал на нее из окна, выходящего в сад. На рейке внизу доски лежали аккуратно сложенные мелки. Тут же, слева, висела и намоченная губка. Своей правой рукой с крючком математик будет чертить и писать.

Прежде всего Масто́н начертил необыкновенно правильно и отчетливо круг, изображающий нашу планету. Чтобы сферичность фигуры выступала рельефнее, лицевая, видимая линия экватора была обозначена непрерывной линией, а заслоненная, невидимая — пунктиром. Земная же ось, начинаясь у полюсов, шла в виде перпендикуляра к плоскости экватора и на концах обозначена была буквами N и S.

Затем в углу доски Масто́н написал число

40 000 000

длину окружности Земли в метрах.

Покончив с этим, математик стал перед доской, собираясь приступить к вычислениям. Он так углубился в свои занятия, что не обратил внимания на состояние неба, с полудня покрывшегося темными грозowymi облаками. Уже больше часа собиралась гроза, которая обычно оказывает сильное влияние на организм людей и животных. По темносерому свинцовому небу, низко опустившись над городом, медленно плыли тучи. Вдали раздавались раскаты грома. Два или три раза молния зигзагами прорезала душный воздух.

Но Масто́н, всё больше углубляясь в занятия, ничего не видел и не слышал. Вдруг тишина кабинета была нарушена резким звонком телефона.

— Этого еще недоставало! — проворчал Мэстон. — Вот они, люди! Никогда-то от них не отделаешься! Нельзя в дверь, так по телефону!.. Нечего сказать, прекрасное изобретение для людей, ищущих покоя!.. Ну, да я положу этому конец: велю разъединить телефон на всё время, пока буду занят!..

С мелом в руке он не спеша подошел к телефону.

— Что нужно? — спросил он.

— Сказать вам несколько слов!.. — ответил женский голос.

— Кто говорит?

— Неужели, милый Мэстон, вы не узнали моего голоса?.. Это я, миссис Скорбит!..

— Миссис Скорбит!.. Она, кажется, никогда не оставит меня в покое!..

Последнее замечание, не особенно лестное для вдовы, было сказано на таком расстоянии от аппарата, что не могло долететь до телефона. Зная, что ответить всё-таки следует, Мэстон сказал более любезным тоном:

— А, это вы, миссис Скорбит?

— Да, да, это я, мистер Мэстон!

— Что угодно от меня, миссис Скорбит?

— Предупредить вас, что над городом сейчас разразится страшная гроза!..

— При чем же я тут?! Ведь не в моей власти помешать этому...

— Но я хотела только спросить, закрыты ли у вас окна...

Едва успела миссис Скорбит выговорить последнее слово, как раздался страшнейший треск и долгий раскат грома, точно кто-то раздирал длинный кусок шелковой материи. Молния упала рядом с Баллистик-коттеджем, и электрический разряд пробежал по телефонной проволоке. Мэстон, державший в руке приставленную к уху

телефонную трубку, получил такую электрическую пощечину, какой, наверно, не получал ни один ученый в мире. Молния, пройдя по его металлическому крючку, повалила почтенного Масто́на на пол, точно бумажного солдати́ка. Пада́я, он толкнул черную доску, и она отлетела в друго́й угол. Наделав таких бед, молния ушла в землю.

Ошеломленный толчком, Масто́н встал с пола и стал ощупывать себя, чтобы убедиться, всё ли у него цело. Прodelав это, нисколько не теряя самообладания, как и подобало старому артиллерийскому служаке, он поднял прежде всего доску, поставил ее на прежнее место, подобрал обломки мела и снова принялся за работу, прерванную так неожиданно и грозно.

Взяв мел, Масто́н заметил, однако, что написанное им в углу доски число, выражавшее в метрах окружность нашей планеты, стерлось. Он стал было писать это число заново, как вдруг в комнате снова раздался телефонный звонок.

— Опять! — воскликнул Масто́н, отрываясь от работы и подходя к аппарату. — Кто говорит?..

— Миссис Скорбит.

— Что угодно от меня, миссис Скорбит?

— Скажите, не ударила ли эта страшная молния в Баллистик-коттедж?

— Имею основания думать, что это случилось...

— Ах! Боже мой!.. Какая молния!..

— Успокойтесь, миссис Скорбит...

— Она не повредила вам, дорогой Масто́н?

— Ни малейшим образом...

— Вы уверены, что она не тронула вас?..

— Если я чем-либо тронут, то исключительно вашей любезной заботливостью обо мне, — галантно ответил математик.

— До свиданья!

— До свиданья, миссис Скорбит!

— Чорт бы побрал эту прелестную особу! — ворчал математик, отходя от телефона. — Не позови она меня так некстати к телефону, я не подвергся бы риску быть убитым на месте!

Но помеха была на этот раз уже последней. Больше в продолжение всего времени, пока Мастон был занят, никто его не потревожил. Для этого он принял самые энергичные меры и велел выключить провод, соединявший его домик с особняком вдовы.

Взяв за основание начертанное им число, он ввел его в ряд уравнений, затем, сделав конечный вывод, записал его на левой стороне доски, стерев все предыдущие цифры, и уже после этого пустился в бесконечные дебри алгебры.

Через восемь дней, 11 октября, вычисления были окончены, и секретарь Пушечного клуба торжественно преподнес свою работу друзьям, ожидавшим этой минуты с понятным интересом.

Способ добраться до Северного полюса и приняться там за разработку каменноугольных залежей был найден при помощи математики. Следствием этого было немедленное основание нового акционерного общества, присвоившего себе наименование «Северной полярной компании», которой вашингтонское правительство обещало концессию в том случае, если Полярная область останется за американцами.

Читателям уже известны результаты аукциона и его последствия.

Г Л А В А VII

*в которой Барбикен не говорит больше того,
что он хочет сказать*

22 октября акционеры компании Барбикен и К^о получили приглашение на общее собрание, назначенное в этот день в залах Пушечного клуба, в доме в Унион-сквере. Само собою разумеется, акционеры поспешили откликнуться на призыв, и в помещении клуба собралось столько публики, что она с успехом могла бы заполнить обширный сквер, окружающий клуб.

В обыкновенное время огромный зал Пушечного клуба был убран всевозможными орудиями, висевшими на стенах и расставленными по углам и вдоль стен. Он напоминал настоящий артиллерийский музей, тем более, что стулья, столы, диваны, — словом, вся меблировка носила соответствующий обстановке отпечаток, изображая своей формой разные смертоносные орудия, отправившие на тот свет немало людей, затаенной мечтой которых было умереть своей смертью.

Но в тот день пушки, загромождающие клуб, были убраны, так как собрание было посвящено мирным, промышленным целям. Казалось, было где разместить многочисленным акционерам, съехавшимся со всех концов Соединенных Штатов. И всё же залы были переполнены, было тесно, душно.

Члены клуба в качестве главных акционеров новой компании заняли все первые места. Тут были и Том Гентер, и полковник Билсби, и многие другие знакомые читателям члены клуба и друзья президента. У всех был необыкновенно торжественный вид. Для Еванжелины Скорбит было приготовлено особое удобное кресло. Она внесла в предприятие такую солидную сумму, что

уж одно это давало ей право восседать по правую руку самого председателя. Миссис Скорбит была, впрочем, далеко не единственной дамой на этом собрании: в числе присутствующих было немало богато разодетых женщин. В сущности, большинство акционеров были не просто акционерами, но и ярыми сторонниками и личными друзьями Барбикена.

На особо отведенных местах сидели делегаты европейских государств. Они были приглашены на заседание ввиду того, что каждый из них подписался на известное число акций, что давало им право совещательного голоса. Легко представить себе тот жгучий интерес, с которым они явились сюда, горя желанием узнать способы проникновения в неведомые полярные области, с которыми собирался познакомить публику председатель Пушечного клуба. Нечего, впрочем, скрывать, что Карков, Бальденак, Янсен и Гаральд пришли в собрание далеко не с миролюбивой целью; они готовились воспользоваться первой ошибкой, первой неточностью Барбикена, чтобы потребовать слова. Со своей стороны, майор Донеллан, подстрекаемый Тудринком, был полон решимости бороться со своим соперником Барбикеном.

Было восемь часов вечера. Залы, гостиные и даже сквер Пушечного клуба были ярко освещены электрическими лампочками. Слышался шум оживленных разговоров. Стоило, однако, дворцовому клубу возвестить, что члены правления явились, как в залах тотчас же воцарилась мертвая тишина.

На эстраде, задрапированной сукном, стоял покрытый темной бархатной скатертью, ярко освещенный стол, за которым заняли места Импи Барбикен, Мэстон и Николь.

В зале грянуло «ура», подхваченное толпой, запрудившей весь сквер.

Мастон и капитан Николь сели, а Барбикен встал, сунул левую руку в карман, а правую — за жилет и начал свою речь:

— Акционерши и акционеры! Правление «Северной полярной компании» пригласило вас на это собрание для того, чтобы сделать вам важное сообщение. Из газетной полемики вам, конечно, уже известно, что цель нового акционерного общества — разработка каменноугольных залежей на Северном полюсе. Концессия на это предприятие уступлена нам правительством Соединенных Штатов. Капитал, собранный на акции по подписке, закрытой уже 11 декабря, позволяет надеяться на полный успех предприятия, обещающего беспримерные выгоды акционерам.

На этом месте речь Барбикена была прервана одобрительным гулом публики.

— Вам, конечно, небезызвестны, — продолжал оратор, — те доводы и основания, которые привели нас к убеждению, что околполярные страны богаты каменноугольными залежами, и, может быть, костью ископаемых мамонтов. Относящиеся к этому вопросу данные были напечатаны в свое время в журналах и газетах всего мира; в существовании залежей нельзя сомневаться. В настоящее время каменный уголь сделался источником всей промышленности; не говоря уже об угле как топливе и о той роли, которую он играет при получении электрической энергии, применение его вообще чрезвычайно разнообразно. Нет отрасли промышленности, которая могла бы обойтись без угля, и я утомил бы присутствующих, если бы позволил себе привести длинный перечень того, куда он употребляется и что из него добывают.

Тут Барбикен остановился, как запыхавшийся бегун, и затем, набрав воздуха, продолжал:

— Итак, как вы сами видите, каменный уголь должен считаться одним из драгоценнейших ископаемых богатств нашей планеты. А между тем он с каждым годом всё более и более истощается и через какие-нибудь пятьсот лет, не более, залежи его будут использованы и...

— Не через пятьсот лет, а через триста! — крикнул кто-то из присутствующих.

— Через двести! — перебил его кто-то другой.

— Не будем точно определять срока, — сказал Барбикен, — скажем лишь, что это неминуемо случится рано или поздно, и примем меры, чтобы катастрофа не застала нас врасплох.

Новая пауза. Внимание слушателей достигло крайней степени.

— Поэтому, — снова начал Барбикен, — вставайте и едем вместе к Северному полюсу!

Публика и в самом деле стала подниматься, готовая схватиться за чемоданы, как будто Барбикен показал им корабль, отходящий прямо к Северному полюсу.

Однако замечание, сделанное пронзительным голосом майора Донеллана, остановило этот пылкий и безрассудный порыв.

— Но прежде чем отчалить, — сказал он, — интересно было бы узнать: каким способом предполагается совершить это путешествие? Не морем ли?

— Ни морем, ни по суше, ни по воздуху, — тихим, кротким голосом ответил Барбикен.

Успокоенная этим ответом публика снова заняла свои места, горя нетерпением познакомиться с дальнейшим планом оратора.

— Вам всем, конечно, известно, — начал он, — что, несмотря на самопожертвования, энергию и мужество полярных путешественников, 84-ю параллель не пере-

ступала еще нога ни одного человека. Скажу больше: этого никогда и не достигнуть тем способом, к которому до сих пор прибегали: то есть морем или на лыжах. Слишком низкая температура и сопряженные с этим путешествием опасности не по силам человеку. Ввиду этого для победы над Северным полюсом необходимо найти другие пути.

Невольный трепет охватил всех присутствующих; было ясно, что приблизилась минута, когда будет найден ключ к тайне.

— А что вы намереваетесь предпринять? — спросил опять делегат Англии.

— Не пройдет и десяти минут, майор Донеллан, как вы узнаете это, — сказал Барбикен, — а пока, — продолжал он, уже обращаясь к публике, — прошу полного доверия к предприятию. Оно заслуживает его уже потому, что в нем участвуют те же самые лица, которые летали в цилиндро-коническом...

— Цилиндро-комическом! — поправил его секретарь Донеллана.

— ...снаряде на Луну... — спокойно продолжал оратор.

— И благополучно вернулись, не долетев до нее! — вызывая общее возмущение, перебил его на этот раз сам майор.

Председатель только пожал плечами и снова начал твердым голосом:

— Да, акционеры, не пройдет и десяти минут, как вам уже всё станет известно!

В публике раздались одобрительные возгласы. Казалось, оратор сейчас объявит: «Не пройдет и десяти минут, как мы будем у полюса!»

Он продолжал:

— Прежде всего я задам вопрос: что представляет

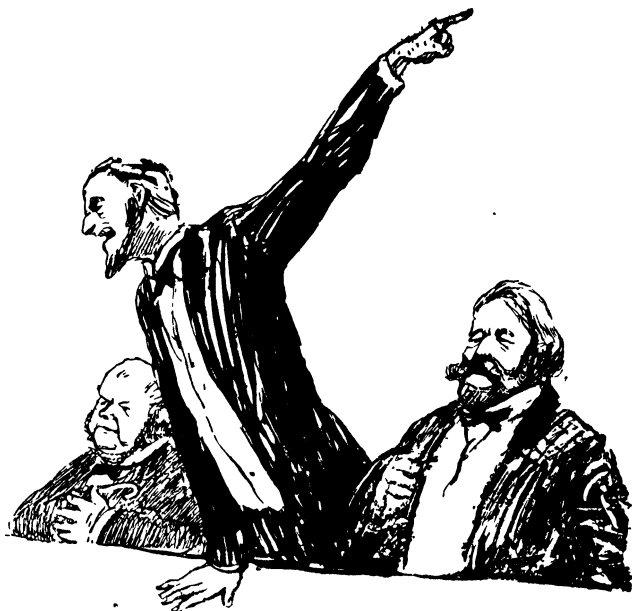
собою область Северного полюса? Не окажется ли в действительности этот предполагаемый континент морем, по справедливости названным капитаном Нэйрзом палеокристическим, то есть морем древнего льда? Лично я ответил бы на этот вопрос так: мы этого не думаем.

— Этого недостаточно! — вскричал Эрик Бальденак. — В подобных вопросах нельзя ограничиваться словами: «думаю» или «не думаю», а надо быть уверенным!

— Ну что ж, мы в этом уверены, — отвечу я моему горячему оппоненту. Да, повторяю то, что я сказал уже: Полярная область — не водный бассейн, а твердая земля, отныне сделавшаяся собственностью Северо-Американских Штатов, причем ни одна европейская держава не может заявить на нее никаких прав.

На скамье делегатов Старого света послышался ропот.

— Да, нечего сказать... Нашли твердую землю!.. Просто дыра, заполненная водой... Полоскательная чашка... которую, однако, вам никогда не опорожнить!.. — опять вставил свое слово Дэн Тудринк, при полном одобрении его товарищей.

— Нет и нет, — горячо перебил его Барбикен, — это не дыра, наполненная водой, а континент, плоскогорие, весьма возможно, подобное пустыне Гоби в Центральной Азии. Да! Северная область, эксплуатацией которой мы займемся, — твердая земля, и мы водрузим на ней флаг Соединенных Штатов!

Раздался гром рукоплесканий. Когда последние раскаты стихли, послышался неприятный голос майора Донеллана:

— Прошло уже семь минут из обещанных десяти, а мы всё еще не доехали до полюса!

— Через три минуты мы будем там! — спокойно возразил ему президент Барбикен и, обращаясь к публике, продолжал:

— Но, допустив, что приобретенная нами недвижимость — твердая земля, я не буду отрицать, что континент этот сплошь покрыт льдом и что эксплуатация его при наличии этих условий является крайне затруднительной. . .

— Скажите вернее: невозможной! — сказал Ян Гаральд, сопровождая свои слова энергичным жестом.

— Невозможной?! Допускаю, — спокойно ответил Барбикен, — но, в таком случае, необходимо употребить все усилия, чтобы устранить эту невозможность. Для этого нам не только не понадобятся корабли, лыжи, сани, но благодаря найденному нами способу толщи льда растают и исчезнут как по волшебству, и это нам не будет стоить ни доллара!

В зале наступила глубокая тишина. Приближалась решительная минута. Дэн Тудринк наклонился и шептал что-то на ухо Янсену.

— Господа! — начал снова председатель Пушечного клуба. — Архимед сказал, что если бы у него была точка опоры, он поднял бы Землю. Теперь я скажу вам, что эту точку опоры мы нашли. Великому математику Сиракуз нужен был рычаг — этот рычаг у нас в руках. Мы обладаем способом переместить полюс. . .

— Переместить полюс! — воскликнул Эрик Бальде-нак.

— Перетащить его в Америку! — вскричал Ян Гаральд.

Барбикен, очевидно, медлил открыть все карты и продолжал невозмутимо:

— Что касается этой точки опоры...

— Не рассказывайте! Не рассказывайте! — закричал кто-то из присутствующих.

— Рычага... — начал было Барбикен.

— Не выдавайте тайны! Не выдавайте тайны!.. — послышалось со всех сторон.

— Хорошо, я последую совету и не выдам ее! — сказал Барбикен.

Можно вообразить себе разочарование делегатов. Они подняли шум, но оратор остался непреклонен и только прибавил:

— Что касается результатов работы нашего предприятия, которые с помощью ваших капиталов мы надеемся довести до благополучного конца, то о них я хочу сообщить вам сейчас же.

— Слушайте! Слушайте!

Призыв к вниманию был совершенно излишен — публика и без того превратилась в слух.

— Должен сказать, прежде всего, — начал президент, — что основная мысль нашего предприятия принадлежит одному из наших ученийших, преданнейших делу и известнейших сотоварищей. Ему мы обязаны уже теми математическими вычислениями, которые позволяют нам от теории перейти к практике. Замечу, что насколько задача эксплуатации каменноугольных копей на Севере легка, настолько трудна другая — перемещение полюса. Эту задачу решить под силу только высшей механике. Вот почему мы и обратились к нашему уважаемому секретарю Мастону!

— Ура!.. Гип!.. Гип!.. Да здравствует Мастон! —

закричали все присутствующие, наэлектризованные словами председателя.

Легко понять радость, охватившую миссис Скорбит в эту минуту.

Сам же математик скромно встал, кивнул головой направо, налево, помахал в виде приветствия металлическим крючком своей правой руки и снова уселся на свое место.

— Еще в тот день, дорогие акционеры, — продолжал Барбикен, — когда мы праздновали приезд в Америку француза Мишеля Ардана, словом, еще за несколько месяцев до полета на Луну...

Этот янки говорил о полете на Луну, как о поездке из Балтимора в Нью-Йорк...

— ...Мастон предложил: «Изобретем орудия, найдем точку опоры и повернем земную ось! Прошу в настоящую минуту вашего особенного внимания. Орудия изобретены, точка опоры найдена, и теперь все усилия наши будут направлены на то, чтобы повернуть земную ось.

Он замолчал. Казалось, присутствующие были до такой степени ошеломлены этим сообщением, что не находили слов для выражения своего удивления.

— Как?! Вы не на шутку задались мыслью повернуть земную ось? — вскричал Донеллан.

— Именно так, — спокойно ответил Барбикен. — Во всяком случае мы нашли способ если и не повернуть ее, то создать новую, вокруг которой и будет совершаться суточное движение нашей планеты с обычной скоростью. Эта операция переместит теперешний полюс приблизительно на шестьдесят седьмую параллель, что создаст нашей Земле положение Юпитера, ось которого почти совершенно перпендикулярна к плоскости его орбиты. Перемещения на двадцать три с половиною

градуса будет вполне достаточно для того, чтобы наша Северная область со всеми своими ледяными полями получила то количество тепла, при наличии которого растают ее снега и льды.

Аудитория затаила дыхание. Казалось, слушатели боялись перебить оратора даже аплодисментами — так велико было впечатление от смелой мысли переместить земную ось!

Европейские делегаты были в полном смысле слова поражены, уничтожены и сидели молча. Но тишина нарушилась бурей аплодисментов, когда Барбикен закончил свою речь простой, но великолепной фразой:

— Итак, сама природа придет нам на помощь: Солнце растопит ледяные горы и очистит нам путь к Северному полюсу!

— Выходит так, — сказал майор Донеллан, — что если человек не может подойти к полюсу, то полюс подойдет к нему.

— Именно так! — невозмутимо ответил ему председатель Пушечного клуба.

Г Л А В А VIII

Земля в положении Юпитера

Итак, оказывается, что мысль о перемещении земной оси засела в уме секретаря Пушечного клуба уже давно. Он лелеял ее с самого приезда Мишеля Ардана; наконец-то настала минута осуществить его заветную мечту.

По его проекту, новая ось нашей планеты будет

почти перпендикулярна к плоскости земной орбиты, и тогда в климатическом отношении полюс займет приблизительно то положение, которое весною занимает город Тронтгейм в Норвегии. Ледяная броня, разумеется, растает от действия солнечных лучей. Мы будем иметь на Земле такие же климатические условия, как на Юпитере.

Но Земля не курица на вертеле, который можно повернуть руками в какую угодно сторону. Мэстон нашел какой-то способ создать новую ось, достиг того, о чем мечтал Архимед. Так как члены Пушечного клуба решили до времени не открывать своей тайны, то пришлось ограничиться предположениями о возможных результатах их замысла.

Прежде всего выступили, конечно, газеты и журналы, напомнив всем несведущим людям о следствиях перпендикулярного положения оси Юпитера.

Начать с того, что Юпитер совершает суточное движение в 9 часов 55 минут, и дни на любой широте всегда равны ночам. То же самое должно было произойти и на нашей планете; людям, любящим пунктуальность, такая аккуратность во времени пришлась бы очень по душе.

Пробыв полсуток над горизонтом, Солнце заходило бы и ровно через полсуток появлялось бы снова. Времена года перестали бы чередоваться, так как только благодаря наклонности оси на Земле весна сменяет зиму, а лето — осень.

— Только представьте себе, какая благодать настанет! — на все лады повторяли друзья Барбикена. — Каждый будет в состоянии выбрать климат, наиболее подходящий для его насморка или ревматизма, и не бояться больше неожиданных переходов от тепла к холоду и наоборот.

Правда, не будет более длинных зимних ночей и таких же длинных летних дней, вдохновляющих поэтов. Но, в сущности, какая от них польза человечеству!

«К тому же, — трубили журналы и газеты, поддерживающие Барбикена и К°, — раз все растения и произведения земли будут распределены сообразно климату, это не пройдет бесследно и для агрономии. Выгоды такой перемены очевидны».

«Позвольте! — возражали противники. — Но разве с водворением такого порядка вещей исчезнут дожди, град, бури, грозы, — словом, все те метеорологические явления, которые часто разрушают все надежды на прекрасный урожай?»

«Нет, — ответили им сторонники Барбикена, — без сомнения, всё это не исчезнет с лица земли, но грозы, бури и дожди будут гораздо реже. О! Произойдет огромный переворот, и человечество широко воспользуется им. Хвала и честь Барбикену за ту услугу, которую он окажет миру. Исчезнут постоянные катары горла и легких, а если найдутся подобные больные, виноваты в этом будут уж они сами, так как тогда стоит только не полениться поискать для себя подходящего климата».

«Да, честь и слава председателю Пушечного клуба и его сподвижникам!» — так начиналась статья газеты «Солнце» от 27 декабря, заканчивающаяся следующей красивой фразой:

«Они не только увеличат территорию Соединенных Штатов, не только откроют и разработают новые пласты каменноугольных залежей, но резко изменят климатические условия земного шара, что, несомненно, повлечет за собой блестящие результаты в гигиеническом отношении для всего человечества. Честь и слава людям,

взявшим на себя эту великую задачу! Отныне на них будут смотреть как на благодетелей рода человеческого!..»¹

Г Л А В А IX

*в которой появляется новое действующее лицо
французского происхождения*

Таковы были выгоды, которые сулило предприятие Барбикена. Само собою разумеется, все считали, что ожидаемое изменение в положении Земли совершится нечувствительно и условия ее обращения вокруг Солнца останутся прежние.

¹ Если бы ось вращения нашей планеты была перпендикулярна к плоскости ее обращения вокруг Солнца (то есть плоскости эклиптики), то неизбежно должно было бы измениться на Земле нынешнее распределение климатических поясов. В настоящее время мы различаем на земном шаре следующие климатические пояса:

1) тропический — в точках которого солнце на небе может достигать зенита;

2) два полярных пояса, охватывающие пункты, где солнце хотя бы раз в год вовсе не поднимается над горизонтом;

3) два умеренных пояса, расположенные между границами тропических и полярных поясов.

При перпендикулярном к эклиптике положении земной оси умеренный пояс будет простирается на всю поверхность земного шара, тогда как тропический сузится по линии экватора, а каждый полярный — до точки соответствующего полюса. На новых полюсах солнце, вследствие «атмосферной рефракции» (преломления лучей воздушной оболочкой), никогда не будет заходить, а будет непрерывно кружиться весьма низко над линией горизонта (на высоте четверти градуса). Непрерывный день на полюсах должен создать гораздо менее суровые условия температуры,

Когда публике обоих полушарий стали известны последствия предполагаемого перемещения земной оси, началось всеобщее волнение. В первую минуту мысль, что исчезнут времена года и настанет вечная весна, «по усмотрению клиентов», показалась соблазнительной. Некоторое время только об этом и говорили, что, однако, нимало не мешало многим интересоваться деловой стороной вопроса. Но Барбикен и его друзья, Николь и Мастон, ревниво оберегали свою тайну и, повидимому, не собирались ее обнародовать. Мало-помалу молчание не только охладило публику, но заронило даже некоторое беспокойство. А тут еще, как нарочно, распространенная в Нью-Йорке газета «Форум» поместила заметку, обратившую на себя всеобщее внимание, в которой между прочим говорилось:

«Перемещение земной оси, понятно, потребует огромных усилий; и было бы крайне интересно узнать, какова та механическая сила, посредством которой это может быть достигнуто».

Возникал еще не менее интересный вопрос: будет ли Земле дан сильный внезапный толчок, или же поворот будет постепенный, почти незаметный? И наконец: если перемещение оси совершится внезапно, то не нуж-

чем нынешние, и будет препятствовать образованию значительных скоплений льда и снега, подобных существующим теперь; количество влаги в атмосфере вследствие этого увеличивается, облачность возрастает, и соответственно этому уменьшится потеря тепла через излучение. Все это будет способствовать значительному повышению температуры близ полюсов.

В нынешнем умеренном поясе при указанном положении оси установится непрерывная весна, также весьма влажная, довольно прохладная: ее температура отвечала бы температуре дня весеннего равноденствия (21 марта) в умеренном поясе.

Меньше всего изменился бы климат нынешнего тропического пояса: здесь непрерывно, круглый год, будут господствовать в среднем современные климатические условия.

но ли вследствие этого ожидать страшных катастроф на земном шаре?

Тут было над чем призадуматься не только обыкновенным смертным, ничего не смыслящим в подобных вопросах, но и ученым обоих полушарий. Как бы себя ни успокаивать, а толчок всегда останется толчком, испытать который никому не приятно. Очевидно, эксплуататоры угольных залежей, занятые будущими прибылями, вовсе не думали о потрясениях, которым их затея подвергнет нашу несчастную планету. Европейские делегаты не преминули воспользоваться этим, чтобы возбудить общественное мнение против Барбикена и его коллег.

Франция, как известно, не явилась на аукцион и не заявила никаких претензий при продаже Полярной области. Но хотя эта держава и не приняла официального участия и от нее не было делегата, ходил слух, однако, что один француз, по личному побуждению, приехал в Америку, чтобы проследить за всеми подробностями этого грандиозного предприятия.

Это был горный инженер лет тридцати пяти, не более, поступивший первым в парижскую Политехническую школу и первым же окончивший ее, — что дает полное право рекомендовать его читателям как одного из выдающихся математиков, вероятно, даже стоявшего выше по своим познаниям, чем Мэстон. Мэстон, в сущности, был только необыкновенно искусен по части вычислений, не больше; это ставило его по отношению к приезжему инженеру на то место, какое занимал Леверрье¹ по отношению к Лапласу или Ньютону.

¹ Леверрье (1811—1877) — французский астроном, открывший математическим способом планету Нептун.

Инженер этот был человек умный, большой руки фантазер и чудак, что, однако, нисколько не мешало его основательности.

Такие оригиналы часто встречаются среди инженеров путей сообщения и очень редко среди горных. Говоря с друзьями, а иногда и с людьми посторонними, о каких-нибудь научных вопросах, он любил пересыпать разговор шутками и словечками народного жаргона, которые ныне всё более входят в моду. В минуту увлечения он, казалось, совершенно забывал о согласовании своих выражений с предметом беседы и подчинялся академическим правилам только тогда, когда писал. При всем том он был замечательно усердный работник и был в состоянии проработать десять часов, не вставая с места и покрывая страницу за страницей алгебраическими выкладками так же быстро, как другие пишут письмо.

Любимым его отдыхом после такой усиленной работы была игра в вист. Играл он довольно плохо, хотя и рассчитывал вперед шансы каждого хода.

Звали этого чудака Пьердэ — Алкид Пьердэ, но, в своей мании всё сокращать, он подписывался обыкновенно: А. Пи.

За его горячность в спорах товарищи прозвали его «Ацидум сульфурикум» (серная кислота).

Насколько он был велик в своих познаниях в математике, настолько же был высок и ростом: его товарищи в шутку уверяли, что его рост равняется одной пятимил-

лионной доле четверти меридиана, то есть двум метрам, и если ошибались, то не намного. Положим, по его росту, телосложению и особенно по широким плечам, голова у него была несколько мала, но работала она хорошо и освещалась парой голубых глаз. Особенно симпатично было в нем вечно оживленное открытое выражение лица; голова его была преждевременно украшена, вследствие усиленных занятий, небольшой лысиной.

Вообще Алкид Пьердэ был отличным малым и прекрасным товарищем, оставлявшим по себе всюду самое хорошее воспоминание.

Будучи всегда первым учеником, он не важничал, не рисовался этим и, хотя далеко не был тряпкой по характеру, всегда сознательно подчинялся правилам училища, никогда не роняя достоинства того мундира, который носил.

Маленькая, но дельная голова Алкида была начинена самыми основательными познаниями. Прежде всего это был отличный математик, но математикой он занимался исключительно ради приложения ее к опытным наукам, а последние имели для него цену лишь как средство для развития промышленности.

Заметим мимоходом: Алкид был холостяк. Он часто говорил про себя в шутку, что «равен единице», хотя и был непрочь «удвоиться». Его друзья чуть было уже не женили его на одной веселой, прелестной молодой девушке из Прованса, но, к несчастью, вмешался отец. Он отказал наотрез, говоря:

— Нет, нет, ваш Алкид слишком учен! Он замучает мою бедняжку своими непонятными разговорами.

Как будто ученый не может быть одновременно самым милым и скромным человеком! Этот отказ был, между прочим, одной из причин, побудивших нашего

разобиженного инженера бросить на время всё и уехать за океан. Он взял отпуск на год, решив воспользоваться им, чтобы съездить в Америку и на месте познакомиться с затеями «Северной полярной компании». Сказано — сделано. Приехав в Балтимору, Алкид с первой же минуты горячо заинтересовался грандиозным предприятием Барбикена и К°. В сущности, ему было решительно всё равно, уподобится ли наша Земля Юпитеру или нет. Его, как ученого, главным образом интересовал тот способ, к которому хотели прибегнуть для достижения этой цели.

— Очевидно, — говорил он, прибегая, по обыкновению, к своеобразным выражениям, — Барбикен собирается выкинуть с нашей планетой какое-то необыкновенное коленце!.. Но какое именно?.. В этом-то и вся суть!.. Чего доброго, ударит ее в бок, как бильярдный шар!.. Но если ему это удастся, то черт знает, какая чепуха произойдет с разделением нашего времени на годы, месяцы и т. д.! Благодарю покорно! Ясно, что им ни до чего нет дела, кроме намеченной цели — переместить ось!.. Но интересно, — где найдут они эту точку опоры и силу для толчка? Не будь у нас суточного вращения, тогда дело было бы иное: хороший щелчок — и дело в шляпе! А вот на поди!.. В этом-то и загвоздка! Во всяком случае, что бы они там ни придумали, кавардак произойдет изрядный!

Но как наш инженер ни ломал себе голову над разрешением этой таинственной загадки, толку не выходило никакого. А жаль! Сумей Алкид проникнуть в тайну Барбикена и К°, он быстро вывел бы нужные формулы.

Вот почему 29 декабря Алкид Пьердё, французский горный инженер, мерял своими длинными ногами шумные улицы Балтимора.

Г Л А В А X

в которой начинают выясняться различные неприятные обстоятельства

Прошел целый месяц со времени общего собрания, устроенного членами Пушечного клуба. За это время общественное мнение изменилось, видимо, не в пользу нового акционерного общества. Все выгоды и преимущества, сопряженные с перемещением оси, были уже забыты. Сейчас, наоборот, стали выясняться опасности, связанные с этой затеей. Очевидно, без страшной катастрофы дело не обойдется. Вопрос только в том, — что именно произойдет? Но этого-то никто и не мог сказать. Что же касается улучшения климата, то еще вопрос: так ли это желательно? В сущности, от этого выиграли бы одни только эскимосы, лапландцы да чукчи, которым терять нечего!

Настала, наконец, счастливая минута и для европейских делегатов: им словно развязали языки, и они взапуски пустились открыто критиковать Барбикена и К°. По подводному кабелю полетели телеграммы. Для начала каждым из них были посланы своему правительству донесения и получены инструкции... Впрочем, инструкции эти были составлены по всем правилам дипломатического искусства, то есть содержали обычные фразы с неизменными оговорками. Например: «Действуйте энергично, но не компрометируйте правительство!», или: «Действуйте решительно, но пусть всё останется попрежнему!»

Время от времени майор Донеллан и его коллеги выступали с протестом от имени своих держав и попутно от всего Старого света.

— Ясно, как день, — говорил Борис Карков, — аме-

риканские инженеры, наверное, приняли все зависящие от них меры, чтобы избавить Штаты от последствий ужасного толчка!

— Но в их ли власти сделать это? — возражал профессор Гаральд. — Когда во время сбора маслин трясут оливковое дерево, разве не гнутся и не ломаются его ветви?

— А ударьте кого-нибудь в грудь, — вторил ему Янсен, — разве не отзовется этот удар на всем теле?

— Так вот он, смысл таинственного параграфа их документа! — восклицал Дэн Тудринк. — Вот почему в нем были оговорены климатические и метеорологические перемены на земном шаре!

— Да! — заявлял Бальденак, — устроили сюрприз! Главное, чего следует страшиться, так это того, что от перемены оси, чего доброго, моря выльются из своих вместилищ!

— И заметьте еще, продолжал Янсен, — что если при этом уровень океана понизится в некоторых пунктах, то обитатели суши, пожалуй, окажутся на такой высоте, что всякое сообщение с ними сделается совершенно невозможным.

— Да еще, быть может, попадут в такие разряженные слои воздуха, где им нечем будет дышать, — прибавил Гаральд.

— Вообразите себе Лондон на высоте Монблана! — вскричал майор Донеллан.

И, расставив ноги, закинув голову назад, он смотрел вверх, точно столица Англии и вправду поднялась за облака.

Вообще опасность грозила стать всеобщей. Что именно произойдет, никто не знал наверное, но некоторые внушающие тревогу последствия предвиделись уже теперь.

Речь шла ни больше, ни меньше, как о том, чтобы повернуть Землю на двадцать три с половиною градуса, отчего неминуемо должно было последовать перемещение океанов. Невольно являлся вопрос: чем угрожает всё это Земле?

Общественное мнение было возбуждено, и протесты посыпались со всех сторон. Они приняли, наконец, такой характер, что правительство Штатов вынуждено было навести некоторые справки. Предпочтительнее было совсем не допускать рискованных опытов, чем подвергаться опасности катастрофы. Между тем нашлись и такие легкомысленные люди, которые отнеслись с шуткой даже к такому серьезному вопросу.

— Ай да янки! — шутили они. — Надумали насадить Землю на новую ось! Добро бы еще старая поистерлась, поработав миллионы веков; тогда чего с ней церемониться, можно и сменить ее, как меняют ось в старом колесе. Но ничего подобного нет: она так же прочна, как и раньше.

Что можно было ответить на это?

Среди хора упреков и обвинений Алкид Пьердэ продолжал доискиваться способа, придуманного Мастоном, и того пункта, где предполагалось произвести опыт.

Знай он это, ему легко было бы уже определить области, которым катастрофа угрожала прежде всего.

Жители Старого света были встревожены куда более обитателей Нового. И совершенно естественно: можно ли было допустить мысль, что Барбикен, Николь и Мастон, кровные янки, не позаботятся о том, чтобы уберечь Американские Штаты от катастрофы? Напротив, очевидно, Америка даже выиграет от этой перемены, увеличив свою территорию.

— Знаем мы эти золотые горы, которые обыкновен-

но сулят в будущем! — говорили между тем люди осторожные. — Разве нельзя допустить, что Мастон сделает ошибку в вычислениях, а Барбикен повторит ее, применяя вывод на практике? Это может случиться с лучшими артиллеристами. Не всегда им удастся попасть в центр мишени!

Нечего говорить, что общественная тревога деятельно поддерживалась и еще более возбуждалась европейскими делегатами. Не дремали и газеты. Началась ожесточенная полемика. Некоторые из газет стояли за Барбикена и К°, но большинство оказалось ярыми их противниками. Напрасно Евангелина Скорбит, не жалея денег, платила по десяти долларов за строчку каждой статьи, написанной в благоприятном смысле для ее друзей! Напрасно горячая поклонница секретаря Пушечного клуба делала всё, от нее зависящее, стремясь доказать, что если где и кроется ошибка, так только в мысли, что Мастон может ошибиться в вычислениях! — Ничто не помогало.

Наконец, охваченная страхом Америка подняла такой же крик, как и Европа.

Впрочем, ни председатель Пушечного клуба, ни его секретарь, ни члены правления компании не обращали ни малейшего внимания на нападки и не делали попыток их опровергнуть. Они позволяли каждому говорить, что ему вздумается, не изменяя ни своих привычек, ни намерений. Но вместе с тем не было заметно, чтобы они делали какие-либо приготовления к выполнению грандиозного предприятия, возбуждавшего в данную минуту такой ужас.

В самом непродолжительном времени, — несмотря на всю преданность и старания миссис Скорбит и огромные суммы, пожертвованные ею на защиту Барбикена, ее друга Мастона и капитана Николя, — все трое про-

слыли людьми опасными для Нового и Старого света. Европейские державы обратились к вашингтонскому правительству с официальной нотой, в которой выразили требование, чтобы оно ближе ознакомилось с намерениями будущих эксплуататоров залежей Полярной области. Предполагалось даже затребовать от последних открытого изложения тех способов, которые они думают применить для перемещения оси Земли. Это значительно успокоило бы публику, так как дало бы ей возможность проверить слух о грозившей катастрофе.

Вашингтонское правительство не заставило себя просить. Общественное возбуждение было так очевидно, что колебаний быть не могло.

19 февраля была образована из пятидесяти сведущих людей — инженеров, механиков, математиков, гидрографов и географов — следственная комиссия под председательством известного Джона Престиса, которой и было поручено расследовать сущность задуманного предприятия и в случае надобности наложить на него запрещение.

Первым был вызван комиссией Барбикен.

Он не явился.

Тогда на его квартиру на Кливленд-стрит, 96, были посланы полицейские.

Председателя Пушечного клуба не оказалось дома.

Где же он был?..

Этого никто не знал.

Когда он уехал?..

Пять недель назад, 11 января, он выехал из Балтимора с капитаном Николем.

Куда?

Этого опять-таки никто не мог сказать.

Очевидно, оба члена Пушечного клуба отправились к тому таинственному пункту, где они лично должны

были руководить приготовлениями. Но где находился этот пункт? Ведь это необходимо знать для того, чтобы, пока еще есть время, уничтожить в зародыше план этих опасных инженеров.

Разочарование, вызванное исчезновением Барбикена и Николя, не поддается описанию.

Негодование публики против правления нового акционерного общества росло не по дням, а по часам и скоро достигло высшей степени.

А между тем был один человек, который должен был знать, куда именно уехал Барбикен и его спутник, и который мог бы ответить на все вопросы, волновавшие население Старого и Нового света. Это был Мастон.

Мастона вызвали в комиссию по распоряжению ее председателя.

Мастон не явился.

Неужели и он уехал из Балтиморы и присоединился к своим товарищам, чтобы помочь им в предприятии, результатов которого весь мир ожидал с понятным страхом?

Нет, Мастон и не думал уезжать, а попрежнему жил в Баллистик-коттедже на Франклин-стрите, углубившись в новые вычисления и время от времени прерывая занятия только для того, чтобы провести вечер у миссис Скорбит в ее роскошном особняке.

От комиссии был послан к Мастону полицейский с приказом привести его. Придя к коттеджу, он постучал и, не стесняясь, вошел в дом, где был очень недружелюбно встречен Пли-Пли и еще хуже хозяином.

Всё же Мастон не счел удобным уклониться от приглашения, но, явившись в комиссию, не скрыв своего недовольства по поводу того, что его побеспокоили и прервали его работу. Первый вопрос, заданный ему, был:

— Известно ли секретарю Пушечного клуба, где находятся в настоящее время председатель Пушечного клуба Барбикен и капитан Николь?

— Да, известно, — твердым голосом ответил Мастон, — но я не вправе открыть это.

Последовал второй вопрос:

— Правда ли, что они заняты приготовлениями для перемещения земной оси?

— Это составляет часть той тайны, которую я обязался хранить, и я отказываюсь ответить на вопрос, — сказал Мастон.

— Не угодно ли Мастону сообщить комиссии о своей работе, и тогда, познакомившись с нею, последняя решит, возможно ли допустить приведение в исполнение проекта.

— Нет! Конечно, нет! Скорее я всё уничтожу, но не скажу и не выдам ничего!..

— Я не оспариваю у вас этого права, — сказал председатель комиссии таким серьезным тоном, как будто он говорил от лица всего мира. — Но не могу вам заметить: не ваш ли прямой долг сказать всё откровенно, чтобы положить конец смятению всех народов?

Мастон, повидимому, не разделял этого мнения; он знал лишь одну свою обязанность — молчать — и продолжал молчать.

Несмотря ни на увещания, ни на просьбы, ни даже на угрозы, члены следственной комиссии не добились ровно ничего от человека с железным крючком вместо руки. Никто не предполагал, что под гуттаперчевым черепом таится столько упорства.

Мастон так же спокойно удалился, как и пришел, сохраняя свою гордую осанку, что доставило особенное удовольствие миссис Скорбит.

Когда результат допроса Мастона стал всем изве-

стен, негодование публики достигло таких пределов, что жизнь отставного артиллериста оказалась едва ли не в опасности. Давление общественного мнения на правительство и протесты европейских делегатов стали так настойчивы и сильны, что государственный секретарь (министр иностранных дел) Джон Райт принужден был просить у правительства разрешения принять решительные, безотлагательные меры.

Вечером, 13 марта, мистер Мастон сидел в своем кабинете в Баллистик-коттедже, по обыкновению углубившись в вычисления, когда раздался резкий телефонный звонок.

— Алло! .. Алло! — пробормотала мембрана, передавая чей-то, видимо, встревоженный голос.

— Кто говорит? — спросил математик.

— Миссис Скорбит.

— Что угодно, миссис Скорбит?

— Предостеречь вас!.. Я только что узнала, что не далее как сегодня вечером...

Фраза не была окончена, как внизу послышался шум и стук: очевидно, в наружную дверь коттеджа кто-то ломился.

На лестнице, ведущей в кабинет, произошло смятение. Один голос возражал, другие старались заставить его замолчать.

Затем послышался шум падающего тела.

Это был Пли-Пли, сброшенный с лестницы за попытку задержать людей, нарушивших неприкосновенность домашнего очага его хозяина.

Еще минута — дверь кабинета с шумом распахнулась, и в ней показался констебль,¹ сопровождаемый толпой полицейских.

Констеблю был дан приказ произвести в коттедже обыск, забрать все бумаги и арестовать самого Мастона.

Будучи человеком горячим, секретарь Пушечного клуба схватил револьвер и навел его на непрошенных посетителей, грозя выпустить все шесть зарядов.

Борьба была неравная: благодаря численному перевесу полицейских Мастона быстро обезоружили и стали собирать все его бумаги, испешренные цифрами.

Но вдруг Масто́н вырвался из рук полицейских, быстро подбежал к столу и схватил записную книжку, очевидно, заключающую в себе существеннейшую часть его вычислений. Агенты бросились было на него, чтобы отнять книжку... быть может, даже с жизнью; но Масто́н в одно мгновение раскрыл ее, вырвал последнюю страницу и еще быстрее скомкал и проглотил ее, как простую пилюлю.

¹ Констебль — старший полицейский.

— Ну-с, а теперь попробуйте-ка взять ее! — воскликнул он победоносным тоном.

Через час ученый секретарь Пушечного клуба уже сидел в балтиморской тюрьме.

Это было счастьем для него, потому что жители города были так раздражены против него, что дело легко могло кончиться насилием над его личностью и полиция оказалась бы бессильной помешать этому.

Г Л А В А Х I

что было в записной книжке Масто́на и чего там не оказалось

Записная книжка, попавшая в руки балтиморской полиции, заключала страниц тридцать, испещренных формулами, уравнениями и вычислениями Масто́на. Это была работа по высшей механике, оценить которую могли только специалисты. Для обыкновенной публики книжка была не только непонятна, но и лишена всякого интереса. И, тем не менее, для успокоения умов сочли нужным опубликовать все данные и выводы, заключающиеся в заметках Масто́на.

Ознакомившись ближе с работой математика и желая сделать всё возможное для предотвращения страшной катастрофы, следственная комиссия составила в сжатой форме сообщение, которое и опубликовала ко всеобщему сведению:

«Правление «Северной полярной компании», задавшись целью переместить ось земного шара, нашло средство для этого в отдаче орудия, поставленного в определенном пункте земного шара. Это орудие представляет

не что иное, как огромных размеров пушку, выстрел которой не дал бы никакого результата, если бы был направлен вертикально. Чтобы получить желаемый результат, иначе сказать, чтобы действие выстрела достигло наибольшей силы, необходимо направить пушку на север или на юг. В последнем случае Земля получит толчок к северу. Барбикен и К^о и решили выбрать это направление.

«Как только выстрел последует, центр тяжести Земли переместится в направлении, параллельном выстрелу, что может изменить плоскость орбиты и, следовательно, продолжительность года. Последние изменения, впрочем, будут ничтожны, едва заметны. В то же время Земля получит вращательное движение вокруг оси, лежащей в плоскости экватора. Это новое вращательное движение продолжалось бы неопределенно долго, если бы до того Земля не обладала другим вращательным движением. Оба вращательных движения, складываясь по законам механики, дадут вращение вокруг некоторой третьей оси, полюсы которой будут находиться на известном расстоянии от полюсов первоначальной оси. Если отдача орудия будет достаточно сильна, а выстрел направлен надлежащим образом, то новая земная ось может оказаться в положении, перпендикулярном к плоскости земной орбиты. Земля уподобится Юпитеру.

«Уже известны следствия такого положения оси, так как они были указаны самим президентом Барбикеном в заседании 22 декабря.

«Но, принимая во внимание массу земного шара и энергию его вращения, мыслимо ли вообразить орудие, выстрел которого был бы в состоянии сдвинуть полюс, да еще на 23° 28'?!

«Да, мыслимо, если бы только инженеры нашли воз-

Можность соорудить пушку или даже целую серию пушек, отвечающих по своим размерам требованиям законов механики, или открыли бы такое взрывчатое вещество, силы которого было бы вполне достаточно для подобного толчка. Если взять тип 27-сантиметровой пушки французского флота (модель 1875 г.), выбрасывающей снаряд весом 180 килограммов со скоростью 500 метров в секунду, и увеличить объем ее в $100 \times 100 \times 100 = 1\,000\,000$ раз, то она сможет выбрасывать снаряды в 180 000 тонн. Если, к тому же, в качестве пороха будет употреблено взрывчатое вещество, способное сообщить ядру скорость в 5 600 раз большую, чем теперь, то требуемый эффект будет достигнут. При начальной скорости 2 800 километров в секунду нечего опасаться обратного падения ядра на Землю.

«К несчастью для безопасности земного шара, как это ни покажется странным, есть много данных, что мистер Мэстон и его товарищи, наученные опытом полета на Луну, открыли такого рода взрывчатое вещество, сила которого беспредельна. Открыл его не кто иной, как капитан Николь.

«Из чего именно состоит это вещество, остается тайной, так как в записной книжке математика об этом ровно ничего не говорится, хотя оно несколько раз упоминается в ней под именем «мели-мелонита».

«Во всяком случае, из чего бы оно ни состояло, ясно одно, что будущие эксплуататоры каменноугольных залежей владеют верным средством для достижения главной своей цели, то есть перемещения земной оси и перенесения полюса на $23^{\circ} 28'$. Это грозит катастрофой для всех обитателей земного шара.

«Впрочем, остается еще надежда на то, что современные инженеры, несмотря на прогресс металлургиче-

ской промышленности, не окажутся в состоянии соорудить ни орудия, ни ядра тех гигантских размеров, какие потребовались бы в данном случае.

«Однако исчезновение президента Барбикена и капитана Николя представляет тревожное явление, доказывающее, что новое акционерное общество уже приступило к осуществлению своей задачи. Прошло более двух месяцев с минуты их отъезда из Балтимора, а может быть и из Америки.

«Куда могли они уехать? Наверное, в один из тех уголков земного шара, где всего удобнее осуществить подобное предприятие.

«Но где этот уголок? Этого никто не знает, а потому невозможны и поиски злодеев, составивших для эксплуатации своих угольных залежей план перевернуть мир вверх дном.

«Очевидно, место, где предполагалось сделать приготовления и осуществить план, было обозначено на последней странице записной книжки Мастона. Но она проглочена соучастником Барбикена, который сидит в данную минуту в балтиморской тюрьме и хранит упорное молчание.

«Таково положение дел. Если Барбикену удастся соорудить свою чудовищную пушку и изготовить для нее снаряд — словом, выполнить всё изложенное выше, он переместит земную ось, и не пройдет и шести месяцев, как земной шар и его обитатели испытают последствия этого неслыханного предприятия.

«Время, наиболее благоприятное для успеха выстрела, то есть момент, когда отдача орудия будет иметь наибольшее действие на земной шар, — полночь 22 сентября, по местному времени неизвестного пункта.

«Итак, в настоящее время известно следующее:

1) Выстрел будет произведен из пушки, в миллион

раз превосходящей двадцатисемисантиметровое орудие; 2) ядро будет весить сто восемьдесят тысяч тонн; 3) начальная скорость его будет равняться 2 800 километрам; 4) выстрел последует 22 сентября, спустя двенадцать часов после прохода Солнца через местный меридиан.

«Но всё это вовсе еще не дает возможность определить то место, где произойдет эта операция.

«Невозможно также, за неимением данных в записной книжке Масто́на, определить, какие местности земного шара подвергнутся переменам и каким именно; где будут новые полюсы; какие материки превратятся в океаны, какие океаны и моря — в материки. Всё это покрыто тайной и оставляет обширное поле для догадок.

«А между тем эти перемены, по вычислениям Масто́на, будут весьма значительны. После толчка поверхность моря, приняв форму нового эллипсоида, изменит свой вид во всех точках земного шара.

«Сообразно ожидаемым переменам, можно смело предположить, что во многих местностях земного шара понижение и повышение уровня моря может достигать 8 415 метров. Ввиду того, что Земля сплюснута у полюсов, теперешние полярные области после толчка окажутся ниже уровня моря на три тысячи метров. Казалось бы, что эксплуатация каменноугольных залежей, приобретенных компаниями, при таком положении Северной области немыслима; но возможность этого была предусмотрена президентом и его товарищами; последние открытия позволяют сделать предположение, что Северный полюс представляет плоскогорье, высота которого превышает три километра.

«Подводя итог всему изложенному, нельзя скрыть, что для жителей земного шара — где бы они ни обитали — чрезвычайно важно проникнуть в тайну Барби-

кена и К°, так как действия этой компании таят для них чрезвычайную опасность.

«А потому считаем обязанностью предупредить обитателей Старого и Нового света, чтобы они зорко следили за возможными работами по отливке пушек, ядер, по изготовлению пороха, производству взрывчатых веществ, которые стали бы производиться на их территориях, а равно за появлением подозрительных личностей, и немедленно доводили обо всем замеченном до сведения следственной комиссии в Балтиморе (Мериленд, Северо-Американские Соединенные Штаты).

«Будем надеяться, что ожидаемое сообщение придет во-время, ранее 22 сентября текущего года, угрожающего изменить нынешнее положение нашей планеты».

Г Л А В А XII

*в которой Мастоя продолжает хранить свое
упорное молчание*

Итак, для перемещения земной оси хотят прибегнуть к пушке. Всюду и всегда пушка! Очевидно, она крепко засела в голове артиллеристов Пушечного клуба, и они не могут выдумать ничего другого! Неужели это грубое орудие станет владыкой вселенной? Впрочем, в этом нет ничего мудреного. Недаром же Барбикен и его товарищи посвятили свою жизнь баллистике! ¹ Надо полагать, что первый опыт послужил к чему-нибудь. Потерпев неудачу с полетом на Луну, они на этот раз, наверно, соорудят

¹ Баллистика — наука, изучающая законы движения снаряда огнестрельного орудия.

пушку невиданно гигантских размеров и по-военному командуют:

— Нацеливай на Луну! Пли!

— Переставляй земную ось!.. Пли!..

Чего доброго, затея кончится тем, что весь свет, в свою очередь, командует по адресу отважных членов Пушечного клуба:

— Сажай в сумасшедший дом!.. Пли!..

И действительно, их безумное предприятие вполне заслуживает этого!

Опубликование сообщения следственной комиссии произвело действие, не поддающееся описанию. Само собой разумеется, всё сказанное в нем не могло никого успокоить; из вычислений Мастопа было ясно, что задача, касающаяся механики, им разрешена. Операция, к которой приступили Барбикен и Николь, очевидно, должна произвести нежелательные изменения в суточном движении Земли. Каковы могли быть последствия такого грандиозного предприятия, мы уже знаем.

Общество, строго обсудив затею Барбикена и К°, предало ее всеобщему проклятию.

Как в Старом, так и в Новом свете члены акционерного общества имели перед собой в данную минуту лишь одних врагов, и если они сохранили еще сторонников, то исключительно в Америке, да и там их было мало.

Во всяком случае, с точки зрения личной безопасности, Барбикен и его товарищи поступили в высшей степени разумно, во-время покинув Америку. Было много вероятия, что их постигла бы печальная участь. Нельзя безнаказанно грозить всем обитателям земного шара страшной катастрофой и перевертывать вверх дном все их привычки, угрожая самому их существованию.

Но куда же, в самом деле, могли бесследно исчезнуть эти два члена Пушечного клуба? Как удалось им

незаметно увезти массу материала, необходимого для подобного предприятия? Ведь чтобы перевезти подобное количество угля, железа и мели-мелонита, конечно, потребовались бы сотни вагонов и сотни кораблей! Положительно было необъяснимо, как могли они уехать втайне. А между тем факт налицо. Даже более: самыми тщательными розысками и расспросами было удостоверено, что ни в одном из полушарий ни одна фабрика, ни один металлургический завод не получили никаких заказов. Всё это было более чем необъяснимо в данную минуту и ждало разъяснения в будущем... если только еще это будущее когда-либо наступит для обитателей земного шара!

Во всяком случае, если Барбикену и его товарищу удалось на время таинственно скрыться и избегнуть прямой опасности, то Масто́н, сидевший в тюрьме, мог ожидать общественного возмездия. Впрочем, это нимало не тревожило его. Этот математик был необычайно упрям, упрям, как камень, или, вернее, как железный крючок, заменявший ему правую руку. Ничто не могло принудить его уступить.

Сидя в одиночной камере балтиморской тюрьмы, секретарь Пушечного клуба мысленно следил за работой своих друзей, за которыми, к сожалению, он не мог последовать. Он вызывал в своем живом воображении образы Барбикена и Николая, готовивших гигантский опыт в неведомом пункте земного шара, где никто не мог помешать их работе. Он представлял их себе занятыми сооружением громадного орудия и составлением мели-мелонита, за литьем ядра, которому суждено было скоро сделаться одним из маленьких спутников Солнца.

Эту будущую маленькую планету он назовет «Скорбита», как дань любезности и уважения щедрой капита-

листке из особняка в Нью-парке. И Мастон с нетерпением считал дни, остававшиеся до момента выстрела.

Настал апрель. Придет весна, лето... Через шесть месяцев будет осеннее равноденствие, и в эту достопамятную минуту наступит конец временам года, так регулярно и так глупо чередовавшимся столько столетий. В 189... году в последний уже раз дни будут еще не равны ночам, но с этих пор от восхода до заката солнца всегда и всюду на земном шаре будет протекать равное число часов. Это было поистине великое, сверхъестественное, непостижимое предприятие!

Мастон не думал больше об американских арктических владениях и об эксплуатации угольных залежей старого полюса. Он видел перед собой только те последствия, которые эта операция будет иметь для мирового устройства. Она должна была изменить лицо мира и заставляла его позабыть о практических целях компании.

Мастон, сидевший в одиночной камере, попрежнему не поддавался никаким увещаниям. Члены следственной комиссии ежедневно приходили к нему с расспросами, но ровно ничего не могли добиться. Тогда им пришла мысль воспользоваться влиянием миссис Скорбит, горячее расположение и преданность которой к математику ни для кого не были тайной. Всем было отлично известно, что там, где шел вопрос об интересах Мастона, богатая вдова пойдет на все жертвы и ни перед чем не остановится.

Посоветовавшись между собою, члены комиссии решили предоставить миссис Скорбит полную свободу посещать заключенного так часто, как ей заблагорассудится.

Если этим людям удастся произвести выстрел из своей чудовищной пушки, то разве миссис Скорбит не грозят те же бедствия, что и остальным обитателям зем-

ного шара? Разве ее богатый дом в Нью-парке может вернее уберечься от последствий катастрофы, чем бедная хижина охотника или шалаш индейца в прериях? Разве это дело не касалось ее жизни, так же как и жизни скромного якута или неведомого обитателя какого-нибудь островка на Тихом океане?! Председатель следственной комиссии это и говорил миссис Скорбит, обращаясь к ней с просьбой повлиять на Масто́на.

Если он решится нарушить свое молчание и укажет таинственное место, где скрываются Барбикен и Николь, а также и многочисленные рабочие, которых они должны были взять с собой, то возможно, что удастся еще найти их во-время и помешать работе; это, понятно, положит конец общему волнению и тревоге.

Итак, миссис Скорбит получила свободный доступ в тюрьму. Ей и самой хотелось поскорее вырвать Масто́на из рук полиции и опять увидеть его гостем в своем доме. Но рассчитывать на то, чтобы энергичная миссис Скорбит сделалась игрушкой в чужих руках, значило плохо знать эту женщину. 9 апреля она в первый раз посетила своего друга, и всякий, подслушавший их разговор, был бы сильно удивлен, услышав следующее:

— Наконец-то, милейший мистер Масто́н, я опять вижу вас!

— Это вы, миссис Скорбит?

— Да, мой друг; не видевши вас целых четыре длинных недели. . .

— Двадцать восемь дней пять часов и сорок пять минут, — сказал Масто́н, посмотрев на свои часы.

— Наконец-то мы опять вместе!

— Но как допустили вас ко мне, любезнейшая миссис Скорбит?

— С условием, мой друг, подействовать на человека, моя преданность к которому безгранична.

— Что я слышу, Евангелина?.. — вскричал Мастон. — Неужели вы согласились на подобного рода условия и допустили мысль, что я выдам своих друзей?

— Я? Допустить что-нибудь подобное, дорогой Мастон? Как мало вы меня знаете!.. Неужели я способна уговаривать вас пожертвовать вашей честью ради безопасности?.. Покрыть бесчестьем имя человека, вся жизнь которого посвящена высшим целям?

— Ну, и отлично! Я очень, очень рад, что вижу в вас прежнюю щедрую и энергичную акционершу нашего общества. Нет, нет, ни на минуту не сомневался я в вашем благородстве.

— Благодарю вас, Мастон.

— Что касается меня, — продолжал математик, — то они очень, очень ошибутся в своих ожиданиях. Выдать этим дикарям нашу тайну, указать место, где скрываются наши друзья, прервать подготовку к великому предприятию, которое принесет нам барыши и славу? О! Я скорее умру, чем произнесу хоть слово!..

— О Мастон, я преклоняюсь перед вами! — воскликнула вдова, растроганная твердостью своего друга.

Эти два существа, спаянные одним энтузиазмом и одинаково безумные в своих мечтах, как нельзя более подходили друг к другу.

— Нет, никогда не узнать им той страны, в которой моим вычислениям суждено принять конкретную форму! — прибавил Мастон. — Пусть они убьют меня, если это им угодно, но тайны я не выдам!

— Если убьют вас, пусть убьют и меня вместе с вами! Я тоже докажу, что умею молчать! — вскричала вдова.

— К счастью, дорогая Евангелина, они не знают, что вам известна наша тайна!

— Но неужели вы думаете, дорогой Мастон, что я способна выдать вас потому только, что я женщина? Изменить друзьям... вам?.. Нет, нет, мой друг, никогда!.. Пусть поднимут против вас население городов и деревень всего мира; пусть все придут в вашу тюрьму с целью вырвать у вас вашу тайну, — не бойтесь, я не покину вас, и нашим утешением будет мысль, что мы умрем вместе!..

И если бы Мастон действительно мечтал когда-либо очутиться в объятиях своей миссис Скорбит, то подобная смерть должна была казаться ему в высшей степени заманчивой.

Так оканчивался разговор миссис Скорбит с Мастоном всякий раз, когда она приходила навестить его.

А когда члены следственной комиссии спрашивали ее о результатах переговоров с заключенным, она неизменно отвечала:

— Пока ничего еще не могла добиться. Разве со временем удастся!..

Со временем! Но время не ждало, оно бежало! Недели проходили, как дни; дни, как часы, а часы, как минуты! Апрель сменился уже маем. Еванжелина Скорбит ничего еще не добилась от Масто́на. А там, где потерпела неудачу такая влиятельная женщина, понятно, никто не мог уже рассчитывать на успех!

Что же оставалось предпринять?

Неужели бросить надежду и покорно ждать ужасной катастрофы, а случая, могущего предотвратить ее, так и не представится?

Поэтому-то европейские делегаты сделались более настойчивы, чем когда-либо. Между ними и членами следственной комиссии поминутно происходили стычки, которые приняла в конце концов характер настоящей войны. Даже флегматичный Янсен, при всем своем доб-

родуший, присущем голландцу, ежедневно осыпал своих противников упреками. Борис Карков пошел дальше и вызвал на дуэль секретаря комиссии; к счастью, она окончилась только легким ранением противника. Не вытерпел и майор Донеллан: правда, согласно английским обычаям, он не прибег к оружию, но зато в присутствии своего секретаря Дэна Тудринка обменялся несколькими ударами и зуботычинами по всем правилам бокса с Вильямом Форстером, флегматичным торговцем трески, подставным лицом «Северной полярной компании», в сущности, не имевшем ни малейшего понятия обо всем этом деле.

Обитатели всего мира уже считали Америку ответственной за предприятие, которым хотел обессмертить свое имя Барбикен, один из самых знаменитых ее граждан. Возник даже слух, что в непродолжительном времени из Америки будут отозваны посланники и будет объявлена война.

Вашингтонское правительство и само не желало ничего большего, как поймать Барбикена с соучастником, и не его вина, если, несмотря на все старания, это до сих пор не удавалось.

Напрасно Америка обращалась за содействием к европейским державам; те отвечали ей:

— В ваших руках Мэстон, один из соучастников. Ему, конечно, всё известно. Заставьте его говорить.

Шутка сказать! Легче извлечь слово из уст глухонемого, чем из этого Мэстона!

Общее раздражение и волнение возросли до того, что нашлось несколько практичных людей, вспомнивших о средних веках и предложивших прибегнуть к пытке, делающей разговорчивым самого упорного молчальника.

Но что годилось для средних веков, то не может го-

диться для нашего, так называемого гуманного, просвещенного века, ознаменованного изобретением магазинных ружей, разрывных пуль и всяких взрывчатых веществ, до мели-мелонита включительно...

И ввиду того, что Мастоу не грозила опасность подвергнуться участи средневековых узников, оставалась надежда на то, что он сам, наконец, поймет свою ответственность и скажет то, чего от него требовали, или же, что какой-нибудь неожиданный случай так или иначе раскроет тайну.

Г Л А В А XIII

*в конце которой Мастон дает поистине
эпический ответ*

А между тем время шло, и с ним вместе подвигалась, вероятно, и работа Барбикена и капитана Николя!

Удивительно было одно: как могло случиться, что операция, требовавшая обширной мастерской, огромных печей и вообще всех приспособлений для сооружения гигантских размеров пушки и ядра, оставалась до последней минуты незамеченной и не открытой? Не могли же со всем этим справиться только два человека: очевидно, здесь нужны были сотни рабочих рук! Где, в какой части Старого или Нового света Барбикен и Николь могли найти столь таинственный уголок, что об их действиях не заподозрил никто из живущих по соседству? Не высадились ли они на каком-нибудь необитаемом острове Тихого океана? Но нет, — и этого быть не могло; в наши дни таких островов больше нет: все занято англичанами. Разве только новоиспеченному

акционерному обществу посчастливилось открыть какой-нибудь новый. Ведь нельзя же было в самом деле допустить мысль, что Барбикен и его друг забрались для своих работ на Северный полюс!

Так или иначе, но искать председателя Пушечного клуба и его соучастника было делом совершенно безнадежным. К тому же в записной книжке Мастопа было ясно обозначено, что выстрел должен был произойти близ экватора, а там, как известно, имеются страны если не заселенные, то во всяком случае годные для заселения.

Очевидно, это не могло быть ни в Америке, то есть ни в Перу, ни в Бразилии, — ни на Зондских островах, ни на Суматре, Борнео, Целебесе, ни в Новой Гвинее. Будь что-нибудь там, население давно было бы уже осведомлено об этом. Не могли подобного рода работы пройти незамеченными и в Африке, в стране великих озер, перерезанной экватором. Оставались, правда, еще Маледивские острова в Индийском океане, острова Адмиралтейства, Джильберта, Рождества, Галапагос в Тихом океане, Сан-Педро в Атлантическом. Но там повсюду были наведены справки, не давшие никакого результата, кроме отрицательного.

Интересно, однако, — что думал обо всем этом Алкид Пьердэ? Его пылкая голова не переставала измышлять и соображать всевозможные последствия этого предприятия. Если капитану Николу удалось изобрести взрывчатое вещество в три-четыре тысячи раз сильнее всех веществ подобного рода, существовавших доселе, и в пять с половиною тысяч раз сильнее добропорядочного старого пороха, употреблявшегося нашими предками, то это было бы крайне удивительно, но не невозможно. Ведь военная промышленность быстро идет вперед, и, может быть, скоро изобретут средства, которые

позволят уничтожать целые армии на любых расстояниях. Во всяком случае перемещение земной оси посредством выстрела не могло удивить французского инженера.

Обращаясь мысленно к председателю Пушечного клуба, Алкид Пьердэ рассуждал так:

«Ясно, Барбикен, что земля отзывается на все толчки, которые происходят на ее поверхности. Конечно, когда тысячи людей забавляются тем, что стреляют друг в друга из ружей или пушек, или даже когда я хожу, или прыгаю, или всего-навсего протягиваю руку,— всё это отражается на теле нашей Земли. А твоя большая пушка в состоянии произвести нужный толчок. Но — клянусь интегралом! — сможет ли этот толчок повернуть Землю? Судя по вычислениям этой скотины, Масто́на, кажется, сможет!»

Но как бы Алкид ни бранил Масто́на, — в душе, как инженер, он не мог не восторгаться его гениальными математическими вычислениями. Конечно, они были понятны только избранным, но французский инженер принадлежал к числу этих немногих счастливых; он читал алгебру, как легкую журнальную статью, и это чтение доставляло ему истинное удовольствие.

Но если выстрел удастся, сколько катастроф и бедствий будет следствием такого успеха! Города в развалинах, обвалившиеся горы, миллионы убитых, воды, покинувшие свое лоно и производящие ужасные разрушения! Это будет как бы землетрясение неслыханной силы.

«Если б еще можно было надеяться на то, что проклятый порох, изобретенный Нико́лем, окажется меньшей силы, чем рассчитывали. Тогда выпущенное ядро могло бы упасть на Землю и при падении дать обратный толчок; и всё станет на свое место сравнительно скоро. Впрочем, дело и тут не обойдется, конечно, без

многих бедствий, но они не будут так велики, как теперь, и во всяком случае поправимы».

Так рассуждал Пьердэ, и в его рассуждениях было много горькой правды, чем, конечно, не замедлили воспользоваться газеты. По обыкновению они опять забили в набат и еще больше увеличили страх и без того напуганных людей.

Подобные обстоятельства делали положение Масто-на всё более критическим, и миссис Скорбит трепетала за участь своего друга. Действительно он легко мог сделаться жертвой общественного негодования. Возможно, что теперь у нее самой было сильное желание, чтобы он сказал то слово, которое он так упрямо отказывался произнести; но она боялась и заикнуться ему об этом и хорошо делала. Это значило бы получить категорический отказ и серьезно рассердить своего друга. Дошло до того, что в Балтиморе стало почти невозможно сдерживать народное раздражение.

Тревога, раздуваемая газетами и телеграммами, с каждым днем всё увеличивалась. Однако упрямый Мастон продолжал отказываться назвать таинственный пункт, ссознавая, что поступи он так, Барбикен и капитан Николь будут сразу же лишены возможности продолжать свои работы.

Нечего и говорить, насколько Мастон вырос в глазах миссис Скорбит и во мнении членов Пушечного клуба.

Старые brave артиллеристы упорно стояли за пред-приятие Барбикена и К°. Секретарь клуба достиг такой известности, что уже многие написали ему, как какому-нибудь выдающемуся преступнику, с целью получить несколько строк, написанных рукой, которая собиралась перевернуть мир.

Такое положение вещей день ото дня становилось

опаснее. У ворот балтиморской тюрьмы день и ночь толпился народ, слышались крики, проклятия и требовали выдачи Масто́на, чтобы расправиться с ним на месте. Полиция видела приближение минуты, когда она не в силах будет сдерживать народное раздражение.

Желая дать удовлетворение американскому народу, а также и народам Европы, вашингтонское правительство решилось, наконец, предать Масто́на уголовному суду.

Присяжные заседатели, поддавшиеся уже общей панике, «не заставят себя просить и живо покончат с этим делом», — говорил Алкид Пьердэ.

5 сентября председатель следственной комиссии лично явился в камеру Масто́на.

Миссис Скорбит, по ее настоятельной просьбе, получила разрешение присутствовать при допросе. Очевидно, надеялись, что ее влияние на упрямого математика возьмет верх и заставит его в последнюю минуту открыть то, чего от него так тщетно добивались.

— Не сдастся, так там увидим, что делать! — говорили некоторые из более дальновидных членов комиссии. — В сущности, какой толк вешать Масто́на: ведь катастрофы этим не предотвратишь!

Итак, 5 сентября, в 11 часов утра, Масто́н очутился в присутствии председателя следственной комиссии и Еванжелины Скорбит.

Разговор был несложен: председателем было задано несколько довольно резких вопросов, на что последовало столько же спокойных ответов мистера Масто́на.

И кто бы мог вообразить, что наиболее спокойным и уравновешенным из двух собеседников окажется горячий, вспыльчивый математик?

— В последний раз спрашиваю вас: хотите вы отвечать или нет? — спросил председатель.

— На что и по поводу чего?.. — в свою очередь спросил Мастон ироническим тоном.

— По поводу места, где скрывается ваш товарищ Барбикен.

— Я уже сто раз ответил вам на этот вопрос.

— Так повторите ваш ответ в сто первый раз!

— Он находится в данную минуту там, откуда должен произойти выстрел.

— А где этот выстрел будет произведен?

— Там, где находится мой товарищ Барбикен.

— Берегитесь, Мастон!

— Чего именно?

— Последствий вашего запирательства, в результате чего...

— Вы не узнаете того, чего не имеете права знать.

— Мы? Не имеем права знать? Мы должны знать!

— Не разделяю вашего мнения.

— Мы привлечем вас к уголовной ответственности!

— Сделайте одолжение.

— И суд осудит вас!

— Это дело присяжных.

— И как только приговор будет произнесен, он немедленно будет приведен в исполнение.

— Пускай.

— О, дорогой Мастон!.. — робко решила заметить миссис Скорбит, сердце которой невольно сжалось от этих угроз.

— О, миссис Скорбит!.. — с упреком произнес Мастон.

Евангелина опустила голову и замолчала.

— А угодно вам узнать, каков будет этот приговор? — продолжал допрашивать председатель следственной комиссии.

— Как желаете.

— Вы будете приговорены к смертной казни... и будете повешены, как вы этого и заслуживаете!..

— Неужели?

Тут председатель следственной комиссии удалился, а миссис Скорбит бросила на своего друга взгляд, полный немого восторга.

Г Л А В А XIV

очень короткая, но в которой „X“ получает, наконец, географическое значение

К счастью для Масто́на, вашингтонское правительство совершенно неожиданно, потеряв уже всякую надежду, получило следующую телеграмму от американского консула в Занзибаре:

*«Государственному секретарю Джону С. Райту.
Вашингтон, США.*

Занзибар, 13 сентября, 5 часов по местному времени.

В Вамасаи, к югу от горной цепи Килиманджаро, производятся обширные работы. Восемь месяцев, как Барбикен и капитан Николь с многочисленным персоналом рабочих — негров — водворились во владениях султана Бали-Бали, о чем имею честь довести до сведения правительства.

Ричард Трёст, консул.

Вот таким образом обнаружилась тайна Масто́на. Вот почему секретарь Пушечного клуба не был повешен, хотя и находился в заключении.

Быть может, впоследствии он сам пожалел, что не умер тогда, когда был окружен славой!

Г Л А В А XV

*которая содержит кое-что чрезвычайно важное
для обитателей земного шара*

Итак, американскому правительству стало, наконец, известно, в каком месте Барбикен и К° производили свои работы.

Американский консул в Занзибаре пользовался репутацией человека обстоятельного, надежного, донесение которого заслуживало полного доверия. К тому же первая телеграмма вскоре была подтверждена последующими. Действительно, в Африке, в Вамасаи, среди гор Килиманджаро, несколько выше экватора, инженеры «Северной полярной компании» почти заканчивали свои гигантские работы.

Спрашивается: как же им удалось тайно для всех устроиться у подошвы столь известной горы? Каким образом удалось им, незаметно ни для кого, соорудить обширные мастерские и собрать достаточное количество рабочих? Как удалось им, наконец, завязать мирные сношения с свирепыми местными племенами и их не менее дикими, жестокими повелителями? Пока всё это было неизвестно, а может быть, ввиду приближения рокового дня — 22 сентября — и навсегда останется для всех тайной. Неудивительно поэтому, что, когда Мастон узнал от Еванжелины Скорбит о полученной правительством телеграмме, в которой была раскрыта тайна Килиманджаро, он воскликнул, сделав в воздухе решительный жест своим крючком:

— Ну, что ж, и отлично! .. Пускай себе! .. По телеграфу да телефону еще не умеют ездить, а через каких-нибудь шесть дней, трах-та-ра-рах — всё будет сделано!

Если бы кто-нибудь слышал, каким тоном и с каким

жестом секретарь Пушечного клуба произнес эту фразу, то несомненно подивился бы избытку энергии, еще сохранившейся у старого артиллериста.

Очевидно, Мэстон был прав, говоря это. Чтобы послать агентов в Африку, в Вамасаи, с приказом арестовать Барбикена и Николя, нужно было иметь время, а времени-то и не было! Предположим, что удалось бы сравнительно скоро добраться до берегов Африки, но ведь это был далеко еще не конечный пункт путешествия; напротив, очень возможно, что тут-то именно и ждали главные затруднения: гористая местность, незнание ближайшего пути, отсутствие надежных проводников и, наконец, полное незнакомство с местным населением, к тому же, очень вероятно, заинтересованным в успехе Барбикена и К^о.

Ясно было, что всякая надежда помешать операции была потеряна. Зато, зная место, откуда последует выстрел, можно было теперь с точностью определить последствия выстрела. Для этого надо было сделать некоторые вычисления, довольно-таки сложные, но эта работа была не настолько трудна, чтобы с ней не могли справиться математики.

Занзибарский консул телеграфировал непосредственно на имя министра в Вашингтон, и правительство держало это сообщение некоторое время в тайне. Оно не хотело опубликовать этой телеграммы, не сопроводив ее предупреждением о тех последствиях, которые повлечет за собой перемещение земной оси.

14 сентября телеграмма консула была отправлена в бюро Вашингтонской обсерватории с поручением дать заключение относительно последствий, которые могут явиться результатом выстрела. Уже на следующее утро ответ был готов, и подводный кабель довел до сведения Старого и Нового света сообщение, опубликованное в

сотнях тысяч экземпляров и перепечатанное самыми распространенными газетами. Оно сделалось в короткое время достоянием всего мира.

Что же следовало ждать?

Вот вопрос, интересовавший все народы земного шара.

И вот каков был ответ на него.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

«Предприятие, задуманное председателем Пушечного клуба Барбикеном и капитаном Николем, состоит в том, чтобы в полночь, по местному времени, на 22 сентября, с помощью пушки, в миллион раз превышающей размерами французскую 27-сантиметровую пушку и заряженной ядром в сто восемьдесят тысяч тонн, действием взрывчатого вещества, дающего ядру начальную скорость в две тысячи восемьсот километров, произвести выстрелом сотрясение, которым ось земного шара будет перемещена.

«Если выстрел будет произведен у экватора, приблизительно на 34° восточной долготы, у подошвы горной цепи Килиманджаро и если он будет направлен к югу, то последствия его для земного шара будут следующие:

«Вследствие толчка мгновенно возникнет новая ось, которая займет перпендикулярное положение относительно плоскости эклиптики.

Где же будут конечные точки новой оси? Раз место выстрела известно, решение этого вопроса не представляет затруднения.

На севере конечная точка новой оси придется между

Гренландией и Землей Гриннеля, как раз в том месте Баффинова пролива, где он пересекается, при нынешней оси, северным полярным кругом. На юге эта точка придется на границе южного полярного круга, на несколько градусов восточнее Земли Адели.

«Вследствие образования новой оси вращения, выходящей из Баффинова залива на севере и из Земли Адели на юге, образуется новый экватор, на котором, никогда с него не сходя и не отклоняясь, будет совершать свое суточное движение Солнце.

«Зная положение нового экватора, нетрудно уже заняться вопросом о новом уровне океанов, грозящем безопасности обитателей земного шара.

«Прежде всего надо заметить, что директора «Северной полярной компании» стараются, по возможности, ослабить действие толчка и должныствующих произойти вследствие этого перемен. Если бы выстрел был направлен на север, то трудно себе представить бедствия, которые последовали бы за ним для цивилизованных стран земного шара. Выстрел же в южном направлении, напротив, отразится преимущественно на странах с редким населением, да и притом живут там одни дикари.

«Чтобы указать новое распределение водных пространств на поверхности Земли после выстрела, представим себе, что земной шар разделен двумя большими кругами, пересекающимися на одном полушарии под прямым углом в Килиманджаро, а на другом — в противоположной точке земного шара — в Южных морях. Вследствие этого образуются четыре сегмента: два в северном полушарии и два — в южном, разделенные линиями, на которых уровень воды останется тот же, какой был и до перемещения Земли на новую ось. (Далее следовало подробное обозначение

географического положения каждого из четырех сегментов.)

«В двух из этих сегментов, расположенных один против другого на севере и юге, океаны сместятся настолько, что зальют остальные сегменты, расположенные, как и два первые, один против другого в каждом из полушарий.

«В первом сегменте: Атлантический океан выльется почти весь, причем максимум понижения придется приблизительно на широте Бермудских островов, и если в этом месте глубина не достигает 8 415 метров, то обнажится дно. Таким же образом между Америкой и Европой образуются новые

обширные материки, которые могут быть присоединены к Северо-Американским Штатам, к Англии, Франции, Испании и Португалии, если упомянутые державы этого пожелают. Но вследствие понижения уровня воды понизится и слой воздуха, а потому прибрежные страны Европы и Америки окажутся на такой высоте, что многие города будут иметь в своем распоряжении не больше воздуха, чем местности, находящиеся теперь на высоте одной мили. Из числа наиболее крупных городов этой участи подвергнутся Нью-Йорк, Филадельфия, Чарльстоун, Панама, Лиссабон, Мадрид, Париж, Лондон, Эдинбург, Дублин и др. Только Каир, Константинополь, Данциг, Стокгольм сохранят свое положение относительно уровня моря. Но зато на Бермудских островах воздуха не будет хватать так же, как не хватает его воздухоплавателям, которым удастся подняться на высоту 8 000 метров.

«То же произойдет и на противоположном сегменте, обнимающем Индию, Австралию и часть Тихого океана, причем максимум понижения в этих местностях испытают города Аделаида и Мельбурн, где уровень океана спустится приблизительно на восемь километров.

«Таковы в общих чертах изменения, которые произойдут в обоих сегментах, где поверхность Земли поднимется за счет вместилищ океана. Там, без сомнения, появятся новые острова, образовавшиеся из вершин подводных гор в тех местах, где вода еще останется на дне.

«Но если уменьшение плотности воздуха составит неудобства для частей континента, поднявшихся в верхние зоны атмосферы, то что же произойдет с теми, которые будут покрыты вышедшими из берегов морями? При меньшем давлении атмосферы дышать еще можно.

Но под несколькими метрами воды дыхание становится невозможным, а это-то и случится в двух последних сегментах.

«В северо-восточном сегменте наибольшее понижение произойдет в Якутске, в глубине Сибири. Начиная с этого города, погруженного в воду на 8415 метров, слой воды, всё понижаясь, распространится до нейтральной линии, затопив большую часть азиатской России и Индии, Китая, Японию, американскую Аляску по ту сторону Берингова пролива. Быть может, Уральские горы выступят в виде островов в восточной части Европы. Что касается Петербурга и Москвы, с одной стороны, Калькутты, Бангкока, Сайгона, Пекина, Гонг-Конга, Иеддо — с другой, то города эти исчезнут под большим слоем воды, вполне достаточным, чтобы затопить русских, индусов, сиамцев, кохинхинцев, китайцев и японцев, если они не успеют своевременно переселиться».

«В юго-западном сегменте бедствия будут менее ужасны, потому что в большей своей части он покрыт Атлантическим и Тихим океанами. Тем не менее огромные территории исчезнут при этом искусственном потопе, в том числе угол Южной Африки, начиная с Нижней Гвинеи и Килиманджаро до мыса Доброй Надежды, и треугольник Южной Америки, образуемой Перу, Центральной Бразилией, Чили, Аргентинской республикой до Огненной Земли и мыса Горна. Патагонцев, хоть они и очень высокого роста, тоже зальет водой; им не найти убежища и в близлежащих Кордильерах, потому что эта часть горной цепи тоже будет покрыта водой».

«Таковы бедствия, которым подвергнутся обитатели земного шара в случае, если не удастся во-время остановить преступный замысел Барбикена».

Г Л А В А XVI

*в которой хор недовольных берет самые
громкие ноты*

Сделанное предостережение имело, несомненно, ту хорошую сторону, что давало возможность во-время принять меры ввиду грозившей опасности или, по крайней мере сделать попытку избежать ее, переселившись на территорию, которой она почти не грозила.

Катастрофа, угрожающая обитателям земного шара, была двоякого рода: одним грозило удушье от недостатка воздуха, другим потопление.

Приведенное сообщение дало повод к самым разнообразным толкованиям, но все они кончались одним бурным единодушным протестом.

Из числа тех, которым грозила перспектива задохнуться, восстали американцы, французы, англичане, испанцы и т. д. Присоединение новых территорий, которые должны были подняться со дна океана, повидимому, казалось им недостаточно заманчивым, чтобы примириться с предстоящей переменой. Париж, например, который оказался бы на таком же расстоянии от нового полюса, какое отделяет его от настоящего, не выиграл бы ровно ничего от подобной перемены. Правда, его жители пользовались бы вечной весной, но зато уменьшился бы слой воздуха, а это вовсе не пришлось бы по вкусу парижанам, привыкшим поглощать кислород не стесняясь.

Потопление угрожало обитателям Южной Америки, Австралии, Канады, Индии, Зеландии. Как бы не так! Большая наивность думать, что Англия допустит Барбикена и К° лишить ее самых богатых ее колоний, где англичане с успехом вытесняют туземцев. Очевидно, на

месте Мексиканского залива образуется большое Антилское государство, овладеть которым, на основании доктрины Монро¹ «Америка — для американцев!», пожелают непременно и мексиканцы и янки. Наряду с этим обнаженное морское дно вокруг Зондских, Филиппинских островов и Целебеса тоже образует обширные территории, на которые смогут претендовать англичане и испанцы. Но напрасна надежда, что подобным вознаграждением можно возместить убытки от ужасного наводнения.

Если бы под вновь образовавшимися морями исчезли только якуты, лапландцы, патагонцы, даже китайцы и японцы, — ну, тогда, быть может, европейские державы и примирились бы с этой катастрофой. Но она заденет интересы слишком многих государств, и общий протест неизбежен. Что касается самой Европы, то ее центральная часть останется нетронутой, но западная поднимется, а восточная понизится, так что европейцы будут полузадушены или полупотоплены. К тому же, Средиземное море высохнет почти до дна, чего никак уж не потерпят ни французы, ни итальянцы, ни испанцы, ни греки, ни турки, имеющие, как народы прибрежных стран, неоспоримое право на это море. И какая польза будет тогда от Суэцкого канала, который сохранится в целости, так как он находится на нейтральной линии? К чему послужит весь труд Лессепса, если по одну сторону перешейка начисто исчезнет Средиземное море, а по другую останется только обмелевшее Красное море? Наконец, никогда, никогда Англия не согласится, чтобы Гибралтар, Мальта и Кипр превратились в гор-

¹ Доктрина Монро — лозунгом «Америка — для американцев!», выдвинутом в начале XIX века президентом Монро, империалисты США прикрывали в XIX и XX веках свою агрессивную политику в Центральной и Южной Америке.

ные вершины, скрытые в облаках, к которым не смогут больше приставать ее военные суда. Нет, тысячу раз нет! Никогда не сочтет она себя удовлетворенной присоединением к своим владениям хотя бы целого Атлантического океана, превращенного в континент. Однако майор Донеллан уже собрался ехать в Европу, чтобы поспешить предъявить права Англии на новый материк, в случае если смелое предприятие Барбикена и К^о увенчается успехом.

Протесты сыпались со всех концов света, даже от тех государств, для которых предстоящая катастрофа должна была пройти почти незамеченной; но если она и не касалась их непосредственно, то угрожала их владениям. Короче сказать, на Барбикена, капитана Николя и Мастопа ополчилось всё человечество.

Но зато какое благоденствие наступило для газет всех направлений! Какой спрос! Какие огромные тиражи! Газеты всего мира в первый раз соединились и единодушно заявили протест по этому вопросу, совершенно расходясь во всех остальных. Шутка ли сказать! Опасность грозила не каким-нибудь обычным нарушением европейского равновесия, — с этим помириться еще можно было, — а равновесия целого мира! И потому можно себе представить, какое впечатление произвело это сообщение на окончательно потерявших голову обитателей земного шара, и без того расположенных вследствие избытка нервности — характерной черты конца XIX столетия — к безумствам и глупостям!

Для Мастопа, повидимому, настал последний час. Возбужденная толпа ворвалась 17 сентября в его камеру с целью казнить его на месте, причем, нужно сознаться, полицейские агенты и не думали бы этому препятствовать.

Но камера Мастопа оказалась пустой! Миссис Скор-

бит, купила его свободу на вес золота, равный весу почтенного артиллериста, и дала ему возможность бежать. Тюремный сторож поддался искушению тем охотнее, что приобретенное им состояние давало ему возможность окончить свою жизнь, ни в чем не нуждаясь, спокойно, так как Балтимора, как Вашингтон, Нью-Йорк и многие другие приморские города Америки, попадала в счастливую полосу, которой предстояло повышение почвы и к тому же еще с достаточным количеством воздуха.

Итак, Мастоу удалось избежать печальной участи и ужасов расправы разъяренной толпы. Благодаря преданности и щедрости миссис Скорбит была спасена от взрыва общественного негодования жизнь великого потрясателя мира. К тому же теперь оставалось ждать четыре дня, всего каких-нибудь четыре дня, — и проекты Барбикена и К° станут совершившимся фактом.

Если раньше и находились скептики, не особенно доверявшие ужасам предстоящей катастрофы, то теперь их уже не существовало. Правительства поспешили предупредить прежде всего тех из своих обитателей (их было сравнительно немного), которым предстояло вознестись в верхние слои воздуха, а затем и тех (их было больше), территории которых должны были исчезнуть под водами.

Следствием этих предупреждений, переданных по телеграфу во все уголки пяти частей света, было такое переселение, подобного которому, наверно, не было даже во времена великого переселения народов с востока на запад. Двинулись все расы земного шара: готтентотская, малайская, негрская, краснокожая, желтая, белая и т. д.

К несчастью, оставалось слишком мало времени. Были сочтены часы! А будь в распоряжении еще несколько месяцев, китайцы успели бы покинуть Китай, австра-

лийцы — Австралию, патагонцы — Патагонию, сибирские народы — Сибирь и т. д.

Когда выяснилось, каким местностям опасность угрожала более всего и когда стали известны части земного шара, которым, повидимому, не грозила катастрофа, панический страх пошел на убыль. Некоторые области, даже целые государства, начали мало-помалу успокаиваться. Словом, у всех, кроме, конечно, тех, которым грозила непосредственная опасность, осталось только смутное чувство страха, весьма естественное у каждого человека при ожидании страшного переворота.

Тем временем Алкид Пьердё повторял, страшно жестикулируя:

— Хотелось бы мне знать только одно: каким образом этому чудаку Барбикену удастся изготовить пушку, размерами в миллион раз больше двадцатисемисантиметровой? Проклятый Мэстон! Только бы посчастливилось мне встретиться с ним, а там я бы уж сумел выжать из него правду!

Как бы то ни было, неудача предприятия — вот в чем была единственная надежда земного шара.

Г Л А В А XVII

*что происходило у подошвы Килиманджаро в продолжение
восьми месяцев этого памятного года*

Страна Вамасаи лежит в восточной части Центральной Африки между Зангебарским берегом и областью Великих озер, где Виктория-Ньянца и Танганайка являются настоящими внутренними морями. Некоторыми сведениями об этой стране мы обязаны англичанину Джонстону, графу Текели и немецкому доктору Майеру.

Эта гористая местность составляет владения султана Бали-Бали, правящего тридцатью-сорока тысячами негров. Под третьим градусом к югу от экватора тянется горная цепь Килиманджаро, отдельные вершины которой (между ними Кибо) достигают 5700 метров над уровнем моря. От этого массива на юг, на север и восток простираются равнины Вамасаи, граничащие с озером Виктория-Ньянца.

В нескольких километрах на юг от первых кряжей Килиманджаро находится местечко Кизонго, обычная резиденция султана. В сущности, эта столица — не более как большая деревня. Население ее — очень способное, умное, умеющее работать. Под железным игом Бали-Бали им приходилось трудиться особенно усердно.

Этот султан по справедливости славится одним из замечательных владык тех племен Центральной Африки, которые делают все усилия, чтобы избегнуть английского влияния, или, вернее, господства.

Сюда в начале января текущего года приехали председатель Барбикен и капитан Николь, в сопровождении всего десятка отлично знающих свое дело рабочих. Об их отъезде знали только Мэстон и Евангелина Скорбит. Они сели в Нью-Йорке на корабль, направлявшийся к мысу Доброй Надежды, где пересели на другое судно и переправились в Занзибар, на остров того же имени. Отсюда секретно нанятое судно перевезло их в город Монбаз, на африканском берегу, по ту сторону пролива. Тут их уже ждал конвой из местных воинов, высланный султаном, в сопровождении которого Барбикен с товарищами и рабочими пустились в дальнейший путь. Пройдя несколько сот километров по гористой местности, покрытой лесами, болотами, перерезанной руслами уже высохших потоков и небольших рек, путешественники достигли, наконец, резиденции Бали-Бали.

Еще задолго до этого путешествия, только что познакомившись с вычислениями Мастопа, Барбикен, при посредстве одного шведского исследователя, проживавшего несколько лет перед этим в Центральной Африке, вошел в сношения с султаном Бали-Бали.

Бали-Бали, сделавшийся после смелого путешествия Барбикена вокруг Луны, — путешествия, весть о котором дошла и до этих отдаленных стран, — одним из самых горячих его поклонников, очень сошелся и подружился с дерзким янки. Не открывая своей цели, Барбикен легко получил от владетеля Вамасаи разрешение организовать главные работы у южного подножия Килиманджаро. За условленную сумму, около трехсот тысяч долларов, Бали-Бали обязался предоставить в их распоряжение весь необходимый персонал рабочих и дал разрешение делать с Килиманджаро всё, что им вздумается. Барбикен мог поступать с огромной цепью гор по своему усмотрению: провести в ней тоннель, взорвать и, если сможет, даже увезти ее с собою. Обязавшись серьезным договором, который, очевидно, сулил немалые выгоды и султану, компания сделалась таким же полным собственником африканской горной цепи, как и северной Полярной области.

Прием, оказанный в Кизонго Барбикену и капитану Николю, был самый радушный. Два знаменитых путешественника, отважившиеся пуститься в неведомые области надзвездных сфер, внушали султану восхищение, близкое к обожанию. К тому же, ему очень нравились таинственные работы, которые предполагалось произвести в его владениях. Он дал американцам слово за себя и за своих подданных хранить эту тайну, как собственную. Ни один негр из работавших в мастерских Барбикена не имел права, под страхом казни, уйти с места работы хотя бы на один день.

Вот почему предприятие было окружено такой таинственностью, что ни одному из самых ловких агентов Америки и Европы не удалось провести о нем. И если секрет был, наконец, открыт, то случилось это исключительно потому, что по окончании работ султан смягчил строгость, а может быть, еще и потому, что болтуны найдутся везде, даже и среди негров. Так или иначе, но американский консул в Занзибаре узнал о том, что творилось в Килиманджаро. Однако тогда — 13 сентября — было уже слишком поздно, чтобы помешать Барбикену осуществить его план.

Спрашивается: почему Барбикен и К° избрали именно Вамасаи местом своих работ? Во-первых, потому, что эта страна представлялась им подходящей по положению в мало известной части Африки и по своей отдаленности от посещаемых путешественниками мест. Затем, горы Килиманджаро по положению и по плотности породы отвечали всем требованиям предприятия. Кроме того, страна оказалась необычайно богатой такими ископаемыми, которые были всего нужнее для их работ и добывание которых не представляло никакого затруднения. За несколько месяцев до своего отъезда из Соединенных Штатов Барбикен узнал от шведского исследователя, сообщившего ему о неведомой никому стране Вамасаи, что у подножия горной цепи Килиманджаро железо и каменный уголь попадают в изобилии даже на поверхности земли, вследствие чего не требовалось вовсе рыть шахт и отыскивать эти ископаемые богатства на глубине: стоило только нагнуться, чтобы найти железо и уголь в количестве, превышающем то, какое требуется для подготовительных работ. К тому же, в окрестностях этой горной цепи находились огромные залежи селитры и железного колчедана, необходимые для изготовления мели-мелонита.

Итак, Барбикен и капитан Николь привезли с собой только десять человек, в которых были вполне уверены. Они руководили десятками тысяч негров, предоставленных Бали-Бали в распоряжение Барбикена, которые должны были изготовить огромную пушку и не менее огромный снаряд для нее.

Через две недели после приезда Барбикена и его товарища в Вамасаи у южного подножья Килиманджаро были выстроены три обширных помещения, или, вернее, мастерских: одна — для отливки пушки, другая — для отливки ядра и третья — для производства мели-мелонита. Каким образом Барбикену удалось разрешить задачу отливки пушки таких громадных размеров? Это сейчас будет нами объяснено.

Отлить пушку, в миллион раз превосходящую размерами двадцатисемисантиметровое орудие, это, конечно, сверх человеческих сил. Отливка сорокадвухсантиметровых пушек, стреляющих 780-килограммовыми ядрами, представляет уже очень и очень серьезные затруднения. Но Барбикен и Николь не собирались отливать ни пушку, ни мортиру, а намеревались прорыть просто галерею в толще Килиманджаро и заложить в ней нечто вроде мины.

Само собой разумеется, подобный тоннель с успехом мог заменить гигантскую металлическую пушку, сооружение которой было бы и дорого и затруднительно, не говоря уже о том, что для предотвращения возможности взрыва пришлось бы придать ей неимоверную толщину. Барбикен и К^о, задумывая это предприятие, остановились на мысли привести его в исполнение именно этим способом, и если в записной книжке Мастона и упоминалось о пушке, то исключительно потому, что в основание вычислений была взята двадцатисемисантиметровая пушка.

Вследствие этих соображений прежде всего был выбран пункт на высоте тридцати метров по южному склону горной цепи, у подножия которой тянулась необозримая равнина. Ничто не могло помешать полету снаряда из жерла, просверленного в толще Килиманджаро.

Прорытие этой галереи требовало чрезвычайной точности и упорного труда. Но Барбикену удалось соорудить сверла, сравнительно несложные, и привести их в действие сжатым воздухом, сгущенным энергией могучего горного водопада. Затем отверстия, просверленные буравами, наполнили мели-мелонитом. Только одно это взрывчатое вещество и было в состоянии взорвать скалу, представляющую собою необыкновенно твердую породу сиенита. Эта твердость имела свою хорошую сторону, так как скале предстояло выдержать страшное давление от взрыва газов. Во всяком случае высота и толщина Килиманджаро были вполне достаточны и обеспечивали от возможности образования трещины или расщелины.

Тысячи рабочих, руководимые десятью мастерами, под надзором самого Барбикена, принялись за работу с таким усердием и оказались настолько умелыми, что работа была благополучно окончена менее чем в шесть месяцев. Галерея имела двадцать семь метров в диаметре и шестьсот метров длины. Так как необходимо было, чтобы ядро скользило в совершенно гладком канале, то внутренность галереи была сплошь облицована литым металлическим полированным футляром.

Эта работа была совершенно другого рода, чем сооружение прославившейся на весь мир пушки, из жерла которой было выпущено на Луну алюминиевое ядро. Но разве есть что-нибудь невозможное для современных инженеров?

В то время как у подножия Килиманджаро происхо-

дило сверление, рабочие второй мастерской не сидели сложа руки: одновременно изготовлялось и громадное ядро. Чтобы приготовить этот снаряд, необходимо было отлить цилиндро-коническое тело в сто восемьдесят тысяч тонн весом. Надеюсь, всем понятно, что и речи не могло быть о том, чтобы отлить таких размеров ядро в одном куске. Его предполагалось готовить частями, по тысяче тонн каждая; одну за другой их втаскивали в отверстие галереи и укладывали перед камерой, предварительно заполненной мели-мелонитом. Скрепленные болтами части эти образовали цельный снаряд, который и должен был скользнуть по внутренним стенкам галереи.

Необходимо было также доставить во вторую мастерскую около четырехсот тысяч тонн руды, семьдесят тысяч тонн плавленого шпата и четыреста тысяч тонн жирного каменного угля, который после переработки в печах должен был дать двести восемьдесят тысяч тонн кокса. Но так как каменноугольные залежи находились буквально в двух шагах от Килиманджаро, то весь вопрос сводился только к доставке необходимого материала. Тут наибольшее затруднение, без сомнения, представляло сооружение доменных печей для плавки руды. Тем не менее через месяц десять домн в тридцать метров высоты были уже в состоянии выработать каждая по сто восемьдесят тонн в день. Это составляло в сутки тысяча восемьсот тонн, а в сто рабочих дней и все сто восемьдесят тысяч тонн.

В третьей мастерской, где изготовлялся мели-мелонит, работа шла вполне удовлетворительно и настолько секретно, что и в настоящее время состав этого взрывчатого вещества еще не определен окончательно.

Словом, всё шло как нельзя лучше. Работа не могла бы идти успешнее в мастерских механических заводов

Крезо, Биркенхэда или Вульвича. Огромное дело завершилось вполне благополучно, если не считать отдельных несчастных случайностей.

Можно представить себе восторг султана. Он с неутомимым вниманием и интересом следил за ходом работы. Когда Бали-Бали спрашивал, к чему поведет вся эта работа, он получал неизменно следующий ответ от Барбикена:

— Результатом нашей работы будет изменение наружного вида Земли!

— И вместе с этим она упрочит за султаном Бали-Бали, — спешил всегда прибавить капитан Николь, — неуывдаемую славу среди государей Восточной Африки!

Излишне прибавлять, как это льстило гордости самолюбивого владыки Вамасаи.

29 августа работы были совершенно закончены. Галерея нужного диаметра была облицована гладкой обшивкой на протяжении шестисот метров длины. В глубине ее было заложено две тысячи тонн мели-мелонита, причем камера сообщалась с ящиком, наполненным взрывчатой смесью. Затем помещался снаряд, имевший пятьдесят метров длины. Исключив место, занимаемое взрывчатым составом и самим снарядом, последнему оставалось еще пройти до отверстия жерла расстояние в четыреста девяносто два метра, чем и обеспечивалось его полезное действие под влиянием расширившегося газа.

Возникал вопрос, касающийся исключительно баллистики: не может ли снаряд отклониться от траектории,¹ определенной для него вычислениями Масто́на? Ни в коем случае! Вычисления были вполне точны. Они ясно указывали, насколько снаряд должен отклониться к во-

¹ Траектория — линия полета пули или снаряда.

стоку от меридиана Килиманджаро, вследствие вращения Земли вокруг оси, и в то же время точно определяли форму кривой, которую он должен описать, вследствие своей огромной начальной скорости.

Второй вопрос: будет ли снаряд видим во время полета? Нет, так как по вылете из галерей он будет погружен в тень Земли, да, к тому же, при очень значительной скорости полет его будет совершаться низко над Землей. Когда же он вступит в полосу света, то вследствие незначительных размеров перестанет быть видимым даже в самый сильный телескоп.

Несомненно, что Барбикен и капитан Николь имели полное право гордиться тем, что им удалось так счастливо довести свою работу до конца.

Недоставало только Масто́на, чтобы полюбоваться прекрасным выполнением работ, достойных тех точных вычислений, которые вдохновили устроителей этого грандиозного предприятия... Да, было очень, очень жаль, что он будет так далеко в ту минуту, когда раздастся громовой выстрел, который отзовется эхом в самых отдаленных пределах Африки.

Думая о нем, оба товарища и не подозревали, что секретарь Пушечного клуба после бегства из балтиморской тюрьмы принужден был для спасения своей драгоценной жизни покинуть Баллистик-коттедж и искать более верного убежища. Им было также неизвестно, насколько общественное мнение возбуждено против инженеров «Северной полярной компании». Они не знали, что будь они сами пойманы, то, наверно, были бы убиты, растерзаны толпой или сожжены на медленном огне. Счастье для них, что в минуту, когда раздастся выстрел, их будут приветствовать только восторженные клики полудикого народа Восточной Африки.

— Ну, наконец-то!.. — сказал капитан Николь Бар-

бикену вечером 22 сентября, когда они вдвоем обзрели свою работу.

— Да!.. Наконец-то.. — повторил за ним Барбикен со вздохом облегчения.

— А если бы пришлось начинать сызнова?..

— Ну, что же!.. И начали бы!..

— Какое счастье, — продолжал капитан Николь, — что мы изобрели этот мели-мелонит!

— Его одного достаточно, Николь, чтобы прославить ваше имя.

— Я сам так думаю, Барбикен, — скромно ответил капитан. — А известно ли вам, сколько галерей пришлось бы прорыть в Килиманджаро ради того же результата, если бы в нашем распоряжении был только пироксилин, которым мы начинили ядро при полете на Луну?

— А сколько именно?

— Сто восемьдесят галерей, Барбикен!

— Ну что же, капитан! Если бы понадобилось, мы вырыли бы и сто восемьдесят галерей!

— А сто восемьдесят снарядов по сто восемьдесят тысяч тонн каждый?

— И с ними бы справились, Николь!

Подите, поговорите-ка с людьми такого закала! И то сказать: раз эти артиллеристы облетели вокруг Луны, как не признать, что они способны на всё в мире!

И в этот самый вечер, всего за несколько часов до минуты, назначенной для выстрела, в то время как Барбикен и его товарищ радовались и поздравляли друг друга с успешным окончанием работ, Алкид Пьердё в своем кабинете, в Балтиморе, вдруг взревел, как обезумевший. Затем, вскочив из-за стола, заваленного листами алгебраических формул, он ударил кулаком по столу и закричал:

— И плут же этот Мастон! Экая скотина!.. Задал же он мне головоломную работу с этой задачей!.. Удивляюсь, как это мне не пришло в голову раньше?.. Клянусь косинусом!.. Знай я, где он обретается в данную минуту, я с удовольствием пригласил бы его поужинать вместе, и мы выпили бы по бокалу шипучки как раз в ту минуту, как раздастся выстрел из его чертовской всесокрушительной машины!.. Нет, старик спятил с ума, когда делал вычисления для своей килиманджарской пушки! Не иначе!

Г Л А В А XVIII

в которой население Вамасаи с нетерпением ждет минуты, когда Барбикен скамандует: пли!

Был вечер 22 сентября, памятное число, от которого все ждали гибельных последствий. Двенадцать часов спустя по прохождении Солнца через Килиманджарский меридиан, то есть в полночь, капитан Николь должен был собственноручно пустить искру к заряду своего ужасного орудия.

Не мешает заметить здесь, что Килиманджаро лежит на тридцать пять градусов восточнее Парижского меридиана, а Балтимора на семьдесят девять западнее его; это составляет расстояние в сто четырнадцать градусов, — а потому разница во времени между этими двумя местностями равняется семи часам и двадцати шести минутам. Из этого следовало, что в минуту выстрела часы в Балтиморе должны показывать пять часов двадцать четыре минуты пополудни.

Погода стояла отличная. Солнце только что зашло за равниной Вамасаи. Оно скрылось за совершенно

ясным горизонтом, и нельзя было желать лучшей, более спокойной звездной ночи, чтобы пустить снаряд в пространство. Ни одно облачко не смешается с парами, произведенными взрывом мели-мелонита.

Кто знает? Возможно, что Барбикен и капитан Николь сожалели о том, что они не могли сами устроиться в снаряде. Уже в первую секунду по вылете снаряда они пролетели бы две тысячи восемьсот километров. Проникнув в тайны лунного мира, они могли бы проникнуть и в тайны солнечной системы.

Султан Бали-Бали и остальные высокопоставленные особы, то есть министр финансов и придворный палач, а также все чернокожие, принимавшие участие в работах, собрались, чтобы присутствовать при выстреле. Но из предосторожности все собравшиеся зрители заняли места в трех-четырех километрах от галереи, прорытой в Килиманджаро, чтобы быть в полной безопасности от страшного сотрясения воздушных слоев.

Вокруг расположилось несколько тысяч туземцев, прибывших, по приказанию своего повелителя, из Кизонго и других поселений, лежащих в южной части их страны.

Проволока, проведенная от электрической батареи к взрывателю в конце галереи, была готова передать ток, который заставит вспыхнуть капсулю и вызовет взрыв мели-мелонита.

Устроен был парадный обед: султан, его американские гости и важнейшие лица из свиты Бали-Бали собрались за общим столом, на котором расставлены были вина и всевозможные яства местного приготовления.

Султан был очень приветлив и угощал своих собеседников с тем большим удовольствием, что все расходы по пиршеству приняли на себя Барбикен и К^о.

Пиршество, начавшееся в половине восьмого, окон-

чилось в 11 часов вечера тостом Бали-Бали, который он провозгласил за здоровье инженеров «Северной полярной компании» и за успех предприятия.

Еще час — и изменение климатических условий Земли станет совершившимся фактом.

Барбикен, его товарищи и десять главных рабочих окружили будку, в которой помещена была заряженная электрическая батарея.

Барбикен, с хронометром в руке, считал минуты, и никогда не казались они ему такими долгими: эти минуты были годами, нет, — целыми веками!

В двенадцать часов без десяти минут капитан Николь и Барбикен подошли к аппарату, соединенному проволокой с галереей Килиманджаро. Султан, его свита и толпа туземцев окружили их огромным кольцом.

Требовалось, чтобы выстрел произошел обязательно в ту минуту, которая была указана вычислениями Масто́на, то есть в момент, когда Солнце будет переходить через будущий экватор, на котором ему и надлежало остаться.

— Двенадцать часов без пяти минут!.. Без четырех!.. Без трех!.. Без двух!.. Без одной!..

Барбикен следил за стрелкой своих часов, освещенных фонарем, который держал один из его старших рабочих, а капитан Николь приложил палец к кнопке, приготовившись включить электрический ток.

Осталось всего двадцать секунд!..

— Всего десять!.. Три!.. Две!.. Одна!..

Капитан Николь был всё время настолько невозмутим, что нельзя было уловить ни малейшего дрожания в его руке. Он и его товарищ были так же мало взволнованы, как и в ту минуту, когда они сидели, заключенные в ядре, и готовились совершить свое путешествие в лунные области.

— Пли! .. — крикнул Барбикен.

Указательный палец капитана Николя нажал кнопку.

Раздался страшный выстрел, раскаты которого донеслись до самых отдаленных окраин Вамасаи. С пронзительным, резким свистом вырвалась из отверстия огромная масса и понеслась по воздуху, гонимая миллиардами миллиардов литров газа, получившегося от взрыва двух тысяч тонн мели-мелонита. Впечатление не могло бы быть ужаснее, если бы залпы всех пушек земного шара слились в один гул со всеми небесными громами!

Г Л А В А XIX

в которой Мастоку приходится пожалеть о том времени, когда толпа хотела предать его суду Линча¹.

Столицы Старого и Нового света, как и все значительные и незначительные города обоих полушарий, в ожидании предстоящего события находились в сильном возбуждении. Благодаря газетам, наводнившим все уголки земного шара, каждому был в точности известен час, соответствующий полуночи в Килиманджаро.

Так как Солнце проходит один градус в четыре минуты, то в главнейших городах в это время было:

¹ Суд Линча — зверская расправа, самосуд — учинялся и учиняется до сих пор в Америке главным образом над неграми по самым ничтожным, чаще всего выдуманым поводам. Суд Линча является наиболее жестоким выражением расовой ненависти, которая искусственно разжигается в США богатыми плантаторами и капиталистами, заинтересованными в том, чтобы держать массы населения в состоянии невежества и покорности к существующим порядкам.

В Париже	9 ч. 40 м.	веч.
» Петербурге	11 ч. 31 »	»
» Лондоне	9 ч. 30 »	»
» Риме	10 ч. 20 »	»
» Мадриде	9 ч. 15 »	»
» Берлине	11 ч. 20 »	»
» Константинополе	11 ч. 25 »	»
» Калькутте	3 ч. 04 »	утра
» Нанкине	5 ч. 31 »	»

В Балтиморе, как уже говорилось, двенадцать часов спустя после прохождения Солнца через Килиманджарский меридиан было 5 часов 24 минуты вечера.

Нельзя описать панику, охватившую в эту минуту все народы земного шара.

Положим, жителям Балтимора не грозила опасность быть сметенными потоками нахлынувших морей и предстояло быть только живыми свидетелями того, как отхлынут воды Атлантического океана из Чизапикского залива, а мыс Гаттерас, которым он оканчивается, поднявшись из вод океана, превратится в горный хребет. Всё это так, положим, но и невольно возникал вопрос: не произведет ли толчок полнейшего разрушения зданий и памятников? Не погибнут ли в пропастях и в расщелинах, которые неминуемо образуются, целые улицы и кварталы?

Ничего поэтому нет удивительного, что по мере приближения роковой минуты каждый из обитателей земного шара испытывал ужас, проникавший его до мозга костей. Да, все трепетали, кроме одного — инженера Алкида Пьердѐ. Он не имел времени огласить результаты своих последних изысканий, которые открыли ему многое. И теперь он сидел за стаканом шампанского в одном из лучших ресторанов города и пил за здоровье Старого света.

Пробило пять часов, миновала и двадцать четвер-

тая минута шестого, соответствующая полуночи в Килиманджаро. А Балтимора стояла, как стояла и прежде!

В Лондоне, в Париже, в Константинополе и т. д. тоже ровно никаких перемен!.. Даже ни малейшего сотрясения!

Джон Мильн,¹ наблюдавший помещенный им в каменноугольных копях Токошима, в Японии, сейсмограф, не заметил ни малейшего ненормального движения земной поверхности в этой части света.

Да, наконец, и в самой Балтиморе не произошло ровно никаких явлений.

К тому же, было уже совсем темно; наступила ночь, и небо, покрывшееся облаками, не дало возможности определить, изменили ли звезды свое видимое движение, что, несомненно, последовало бы при перемещении земной оси.

Какую ужасную ночь провел Мэстон в своем тайном убежище, знала только одна Евангелина Скорбит! Пылкий артиллерист неистовствовал, не находя себе места. Дорого дал бы он, чтобы скорее пролетело еще несколько дней и выяснилось бы, изменился ли путь Солнца: это было бы неопровержимым доказательством полного успеха предприятия.

На следующее утро Солнце, как обыкновенно, показалось на горизонте.

¹ Джон Мильн — английский исследователь землетрясений, живший в Японии.

Все делегаты европейских государств собрались на террасе своей гостиницы. Каждый запасся инструментами необыкновенной точности, чтобы определить, нормально ли дневное светило продолжает совершать свой небесный путь. И вот, несколько минут спустя по своему восходе, сияющий шар, как ему и полагалось, начал двигаться к южному полушарию неба.

Очевидно, ничего не изменилось в его видимом движении. Майор Донеллан и его коллеги приветствовали небесное светило дружным восторженным «ура», как приветствуют на сцене любимого актера.

Небо было чудно хорошо в эту минуту: оно совершенно очистилось от утреннего тумана, и никогда еще ни один великий актер не появлялся на более прекрасной сцене, при более блестящей обстановке, перед более восхищенной, восторженной публикой.

— И опять на своем месте, указанном ему законами астрономии! — кричал Эрик Бальденак.

— Да, нашей старушкой астрономией, — заметил Борис Карков, — которую эти безумцы собрались было уничтожить!

— Убытки и позор будут им в наказание, — добавил Янсен, устами которого, казалось, говорила сама Голландия.

— И северная область останется навеки погребенной подо льдами! — вставил профессор Гаральд.

— Ура Солнцу! — вскричал майор Донеллан. — Какое оно есть, таким оно останется и навеки; другой вселенной и не надо!

— Ура! Ура! — дружно подхватили остальные делегаты старой Европы.

Тут вмешался и Тудринк, не промолвивший до этой минуты ни слова.

— Не рано ли радоваться, господа? Они, может

быть, вовсе еще и не стреляли? — сказал он с легкой усмешкой.

— Не стреляли? — вскрикнул майор Донеллан. — Я хочу думать, что, напротив, они произвели уже не один, а два выстрела!

То же предположение сделали и Мастон и Еванжелина Скорбит. Вопрос этот задавали себе и ученые и невежды.

То же повторил и Алкид Пьердё, прибавив голько:

— Выстрелили они или нет — всё равно! Суть в том, что Земля не перестала вальсировать вокруг своей старой оси!

Вообще никто не знал, что произошло в Килиманджаро. Но в тот же день, к вечеру, был получен ответ на вопрос, который задавали себе все обитатели земного шара. В Соединенных Штатах была получена от занзибарского консула телеграмма следующего содержания:

«Занзибар, 23 сентября, 7 ч. 27 м. утра.

Джону Райту, государственному секретарю.

Выстрел произведен вчера ровно в полночь, из жерла, пробуровленного в южном склоне горы Килиманджаро. Снаряд выле-

тел с ужасающим свистом. Страшный взрыв. Область опустошена ураганом. Море поднялось. Множество судов потерпели крушение и выброшены на берег. Ряд местечек и деревень уничтожены. Всё обстоит благополучно.

Ричард Трёст.

Да, действительно всё обстояло благополучно, так как ничто не изменилось в положении вещей, если не считать опустошений в области Вамасаи, значительная часть которой была превращена положительно в голую равнину искусственным смерчем, а также кораблекрушений, происходивших от сотрясения воздуха. Не то же ли самое было при полете знаменитого снаряда на Луну? Не отозвалось ли сотрясение почвы во Флориде на сотни километров в окружности? Всё это повторилось и теперь, но в сильнейшей степени.

Во всяком случае телеграмма консула сообщила всем заинтересованным обитателям Старого и Нового света две вещи, а именно:

1) что огромная пушка была сооружена в Килиманджаро, и

2) что выстрел был произведен в назначенный час.

И тогда весь мир испустил радостный, облегченный вздох, за которым последовал неудержимый взрыв хохота. Попытка Барбикена и К^о кончилась ничем! Все формулы и вычисления Мастопа оказались годными только на растопку печей! Отныне «Северной полярной компании» предстояла жалкая участь объявить себя несостоятельной.

Однако как это могло случиться? Неужели секретарь Пушечного клуба сделал ошибку в вычислениях?

— Я скорее могу усомниться в своих чувствах к нему, чем допущу возможность подобного предположения! — говорила себе Евангелина Скорбит.

И, конечно, в эту минуту среди всех этих людей, на-

селяющих земной шар, не было ни единого живого существа, которое чувствовало бы себя более смущенным, чем Мастон. Убедившись в том, что в условиях, в которых свершается движение Земли, никакого изменения не последовало, он попытался успокоить себя надеждой, что, быть может, вследствие какой-нибудь случайности Барбикен и Николь принуждены были отложить выстрел. . .

Но с получением телеграммы из Занзибара ему волей-неволей пришлось признать, что их предприятие не удалось. Легко сказать!.. Не удалось! А уравнения, а вычисления и формулы, из которых следовала твердая и несомненная уверенность в успехе предприятия? Неужели пушка в шестьсот метров длины и двадцать семь метров ширины, выбросившая при взрыве двух тысяч тонн мели-мелонита снаряд в сто восемьдесят миллионов килограммов с начальной скоростью две тысячи восемьсот километров, — неужели такой пушки недостаточно, чтобы произвести перемещение полюсов? Нет! Нет! Этого быть не может!

А всё-таки. . .

Наконец, Мастон не выдержал и в страшном волнении объявил своей покровительнице, что желает покинуть свое убежище. Напрасно Евангелина Скорбит пыталась удержать его от этого шага. Не потому, что она опасалась за его жизнь, — нет, она знала, что в данную минуту угроза чего-нибудь подобного уже миновала, но ей хотелось уберечь его от насмешек, ядовитых шуток и намеков, которыми все неминуемо встретят незадачливого математика.

И затем еще вопрос: какой прием ожидал его со стороны товарищей по Пушечному клубу?! Не станут ли они обвинять своего секретаря в постигшей их неудаче, выставившей их в таком смешном виде? Не на него ли,

автора вычислений, падет вся ответственность за успех предприятия?!

Но Мастон не хотел ничего слышать. Он не поддавался ни на мольбы, ни даже на слезы Еванжелины Скорбит и вышел из дома, где скрывался. Понятно, стоило ему появиться на улицах Балтиморы, как его тотчас же узнали и в отместку за ужас, охвативший всех при угрозе потерять имущество и жизнь, его встретили бранью и оскорблениями. Стоило послушать одних этих американских уличных мальчишек.

— Эй ты! Выпрямитель оси! — кричал один.

— Ах ты! Кувыркатель земного шара! — подхватывал другой.

Обруганный и осмеянный секретарь Пушечного клуба принужден был искать спасения в особняке миссис Скорбит, где его приятельница истощила весь запас нежности, чтобы успокоить его. Но всё было напрасно! Ничто не могло утешить ее друга.

Так прошли две недели. Жители земного шара, придя в себя от перенесенных волнений, мало-помалу успокоились и перестали даже думать об угрожавшем им проекте «Северной полярной компании».

Однако о Барбикене и капитане Николе не было, как говорится, ни слуху, ни духу. Не погибли ли они при сотрясении, произведенном выстрелом, опустошившем селения Вамасаи? Не заплатились ли жизнью за величайшую мистификацию нашего времени?

Ничего подобного! Сшибленные с ног в момент выстрела, вместе с султаном, его свитой и тысячной толпой негров, они скорее всех оправились и встали на ноги целы и невредимы.

— Ну что, удалось? .. — было первым вопросом султана, потиравшего себе плечи.

— А вы сомневаетесь?

— Я... сомневаюсь?... — ничуть, но всё-таки когда же это станет окончательно известно?

— Через несколько дней!.. — ответил Барбикен.

Догадался ли председатель Пушечного клуба тотчас же, что они потерпели полное поражение? Возможно! Но ни за что не согласился бы он признаться в этом повелителю Вамасаи.

Через сорок восемь часов оба друга распростились с Бали-Бали, отпустившим их лишь после того, как они

заплатили ему изрядную сумму за понесенные его подданными убытки. А так как эти тысячи долларов целиком поступили в личную кассу султана, а несчастным потерпевшим не досталось ни одного доллара, то его величество ничуть не сожалел об этой выгодной афере. Затем оба товарища, в сопровождении своих десяти мастеров, отплыли в Занзибар, где как раз в это время стоял корабль, готовившийся отправиться в Суэц. Оттуда пароход отвез их под чужими именами в Марсель, а почтовый поезд вполне благополучно доставил их в Париж, где на вокзале Восточной железной дороги они пересели в поезд, шедший в Гавр, а в Гавре они сели на один из океанских пароходов и приехали в Америку.

Г Л А В А XX

в которой эта любопытная история — столь же правдивая, сколь и невероятная — заканчивается

— Барбикен? .. Николь? ..

— Мاستон!

— Вы?

— Мы!

В тоне этого слова, произнесенного обоими товарищами одновременно довольно странным голосом, чувствовалась ирония и упрек.

— Ваша галерея в Килиманджаро имела точно шестьсот метров длины при двадцати семи ширины?

— Да!

— А весил ли ваш снаряд именно сто восемьдесят миллионов килограммов?

— Да!

— Было ли употреблено на выстрел две тысячи тонн мели-мелонита?

— Да!

Эти три положительные ответа как дубиной ударили Масто́на по голове.

— В таком случае, я полагаю... — начал было Масто́н, но не окончил фразы.

— Ну-с, что именно? — спросил Барбикен.

— А вот что, — ответил Масто́н. — Ясно, что операция не удалась только потому, что порох не сообщил ядру начальной скорости в две тысячи восемьсот километров!

— Вот как!.. — воскликнул капитан Николь.

— Да-с! И ваш мели-мелонит годится лишь на то, чтобы заряжать им детские пугачи.

Эти слова нанесли капитану Николю кровное оскорбление и заставили его привскочить, как ужаленного.

— Масто́н! — вскричал он.

— Николь!

— Если вы хотите стреляться мели-мелонитом...

— О нет, пироксилином!.. Это вернее!

Чтобы успокоить расходившихся артиллеристов, потребовалось вмешательство миссис Скорбит.

— Подумайте только, ведь вы — друзья! — вскричала она.

Тогда вмешался и сам Барбикен.

— Какая польза и какой толк в этих взаимных упреках и обвинениях? — сказал он более спокойным тоном. — Несомненно, все вычисления нашего почтенного друга Масто́на вполне верны, как несомненно и качество употребленного мели-мелонита, изобретенного нашим почтенным другом! Мы в точности применили на практике все новейшие данные современной науки, и...

вместе с тем наш опыт всё-таки не удался! Отчего? Возможно, что мы никогда этого и не узнаем!..

— Ну, что ж! — воскликнул секретарь Пушечного клуба. — Повторим попытку!..

— А деньги, которые потрачены без пользы? — заметил капитан Николь.

— А общественное мнение? — воскликнула Еванжелина Скорбит. — Разве вы полагаете, что оно допустит вас еще раз поставить на карту судьбу всей планеты?

— Но что же станет теперь с приобретенной нами северной областью? — спросил капитан Николь.

— Воображаю, как упадут акции Северной компании! — прибавил Барбикен.

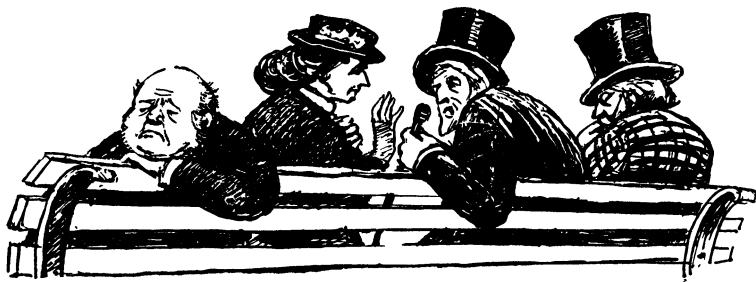
Полный крах!.. Падение акций уже началось: их продавали связками по цене негодной бумаги.

Таков был исход этого поистине гигантского предприятия. Таким грандиозным крахом, который останется навсегда у всех в памяти, закончились грандиозные проекты Барбикена и К°.

Никогда еще насмешка не обрушивалась ни на кого так беспощадно, как на незадачливых инженеров; никогда еще фельетоны газет, юмористические песенки, карикатуры и всякого рода пародии не находили себе такого обильного материала, как в данном случае.

Барбикен, всё правление компании, их приятели из Пушечного клуба были буквально оплеваны. В особенности изощрялась в насмешках Европа, так что янки в конце концов обиделись. И, вспомнив, что Барбикен, Николь и Мэстон — тоже янки и являются именитыми гражданами славного города Балтимора, американцы чуть не заставили правительство Соединенных Штатов объявить войну Старому свету.

Станет ли когда-нибудь известно, что было причиной неудачи? Мог ли неуспех служить доказательством того,

что подобного рода предприятия вообще невыполнимы, что человеческих сил никогда не хватит на то, чтобы изменить суточное движение Земли, что никогда Полярная область не будет перемещена на такую широту, где вечные снега и льды растают от лучей Солнца? Ответ на эти вопросы был дан через несколько дней по возвращении Барбикена и его сотрудника в Америку.

В номере французской газеты «Время» от 17 октября появилась небольшая заметка, оказавшая услугу всему свету. В ней говорилось:

«Конечно, всем теперь известно, как печально окончилась попытка создать новую ось Земли. Нельзя, однако, не признать, что вычисления Мастопа, основанные на совершенно точных данных, привели бы к желаемому результату, если бы по необъяснимой рассеянности в них с самого начала не вкралась ошибка.

«Ошибка состоит в том, что знаменитый секретарь Пушечного клуба, взявши основанием вычислений окружность земного шара, написал цифру в сорок тысяч метров, вместо сорока тысяч километров, что именно и повело к неправильному решению

«Чем объяснить подобную ошибку? .. Что могло быть ее причиной? .. Как мог сделать ее такой замечательный математик? .. Теряешься в догадках! Несомненно только, что будь задача о перемещении оси составлена правильно, она была бы и решена верно. Но раз были забыты три нуля, в конечном итоге получилась ошибка в двенадцать нулей.

«Для того чтобы переместить земную ось на $23^{\circ} 28'$, при той силе мели-мелонита, какую ему приписывает капитан Николь, потребовалась бы пушка не в миллион, но в целый триллион раз больше двадцатисемисантиметровой пушки, причем из нее нужно было бы выпустить не один снаряд, а целый миллион снарядов.

«В данном же случае единственный выстрел, произведенный в Килиманджаро, передвинул полюс всего на три микрона (три тысячных миллиметра), а уровень воды в океане изменился не более, чем на девять тысячных микрона. Что же касается снаряда, то он в виде маленькой планеты вошел в состав солнечной системы.

А л к и д П ь е р д ё ».

Итак, теперь вполне выяснилось, что причиной удивительной неудачи компании была рассеянность Масто-на, забывшего по какой-то случайности приписать, где надо, три нуля.

Негодованию его товарищей не было пределов. Но в то время как его коллеги осыпали его упреками и проклятиями, общественное мнение, видимо, изменилось в пользу бедного математика. В конце концов ведь только благодаря его ошибке обитатели земного шара избежали ожидавшей их страшной катастрофы.

Следствием было то, что со всех сторон посыпались к Масто-ну поздравления по случаю сделанной им ошибки. Но эти приветствия, понятно, страшно раздражали почтенного секретаря Пушечного клуба. Он чув-

ствовал себя в высшей степени пристыженным. Барбикен, капитан Николь, Том Гентер, полковник Билсби и их друзья никогда, никогда не простят ему его ошибки!

Единственным человеком, не сделавшим ему ни одного упрека, была всё та же миссис Скорбит. Благородная женщина осталась ему верна и в эту трудную для него минуту.

Первым делом Мастон принялся за проверку своих вычислений, положительно не допуская мысли, чтобы он мог совершить подобную ошибку.

А между тем это было так! Алкид Пьердё оказался прав. Вот почему в последнюю минуту перед ожидаемой катастрофой этот оригинал, нимало не волнуясь, по обыкновению веселый, жизнерадостный, спокойно сидел в ресторане и пил за здоровье Старого света.

Да! Ни более, ни менее, как только три нуля были забыты в выражении длины земного экватора! Внезапное воспоминание осенило Мастона. Он вспомнил, что это случилось как раз в начале его работы, когда он заперся в своем кабинете в Баллистик-коттедже. Он ясно помнил, что, взяв мел, четко вывел на черной доске число 40 000 000. В эту минуту раздался нетерпеливый звонок телефона... Мастон оставил работу и подошел к телефонному аппарату... Обменявшись несколькими словами с миссис Скорбит, он хотел уже вернуться к доске. Раздался сильный удар грома, молния сшибла его с ног и откинула доску к печке... Поднявшись с пола, он принялся за работу и прежде всего хотел восстановить число, которое оказалось наполовину стертым... Едва он успел написать 40 000... как раздался опять телефонный звонок... Очень возможно, что когда он второй раз вернулся к доске, то тут-то именно и забыл приписать три нуля к числу, выражающему окружность Земли.

Да, иначе и быть не могло. Единственная виновница ошибки — миссис Скорбит! Не помешай она ему в ту минуту, он, весьма возможно, не получил бы удара от электрического разряда! И молния не сыграла бы с ним такой подлой шутки!

Можно себе представить, какой это был удар для Еванжелины Скорбит, когда Масто́н сообщил ей обстоятельства, при которых совершена была ошибка. Да, несомненно, она одна была виновата во всем!.. Из-за нее Масто́н считал себя опозоренным до конца дней своих, которых осталось ему, вероятно, прожить немало, так как члены Пушечного клуба умирали не иначе, как столетними стариками.

После этого разговора Масто́н убежал из гостеприимного особняка. Он вернулся в свой Баллистик-коттедж и здесь, шагая из одного угла кабинета в другой, повторял:

— Теперь я уж более ни на что не годен на свете!..

— Даже и на то, чтобы жениться? — спросил робкий взволнованный голос, в котором слышались слезы.

Это была Еванжелина Скорбит; в отчаянии она последовала за Масто́ном в его коттедж.

— Дорогой Масто́н...

— Ну, хорошо! Согласен!.. Но только с одним условием: я больше никогда не буду заниматься математикой.

— Мой друг, я и сама всей душой ненавижу ее! — поспешила успокоить его вдова.

И миссис Еванжелина Скорбит стала миссис Масто́н.

Маленькая же записка Алкида Пьердэ принесла славу не только самому инженеру, но и всей Политехнической школе, из которой он вышел. Записка была переведена на все языки, перепечатана всеми местными и

иностранными журналами и сделала его имя известным всему миру. Следствием этого было то, что отец хорошенькой обитательницы Прованса, отказавший Алкиду в руке своей дочери по той причине, что он слишком умен, тоже прочел заметку Пьердё, почувствовал угрызения совести и для первого шага к примирению послал автору статьи приглашение отобедать вместе.

Г Л А В А XXІ

*очень короткая, но весьма успокоительная
для будущего всего мира*

Пусть обитатели земли не тревожатся! Барбикен и капитан Николь не возьмутся больше за свое, так плачевно окончившееся, предприятие. Мастон не будет больше делать никаких — хоть бы и вполне правильных — вычислений. Это было бы напрасным трудом. В своей статье Алкид Пьердё был совершенно прав. По законам механики, для того, чтобы произвести смещение земной оси на $23^{\circ} 28'$, хотя бы с помощью мели-мелонита, и то надо построить триллион пушек, подобных той, какая была выдолблена в толще Килиманджаро. Для этого наша планета слишком мала, даже если бы ее поверхность вся состояла из суши.

Поэтому обитатели земного шара могут спать спокойно. Изменить условия, в которых совершается движение Земли, не по силам человеку.

Е. Брандис

О ЖЮЛЬ ВЕРНЕ И ЕГО РОМАНЕ «ВВЕРХ ДНОМ»

I

В 1863 году молодой французский писатель Жюль Верн (1828—1905) выпустил свой первый роман «Пять недель на воздушном шаре». Книга была тепло встречена читателями, и Жюль Верн, который с тех пор продолжал без перерыва на протяжении более сорока лет издавать всё новые и новые романы, сделался одним из самых известных писателей Франции.

Шестидесятипяти томную серию своих приключенческих и научно-фантастических романов Жюль Верн печатал под общим заглавием «Необычайные путешествия».¹ Читатели путешествовали вместе с героями

¹ Слово «путешествия» надо понимать в более широком смысле, так как Жюль Верн включает в свою серию и такие романы, где путешествия, собственно, могут и не совершаться, но зато всегда происходят самые невероятные события, как, например, в романе «Вверх дном». Поэтому серию романов Жюль Верна иногда называют «Необычайными приключениями»,

Жюль Верна по всем материкам и странам, побывали в самых отдаленных уголках земли, на загадочных и неразведанных в то время Северном и Южном полюсах, странствовали по воде и по суше, плавали под водой и летали по воздуху, переносились даже в космическое пространство — на Луну и в бесконечно далекие звездные миры.

В романах Жюль Верна сюжетная занимательность всегда сочетается с большим количеством всевозможных познавательных сведений, которые непринужденно, по ходу действия, вплетаются автором в повествование. Данные любой науки — от астрономии до географии, от физики до зоологии — умело используются писателем в его романах. В своих фантастических романах Жюль Верн старался учить реальным возможностям техники, открытия и теории передовых ученых XIX века.

«Хотя я и сочиняю, и выдумываю, — говорил Жюль Верн, — однако всегда остаюсь на почве действительности. Настанет время, когда научные изобретения превзойдут силу воображения».

Время показало справедливость этих слов. Многочисленные проекты нововведений в области техники, предложенные Жюль Верном в его романах, позднее были действительно претворены в жизнь и значительно превзойдены современной наукой.

Романы Жюль Верна выгодно отличаются от многих десятков фантастических романов и повестей других иностранных писателей, начиная от американца Эдгара По и кончая англичанином Гербертом Уэллсом, произведения которых чаще всего оторваны от научной жизненной основы и представляют из себя беспочвенный вымысел и сплошную утопию.

Романы Жюль Верна основаны на оптимистической вере писателя в безграничные силы человеческого разу-

ма, его возможности разгадать тайны природы и поставить ее на службу людям.

В то время, когда еще не существовало подводных лодок, бесстрашный капитан Немо покрывает 80 000 километров под водой в замечательном подводном корабле «Наутилусе». В то время, когда ученые-новаторы настойчиво изыскивали способы использования электрической энергии, герои Жюль Верна уже употребляют ее не только для освещения и отопления, но и в качестве двигательной силы.

В те годы, когда еще только производились опыты в области самолетостроения, герои Жюль Верна успели уже соорудить универсальную машину — вездеход, соединяющую свойства самолета, автомобиля и подводной лодки («Властелин мира»), успели уже завоевать воздух с помощью хитроумно устроенного аппарата «аэронефа» («Робур-Победитель»).

«Кто же такой этот Робур-Победитель? — спрашивает Жюль Верн. — Робур — это наука будущего, быть может, завтрашнего дня. Продолжает ли его аэронеф свои скитания по воздуху? Вероятно! Явится ли когда-нибудь людям новый Робур-Победитель? Конечно, и тогда он откроет свою тайну, которая изменит сразу весь политический и гражданский строй нашей жизни».

Говоря о будущем человечества, Жюль Верн возлагал надежды главным образом на прогресс науки и техники. Писатель не понимал того, что подлинный расцвет науки и ее использование на благо всему народу невозможны при буржуазном строе, где ученые вынуждены служить лишь ничтожной кучке капиталистов, превращающих достижения науки и техники в средство личной наживы, для создания чудовищных орудий истребления людей. Незнание законов общественного развития не дало возможности писателю наметить пра-

вильных путей использования науки и техники в будущем.

Тем не менее романы Жюль Верна будили живую творческую мысль, вселяли уверенность в беспредельные возможности науки, в ее победу над суевериями и невежеством.

Недаром произведения талантливого романиста всегда пользовались большим успехом у русской молодежи и до сих пор охотно читаются советскими школьниками.

Любопытно отметить, что первый роман Жюль Верна появился в русском переводе еще в 1864 году, то есть менее чем через год после его выхода в оригинале. В передовом русском журнале «Современник» был напечатан положительный отзыв М. Е. Салтыкова-Щедрина на эту книгу.

Многие выдающиеся ученые вспоминали о том, какое благотворное воздействие оказало на них юношеское увлечение романами Жюль Верна.

Знаменитый деятель русской науки К. Э. Циолковский рассказывал, что романы Жюль Верна способствовали пробуждению его интереса к теории ракетного двигателя и межпланетных путешествий.

Старейший советский ученый академик В. А. Обручев, ярко характеризуя воспитательную ценность таких научно-фантастических романов, в которых фантазия не оторвана от действительных возможностей науки, говорит в этой связи и о достоинствах произведений Жюль Верна: «Хороший научно-фантастический роман, — пишет В. А. Обручев, — дает большее или меньшее количество знаний в увлекательной форме, а главное — побуждает читателя к более глубокому ознакомлению с описываемыми в нем странами, явлениями, изобретениями, пользуясь уже чисто научной литературой.

Нередко также романы оказывают серьезное влияние на юношу при выборе им специальности. Вот почему научно-фантастические романы пользуются таким успехом у молодежи. Ими зачитываются и они оставляют в читателе глубокое впечатление, тогда как другие романы, просто приключенческого типа, хотя читаются с интересом, но скоро забываются. В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна, которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран».

В нашем советском государстве наука и техника достигли небывалого расцвета. Только социалистический строй создал впервые в истории человечества безграничные возможности для развития науки и преобразования с ее помощью природы.

На протяжении многих веков люди мечтали о том, чтобы засушливые степи стали плодородными, чтобы в безводных пустынях зажурчали ручьи и зыбучие пески поросли бы цветущими садами, чтобы реки двинулись вспять и напоили высохшие земли... В наши дни преобразование природы и ее покорение человеку уже перестало быть только мечтой и сказкой, но во многом стало уже свершившимся фактом.

Строительство грандиозных гидроэлектростанций, орошение степей и насаждение новых лесных массивов — всё это приведет в ближайшем будущем к изменению климатических условий на огромных пространствах нашей Родины. Полная автоматизация целых отраслей производства и использование атомной энергии для повседневных хозяйственных нужд — не фантазия, а реальные планы, которые осуществляют советскими учеными.

Действительность коммунистического строительства выдвигает перед авторами советских научно-фантастических романов совершенно новые темы, которые подсказаны жизнью и предвосхищают наше коммунистическое завтра (изыскание новых источников энергии, новых путей преобразования природы, будущие достижения агробиологической науки и т. п.).

В отличие от героев Жюль Верна, работающих над своими открытиями в одиночку, на собственный страх и риск, чаще всего в глубоком разладе и вражде с обществом, ради своего личного обогащения и счастья, советские люди подчиняют всю свою творческую энергию интересам коммунистического строительства, осуществляя свои смелые научные дерзания при непосредственном участии и помощи советского государства и народа.

Идейное превосходство советских людей перед одинокими, таинственными, непризнанными современниками героями Жюль Верна отражает неизмеримые преимущества советского социалистического строя перед любым буржуазным государством.

Только в социалистическом обществе, где уничтожена частная собственность и разделение людей на враждебные классы, наука и техника достигают своего подлинного расцвета. Наша социалистическая Родина впервые в истории призвала служить науку и технику на благо всему народу.

II

Авторы заграничных статей и книг, посвященных Жюль Верну, обычно с умилением изображают знаменитого писателя как вдохновенного певца буржуазного «прогресса» и «чудес» капиталистической техники, как

прекраснодушного мечтателя, который удобен прежде всего тем, что уводит читателей от политики, от размышлений над «неприятными», теневыми сторонами жизни. Но в действительности, хотя Жюль Верн и не в состоянии был отчетливо разобраться в общественных противоречиях своего времени, он не только не скрывал от читателей «теневых» сторон жизни, но постоянно стремился, по мере сил и разума, напоминать о них в своих романах.

Во второй половине XIX века капиталистическим государствам становится тесно в границах своих прежних владений. Начинается ожесточенная борьба за рынки сбыта, за сферы влияния, еще более усиливается эксплуатация колониальных народов. Обостряются противоречия между трудящимися и капиталистами, между немногими господствующими нациями и поработенными народами колониальных и зависимых стран.

Не довольствуясь достигнутым, финансисты и промышленники готовились к новым захватническим войнам.

Англия, которая еще недавно лицемерно называла себя «другом» Франции, превращается в ее врага и соперника. Окрепшая Германия точит зубы на богатые залежами угля районы Франции. Быстро набирается сил и уже показывает свои волчьи клыки молодой американский капитализм.

Взоры Жюль Верна всё чаще и чаще начинают обращаться к угнетенным колониальным народам, малейшие попытки которых хоть сколько-нибудь облегчить свою участь беспощадно подавляются огнем и железом.

Симпатии Жюль Верна неизменно были на стороне поработенных народов, стонущих под гнетом жестоких колонизаторов. Писатель с негодованием говорит о тех государствах, которые разжигают захватнические колониальные войны.

Самый популярный герой Жюль Верна, создатель подводного корабля «Наутилус», загадочный капитан Немо неожиданно оказывается индусским принцем Даккаром, который мстит англичанам за свою поработленную родину («80 000 километров под водой» и «Таинственный остров»). Герои романа «Паровой дом», путешествуя по Индии, становятся свидетелями жестокого подавления восстания сипаев.¹

При этом Жюль Верн не забывает напомнить, что национальные промышленники, действующие рука об руку с британскими колонизаторами, выступают как предатели своего народа.

В «Пятнадцатилетнем капитане» автор воскрешает страшные картины колониального разбоя английских и португальских завоевателей Африки, решительно выступая против расового угнетения и работорговли. В романе «Джангада», события в котором происходят в середине XIX века, Жюль Верн описывает ужасы работорговли в южных штатах Америки.

Читая эти страницы, невольно переносишься мыслью в современную Америку, где рабства юридически хотя и не существует, но фактически негры находятся вне закона, подвергаются самым грубым издевательствам и лишены основных условий человеческого существования.

Франко-прусская война 1870—1871 годов, окончившаяся отторжением от Франции Эльзаса и Лотарингии, показала Жюль Верну, что германский империализм принесет народам новые кровавые войны и неисчислимые бедствия, если не обуздать раз и навсегда захватнического рвения германских промышленников и финан-

¹ С и п а и — солдаты-индийцы, находившиеся на службе у англичан.

систов. С гневной иронией он рисует в своем романе «Пятьсот миллионов бегумы» отталкивающий образ профессора Шульце, убежденного человеконенавистника и проповедника звериной расистской теории. Шульце выступает не только как ближайший предшественник германских фашистов, но в его образе можно заметить также самые отвратительные и самые уродливые черты, свойственные современному американскому капитализму.

В другом романе — «Тайна Вильгельма Шторица» — Жюль Верн изображает ученого, который употребляет научный секрет своего отца — способность превращаться в человека-невидимку — во зло людям.

И в том и в другом случаях носители зла и разрушения — и профессор Шульце, и Вильгельм Шториц — терпят бесславное поражение и навлекают на себя гибель.

Несмотря на то, что Жюль Верн не понимал значения революционной классовой борьбы и не знал законов общественного развития, которые устанавливают с научной точностью неизбежное крушение капиталистического строя и победу коммунизма во всем мире, он никогда не переставал верить, что силы прогресса, рано или поздно, восторжествуют и носители зла будут уничтожены. Но Жюль Верн роковым образом заблуждался, считая возможным унять поджигателей новых войн и поработителей народов, не уничтожив самих основ буржуазного строя, которые казались писателю вечными и незыблемыми.

В конце жизни Жюль Верн убедился в том, что его надежды на дальнейший прогресс и на мирную жизнь народов не осуществимы в современных условиях. В поздних романах Жюль Верна можно найти множество гневных и горьких страниц, подтверждающих эту мысль.

Американские миллионеры, построившие чудо техники — плавающий остров, на котором был расположен великолепный город-курорт, — мечтали празднично и беспечно проводить свои дни на этом чудесном острове. Но там, где жизнь основана на золоте, на материальном расчете, не могут быть подавлены своекорыстные, эгоистические интересы, не могут быть уничтожены вражда и соперничество. Обитатели острова ссорятся, разделяются на две партии, затевают войну, разрушают остров и сами же тонут в волнах, цепляясь за обломки своего «счастья» («Остров винт»).

Когда талантливый инженер Ксидраль — изобретатель удивительной машины, с помощью которой он притянул к Земле огромный метеор, состоящий из чистого золота, — становится самым богатым человеком на земле, в Европе и Америке начинается страшная паника: золото катастрофически падает в цене, лопаются банки, обесцениваются акции. Сам того не ведая, Ксидраль потрясает устои буржуазного мира. На золотом фундаменте держатся все общественные отношения, золото обеспечивает миллионерам их могущество, а машина Ксидраля, превратившая золото в обыкновенный металл, выбивает почву из-под ног богачей, мигом разрывает все вековые связи, ломает коммерческие расчеты, нарушает финансовое и политическое «равновесие», пугает все карты.

С убийственной иронией Жюль Верн рисует заседание совета держав, который должен найти выход из создавшегося положения. И совет держав находит выход: отправить к берегам Гренландии военную экспедицию, чтобы уничтожить изобретателя и его изобретение («Золотой метеор»).

Сатирическая фантазия двух последних романов говорит о том, что Жюль Верн вовсе не был далек от

политики и отнюдь не являлся таким уж наивным и благодушным «развлекателем юношества», как его представляют обычно буржуазные критики.

На основании этих романов советским читателям легко сделать свои собственные выводы, до которых не в состоянии был дойти великий фантаст Жюль Верн: до тех пор, пока на земле будет существовать капиталистическая эксплуатация, до тех пор, пока достоинства человека будут измеряться наличием у него того или иного количества золота — долларов или фунтов стерлингов, — неизбежно будут порождаться причины, приводящие к кровопролитным войнам, неизбежно будут обращаться во зло достижения научной мысли и завоевания техники. Всё то, что мы сказали о творчестве Жюль Верна, поможет уяснить также и смысл романа «Вверх дном».

III

В 1861—1865 годах в Северной Америке происходила кровопролитная война между южными рабовладельческими штатами и северными, требовавшими уничтожения рабства негров. Существование рабства препятствовало развитию капиталистической промышленности. Война растянулась на несколько лет из-за предательского сговора Вашингтонского правительства с южными плантаторами. Только участие широких народных масс в борьбе против рабства привело к победе Севера над Югом.

После окончания войны реакционные силы Америки сразу же приняли все меры к тому, чтобы «освобожденные» негры не смогли воспользоваться своими гражданскими правами и остались бы в прежнем рабском состоянии. Подобная политика расового угнетения нег-

ров целиком и полностью сохраняется и в современной империалистической Америке.

Жюль Верн пристально следил за ходом войны и полностью сочувствовал северным штатам.

В год окончания войны он написал свой известный роман «От Земли до Луны», а позднее — в 1873 году — его продолжение — «Вокруг Луны» (обычно оба романа издаются как две части одного произведения под названием «Из пушки на Луну»).

Замысел Жюль Верна основан на хорошо продуманных научных предпосылках. Автор приводит сложные математические расчеты, чтобы доказать теоретическую возможность полета на Луну, если снаряду будет сообщена начальная скорость 11 километров в секунду. В настоящее время теория межпланетных сообщений во многом опередила Жюль Верна и показала несостоятельность предложенного им способа полета на Луну. Но за писателем, тем не менее, остается бесспорная заслуга популяризации идеи космических полетов в свете научных данных его времени.

Роман «Из пушки на Луну» ценен для нас не только своей научно-познавательной стороной. В нем содержится также и социально-политическая тема, которая до сих пор не утратила своего интереса.

Действие романа происходит вскоре после окончания гражданской войны в Америке. Инициатором полета на Луну выступает богатый лесопромышленник Импи Барбикен, он же — председатель артиллерийского клуба в Балтиморе. «В пылу увлечения войной единственной заботой этого ученого клуба, — сообщает Жюль Верн, — стало истребление рода человеческого».

Когда война закончилась, наконец, победой северян, «для членов Пушечного клуба настал «мертвый сезон» — полная безработица». Купцы по роду занятий и артил-

леристы по вдохновению, они изрядно нажились во время войны и не желают примириться с безотрадной для них необходимостью вернуться к будничным делам — к своим конторам и прилавкам.

В сатирическом тоне Жюль Верн сообщает о мечтаниях азартных артиллеристов возобновить военные действия. Математик Мастон убеждает своих товарищей по клубу не падать духом, ибо еще не всё потеряно. «Вы забываете, — говорит он, — всегда возможны международные затруднения, которые позволят нам объявить войну какой-нибудь заатлантической державе! Неужто французы не потопят ни одного нашего корабля? Неужто англичане не нарушат когда-нибудь международного права, ну, например, не повесят трех-четырех наших земляков?»

Но сидеть сложа руки и ждать, пока какой-нибудь державе вздумается нарушить международное право и повесить трех-четырех американцев, отнюдь не улыбается бравым артиллеристам. Совместными усилиями они приходят к «мудрому» решению: зачем ждать повода для войны, когда его можно создать по собственной инициативе?

«— Истинная правда! — подхватил с новою силою Мастон. — В воздухе носятся тысячи поводов к войне, которыми не хотят воспользоваться!.. И ведь незачем далеко искать повода к войне: разве Северная Америка раньше не принадлежала англичанам?»

— Без сомнения, принадлежала! — воскликнул Том Гентер, яростно размешивая угли в камине концом своего костыля.

— Ну, — прибавил Мастон, — так почему же Англии, в свою очередь, не принадлежать американцам?»

Жюль Верн ядовито высмеивает зарождавшиеся уже во второй половине XIX века агрессивные настроения

американских капиталистов. Сатира Жюль Верна, направленная против американских реакционеров, в наши дни, когда Англия фактически уже превращается в 49-й штат Америки, звучит с еще большей силой, чем в те далекие годы, когда была написана эта книга.

IV

Четверть века спустя после появления первой части «Из пушки на Луну» Жюль Верн опубликовал роман «Вверх дном» (1889), в котором читатель снова встречается с знакомыми лицами — членами того же артиллерийского клуба в Балтиморе.

Жюль Верн, как мы видели, еще в 1865 году сумел обнаружить и осмеять воинственные наклонности американских капиталистов. К концу века пресловутая «страна свободы» дала ему, разумеется, еще больше материала для обличения.

К тому времени Америка успела превратиться в самую мощную индустриальную державу, занявшую первое место в мире по своей промышленной продукции.

Развитие капитализма в Америке сопровождалось неслыханными спекуляциями, расхищением государственной казны, грандиозными мошенничествами, в которых оказывались замешанными даже члены правительства. В сейфах американских банков хранилось такое количество золота, что американские миллиардеры надеялись с его помощью держать в повиновении не только свой народ, но и закабалить весь мир.

К концу XIX века Соединенные Штаты вступили на путь военных авантур, захватили Гавайские острова и Филиппины и начали осуществлять свои кровавые злодеяния за пределами Американского материка.

В. И. Ленин писал, что в Америке очень быстро «Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды... Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой».¹

Сообщая одному из своих друзей о замысле нового романа, Жюль Верн подчеркивает его сатирическую направленность против американского капитализма: «Я быстро и горячо напишу роман о том, как американцы напугали весь мир, — вернее, о том, как они только напугали, о том, как у них ничего не вышло, ибо они коснулись тех покровов, которые не допустят до себя людей, явившихся с долларами в карманах. Только чистые намерения явятся той магической палочкой, которая способна снять покровы со всех тайн природы, на то и существующих, чтобы потом, когда-нибудь служить добрым, прогрессивным целям человека...»

Первоначально роман «Вверх дном» был озаглавлен автором более выразительно: «О том, как американцы напугали весь мир». Но издатель, не желавший портить отношений со своими американскими друзьями, отверг это заглавие.

Сразу же после появления в оригинале роман «Вверх дном» был переведен на иностранные языки и раньше всего — на русский.² Только американские издатели и журналисты не торопились сообщать публике о новой книге Жюль Верна и тем более не спешили с ее изда-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, изд. 4-е, стр. 45.

² Многие романы Жюль Верна, в том числе «Вверх дном», были переведены на русский язык известной украинской писательницей второй половины XIX века Марко Вовчок (псевдоним М. А. Вилинской).

нием. Лишь спустя десять лет роман «Вверх дном» был издан в Америке незначительным тиражом.¹

После благополучного завершения знаменитого полета на Луну Барбикен свыше двадцати лет спокойно наслаждался своей славой, после чего приступил к осуществлению нового отчаянного проекта, идея которого была подсказана математиком Мастоном. Однажды, в пылу артиллерийского азарта, Мастон заявил, что если ему удастся найти точку опоры, то американцы сумеют выпрямить земную ось (см. «Из пушки на Луну»).

Как известно читателям, математик Мастон, производя расчеты, необходимые для претворения в жизнь этого замысла, по рассеянности не дописал при начале своих вычислений трех нулей и таким образом принял длину окружности земного шара в 40 000 метров вместо 40 000 километров. В итоге, при окончательном подсчете, ошибка выросла до 12 нулей. Чтобы земная ось действительно могла переместиться на $23^{\circ} 28'$, необходимо было усилить отдачу от выстрела в триллион раз. Практически достигнуть такой силы невозможно, о чем сам автор шуточно сообщает в заключительной главе романа.

Следовательно, члены Пушечного клуба, обставив свое предприятие шумной рекламой и не разобравшись в сути дела, проявили чисто американское бахвальство и самонадеянность. Нелепая затея героев «Вверх дном» понадобилась Жюль Верну для того, чтобы извлечь все возможные логические последствия из заведомо абсурд-

¹ Повидимому, американцы до сих пор еще не могут простить французскому писателю нанесенной им обиды. В 1943 году в Нью-Йорке вышла книга о Жюль Верне, написанная неким Вальтцем. Он даже и не упоминает в ней о существовании романа «Вверх дном».

ной предпосылки. Таким образом, научное значение нового опыта Барбикена самим же автором сводится на нет. Фантастический замысел предприимчивых героев служит Жюль Верну лишь удобным поводом для придания своему роману большей сатирической остроты.

Впервые знакомя читателей с Барбикеном («От земли до Луны»), автор подчеркивает личное бескорыстие героя, который, не задумываясь, рискует ради научного опыта своей жизнью и не помышляет о собственной материальной выгоде. В романе «Вверх дном» тот же самый Барбикен предстает как один из организаторов подозрительной компании по эксплуатации природных богатств Северного полюса. Предприятие сулит неисчислимые барыши, и «Северная полярная компания» ни перед чем не останавливается, чтобы добиться своей цели. Барбикен и его друзья, ставшие прожженными дельцами и коммерсантами, устраивают финансовый ажиотаж и рекламную шумиху вокруг затеянной ими грандиозной авантюры.

На этот раз Жюль Верн подчеркивает уже не бескорыстие героев, а обуревающую их жажду обогащения, их стяжательские хищнические инстинкты. И в этом нет ничего удивительного. Члены Пушечного клуба, как истые янки, не могли остаться в стороне и не быть затронутыми теми колоссальными сдвигами, которые произошли в американской жизни за каких-нибудь четверть века после окончания гражданской войны. Рисуя психологию этих самоуверенных наглых американцев, Жюль Верн нисколько не преувеличивает и не грешит против истины.

«В Соединенных Штатах, — пишет Жюль Верн, — ни одно предприятие, даже самое дерзкое, почти невыполнимое, не останется без сторонников, готовых взять на себя практическую сторону дела и вложить в него свои

средства». Поэтому новоявленная компания, нимало не смущаясь тем, что на ее затею посмотрят как на «... очередное дутое предприятие, которые так часты в американском коммерческом мире», — начинает свою деятельность с покупки на торгах... Северного полюса! Американское правительство полностью поддерживает это начинание: «Ведь если бы новой компании удалось приобрести полярные земли, то они стали бы полной собственностью Соединенных Штатов, проявляющих в последнее время бешеное стремление к непрерывным захватам».

Но для того, чтобы богатства Северного полюса сделать доступными для разработки, американцы решают растопить полярные льды. Чтобы растопить полярные льды, надо изменить расположение климатических поясов. Чтобы изменить расположение климатических поясов и подвергнуть полярные льды воздействию солнечных лучей, необходимо «выпрямить» земную ось. И неутомимый Барбикен снова сооружает чудовищную пушку, но теперь уже не для того, чтобы произвести сравнительно безобидный выстрел в Луну...

Барбикен и его товарищи ради своих собственных эгоистических расчетов на этот раз организуют злодейский заговор против всего человечества. Не сомневаясь в безусловном успехе своего предприятия, они не подозревают, что Мэстон допустил ошибку в вычислениях. Они тщательно предусматривают, чтобы при перемещении земной оси оказались незатронутыми их личные интересы и интересы вдовы Скорбит, вложившей свои капиталы в покупку Северного полюса. Катастрофа не коснется Балтиморы и балтиморского Пушечного клуба!

Что же касается того, что после «выпрямления» земной оси моря и океаны выльются из берегов и затопят целые материки, исчезнут с лица земли целые государ-

ства и в пучинах вод погибнут целые народы, — то Барбикену и компании до этого нет никакого дела!

Зато они смогут из недр Северного полюса добывать каменный уголь! Зато будет процветать и благоденствовать «Северная полярная компания»!

Во всей этой истории Жюль Верн допускает преувеличения лишь постольку, поскольку заведомо нелепа первоначальная предпосылка замысла Барбикена. Но писатель нисколько не отклоняется от истины в изображении методов капиталистической наживы, бессовестных спекуляций мнимыми ценностями и связанного с этим финансового ажиотажа, в изображении звериной алчности и жестокости капиталистических хищников Америки, ставящих на карту ради своих эгоистических расчетов судьбы и благополучие всего человечества.

В ту пору, когда Жюль Верн написал роман «Вверх дном», молодой американский империализм еще только выступил, бряцая оружием, на международную арену, грубо расталкивая и притесняя своих заокеанских соседей. В то время еще только начиналось длительное и упорное соперничество двух империалистических хищников — Америки и Англии, — борьба между долларом и фунтом стерлингов. Английские представители, явившиеся в романе Жюль Верна в Балтиморе для участия в торгах по приобретению полярных земель, полны еще самоуверенности и наглости. По словам автора, английские делегаты воплощают в себе «все аппетиты, стремления, инстинкты коммерческих и промышленных деятелей своего отечества, с присущей этой нации привычкой считать по какому-то специально для них существующему закону природы все северные, южные, экваториальные и прочие области, не принадлежащие еще никому, — своими».

В наше время после окончания второй мировой

войны еще более разбогатевшая Америка заняла господствующее положение в капиталистическом мире. Англия, которая еще совсем недавно была самой сильной капиталистической державой, вместе с другими буржуазными странами теперь находится в полной зависимости от своего заокеанского повелителя — господина Доллара.

Современные американские империалисты, насмерть перепуганные успехами и мощью страны социализма, возглавляют поход международной реакции против Советского Союза и стран народной демократии. Их авантюристические замыслы завоевать господство над всем миром, их истерические вопли и угрозы уничтожить мировой коммунизм с помощью атомной или водородной бомбы и повернуть вспять колесо истории разительно напоминают неудачную попытку героев Жюль Верна «выпрямить» земную ось. Как известно, Барбикен не сумел «выпрямить» земную ось, но зато наделал много шума!

Несмотря на умеренность своих политических взглядов, Жюль Верн, честно наблюдая действительность, сумел достаточно тонко подметить и едко осмеять в ряде своих романов уродливые стороны капиталистического «прогресса». Но этому вдохновенному мечтателю никогда бы не пришло в голову, что его роман «Вверх дном», спустя более шестидесяти лет после его написания, будет звучать в середине XX века как злободневный политический памфлет.

В наши дни мы являемся свидетелями новой грандиозной аферы, предпринятой стоящей у власти кучкой атомно-долларовых дипломатов. Щедро расточая лживые обещания и посулы, американские империалисты ввели продажные правительства буржуазных государств в преступный заговор против Советского Союза

и всего человечества. Так называемый «план Маршалла» и пресловутый «Северо-атлантический пакт» — эта чисто американская спекуляция фиктивными ценностями в обмен на человеческую кровь и жизни, — как это всё удивительно походит на «Северную полярную компанию» во главе с Барбикеном, который сулил всяческие блага своим акционерам, после того... как солнце растопит лед на Северном полюсе!

Народы всего мира зорко следят за разбойничьими происками американских поджигателей войны. Всё возрастающая мощь великого Советского Союза, успехи стран народной демократии на пути к социализму, всемирно историческая победа китайского народа в его долголетней борьбе за свою свободу и независимость, образование Германской демократической республики, непрерывно возрастающее национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах, неудачи позорной войны американских империалистов и их приспешников против героического корейского народа — всё это свидетельствует о непреодолимой силе лагеря мира и демократии.

С каждым днем расширяется и крепнет движение сторонников мира, в котором участвуют сотни миллионов простых людей нашей планеты. На борьбу за жизнь, свободу и счастье их вдохновляют великие слова, сказанные товарищем Сталиным: «Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца».

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава	I. В которой рассказывается, с каким извещением обратилась «Северная полярная компания» ко всему свету	5
Глава	II. В которой читатель познакомится с делегатами Голландии, Дании, Швеции, России и Англии	16
Глава	III. В которой производится продажа арктической области	28
Глава	IV. В которой появляются старые знакомые наших юных читателей.	40
Глава	V. А можно ли допустить, что около Северного полюса имеются залежи каменного угля? . .	47
Глава	VI. В которой внезапно прерывается телефонный разговор между миссис Скорбит и Мастоном.	53
Глава	VII. В которой Барбикен не говорит больше того, что он хочет сказать	65
Глава	VIII. Земля в положении Юпитера	75
Глава	IX. В которой появляется новое действующее лицо французского происхождения	78
Глава	X. В которой начинают выясняться различные неприятные обстоятельства.	84
Глава	XI. Что было в записной книжке Мастона и чего там не оказалось	93
Глава	XII. В которой Мастон продолжает хранить свое упорное молчание	98
Глава	XIII. В конце которой Мастон дает поистине эпический ответ	106
Глава	XIV. Очень короткая, но в которой «Х» получает, наконец, географическое значение . . .	112
Глава	XV. Которая содержит кое-что чрезвычайно важное для обитателей земного шара.	113

Глава XVI.	В которой хор недовольных берет самые громкие ноты	120
Глава XVII.	Что происходило у подошвы Килиманджаро в продолжение восьми месяцев этого памятного года	124
Глава XVIII.	В которой население Вамасаи с нетерпением ждет минуты, когда Барбикен скамандует: пли!	134
Глава XIX.	В которой Мастону приходится пожалеть о том времени, когда толпа хотела предать его суду Линча	137
Глава XX.	В которой эта любопытная история — столь же правдивая, сколь и невероятная — заканчивается	146
Глава XXI.	Очень короткая, но весьма успокоительная для будущего всего мира	153
Е. Брандис.	О Жюль Верне и его романе «Вверх дном».	154

*Отзывы и пожелания издательству
направляйте по адресу: Ленинград,
набережная Кутузова, 6, Дом
детской книги Детгиза.*

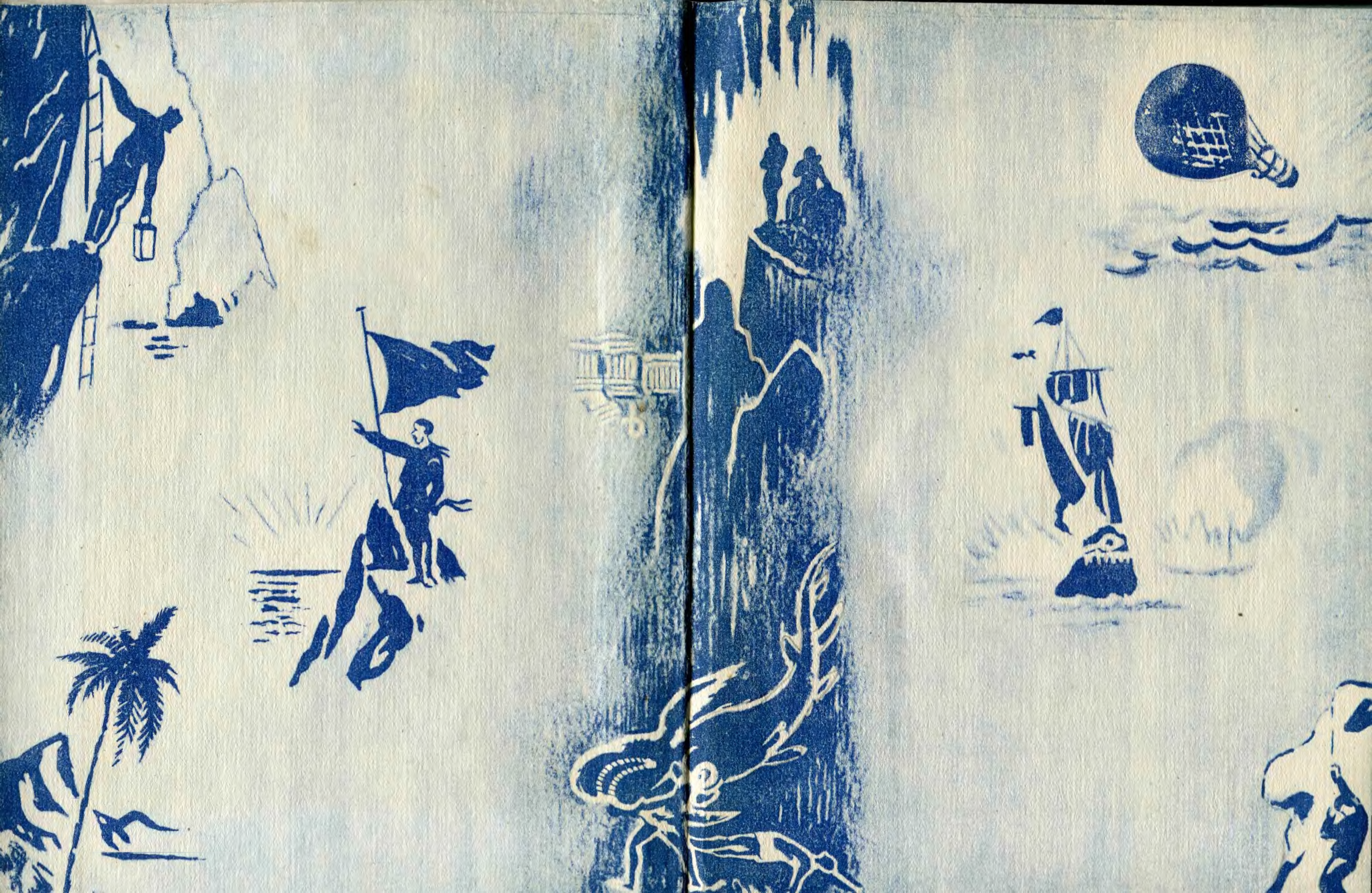
Для старшего возраста

Ответственный редактор *Р. Филиппова.*

Художник редактор *Ю. Киселев.* Технический редактор *Т. Лейкина.* Корректоры *А. Петрова* и *А. Назарова.* 70 × 108^{1/32}. Бум. л 2^{1/4}. Печ. л. 7,5. Уч. изд. л 7,33.

Авт. л. 5,74. М-01731. Гираж 75 000. Подписано к печати 20/II 1952 г.

Заказ № 841. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения
РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.

Новая цена

3 р. 90 к.

1952 г.